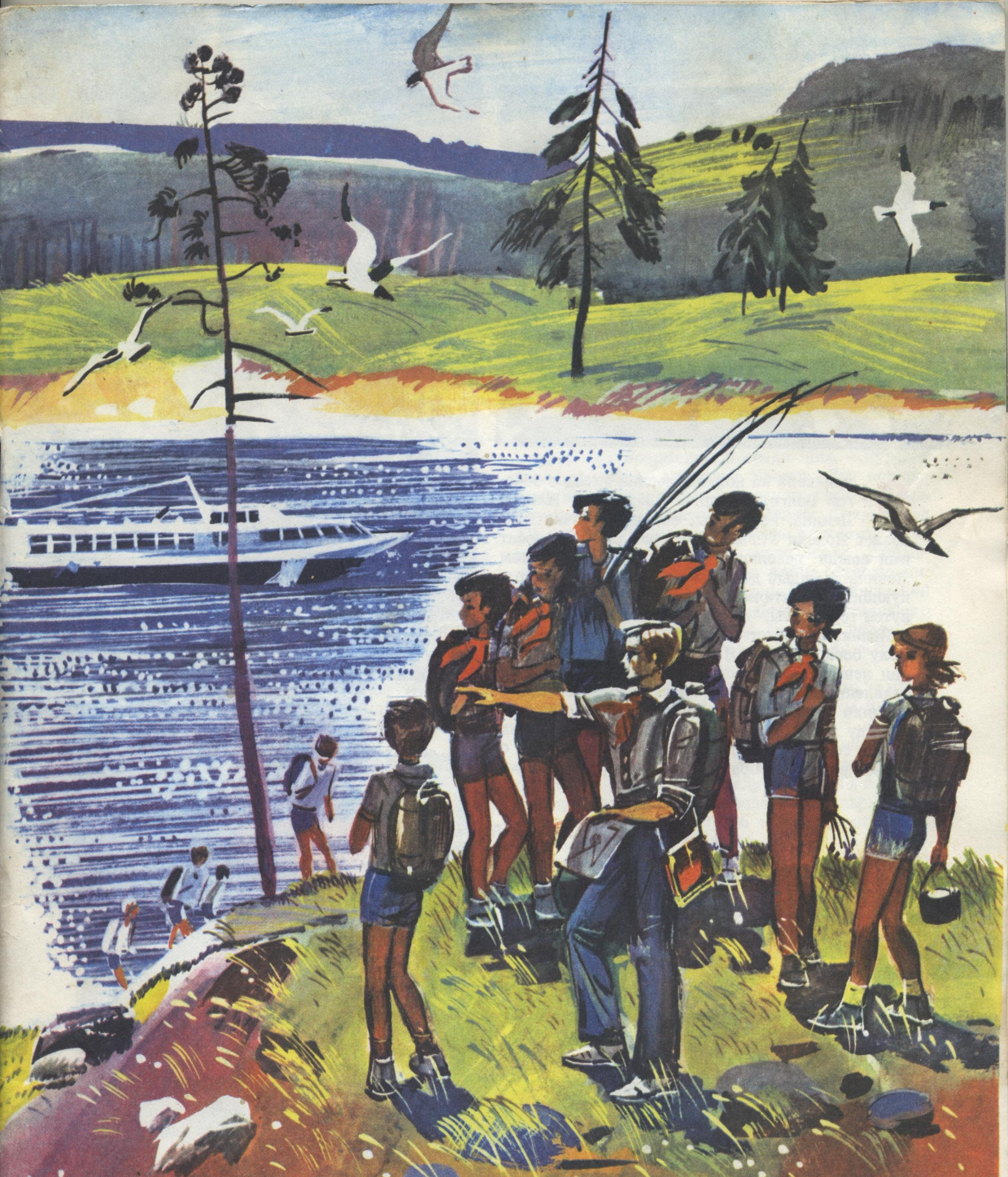


ПИОНЕР 8

АВГУСТ • 1978 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Я приехала на комсомольский съезд с берегов Волги, с родины Владимира Ильича Ленина, из школы, которую кончал гимназист Володя Ульянов, которая сегодня носит имя вождя революции и награждена орденом Ленина. Каждый день съезда был наполнен волнующими событиями. В памяти навсегда останутся те минуты, когда ветераны гражданской и Великой Отечественной войн вручили комсомолу боевое знамя. Я и мои друзья по делегации испытывали огромное волнение, когда прославленные космонавты приветствовали съезд и вручили комсомолу космический вымпел. Я долго буду вспоминать выступления зарубежных гостей со всех континентов, которые говорили о борьбе за мир, о братской солидарности, выра-

Эти фотографии наши корреспонденты В. ГУСЕВ и С. ПЕТРУХИН сделали на XVIII съезде комсомола.

Татьяна ЛОБАНОВА,
член ЦК ВЛКСМ,
делегат XVIII съезда комсомола,
старшая пионервожатая
ордена Ленина средней школы № 1
имени В. И. Ленина г. Ульяновска

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК НОСИТЕ С ГОРДОСТЬЮ!

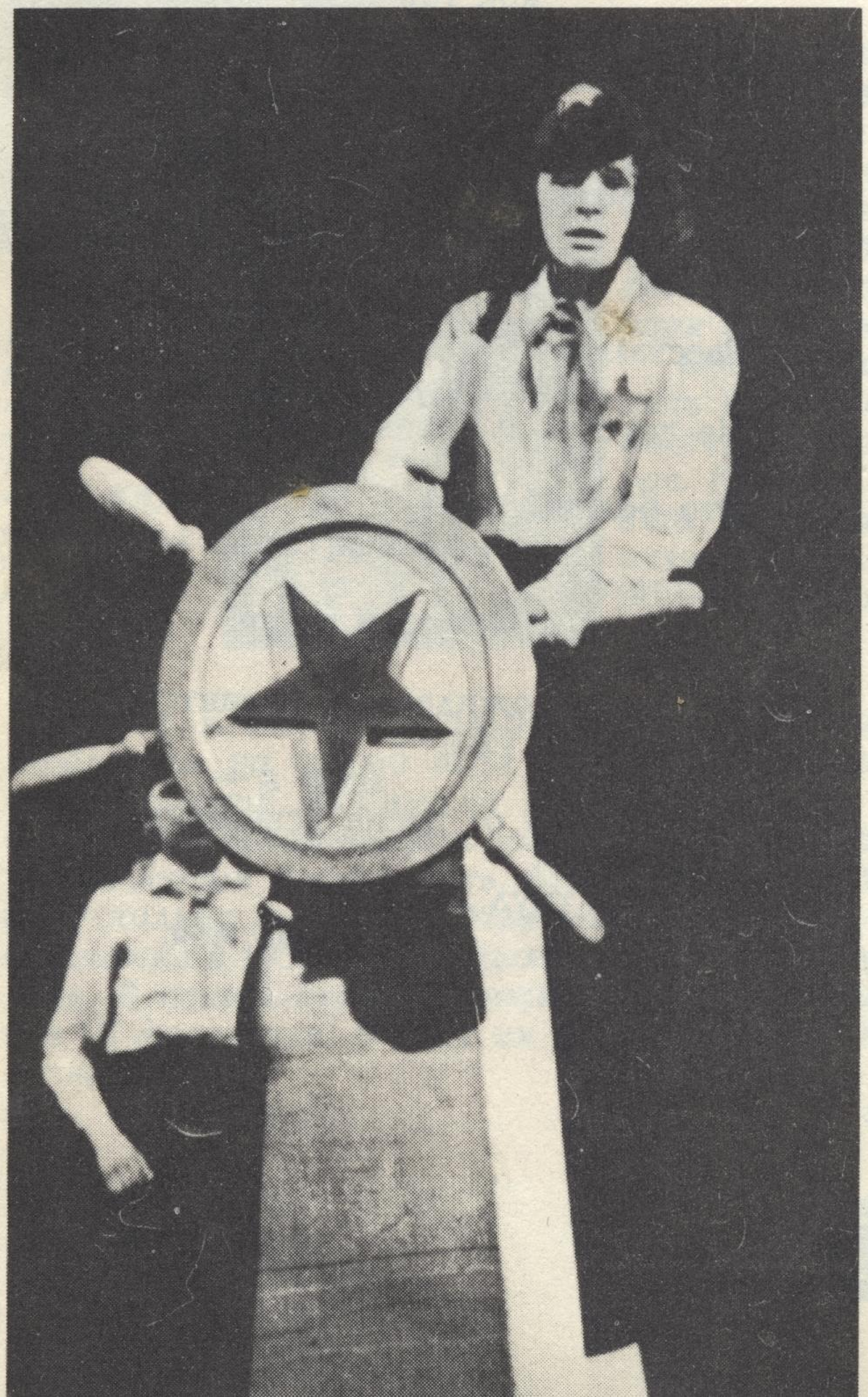
жали Ленинскому комсомолу и пионерской организации признательность за дружбу и сотрудничество. До сих пор я вижу мужественные лица парней и девчат в форме строителей, которые прямо со съезда уехали на новостройки страны.

Я сидела в зале и все время думала о своих ребятах — пионерах нашей дружины. Почему? Да потому, что на съезде говорилось о будущем страны, о будущем комсомола, а это будущее — вы, дорогие ребята, с красными галстуками на груди. И партия коммунистов, и Ленинский комсомол, и весь наш народ очень хотят, чтобы вы выросли настоящими гражданами — стойкими, мужественными, знающими, умелыми, хорошими товарищами и друзьями. Сейчас мне приходится часто выступать перед пионерами разных школ, рассказывать о съезде. Я, конечно, рассказываю и о работе нашей дружины.

В какой дружине ребятам интересно? В какой дружине кипит настоящая пионерская жизнь, в каком пионерском отряде нет лодырей и двоечников? На эти вопросы я отвечу так: в такой дружине и в таком отряде, где каждый на виду, у каждого есть свое пионерское поручение, где действует закон «Один за всех и все за одного», где ребята развивают традиции своего коллектива.

Традиции нашей дружины очень дороги ребятам, потому что за каждой из них — яркая страничка прошлого.

12 сентября — большой праздник нашего города. В грозном 1918 году бойцы Железной дивизии под командованием легендарного комдива Гая освободили наш родной город от белогвардейцев. В жестоком бою геройски погибли многие красноармейцы и среди них — курсант военных курсов Григорий Иванов. Его похоронили на крутом склоне волжского берега. Здесь ему поставили памятник. И сейчас каждый год 12 сентября пионерские отряды вместе со своими шефами — военными курсантами отправляются в поход к могиле бойца революции. Здесь по традиции проходит первый пионерский сбор года. На этом сборе ребята рассказывают о том, как провели лето, что сделали полезного для страны, что предстоит сделать на маршрутах нашего пионерского Марша.



Чтобы работа в дружине шла весело и интересно, нужно добиться дружной работы и мальчиков и девочек.

Мне не раз приходилось слышать о том, что, мол, мальчишки — народ пассивный, их трудно раскачать... Да, и такое случается. Но в каких отрядах? В таких, где не доверяют мальчишкам. И в нашей дружине было такое время, когда многие мальчишки стояли в стороне от пионерских дел. Но сейчас я скажу, что мальчишки в нашей дружине — это опора пионерского актива. Самые инициативные отряды в нашей дружине те, во главе которых — командиры мальчишки. Кто победитель трудовых операций? Мальчики отряда имени Гая. А кто звонче всех поет в нашей школе? Опять мальчишеский хор.

В нашем совете дружины 13 мальчиков. Слово председателя совета дружины Володи Марьева самое авторитетное. Вот уже несколько

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

лет при совете дружины действует штаб «Учись учиться», во главе которого Сережа Гогин — член совета дружины, победитель районных и городских олимпиад.

И еще хочу сказать вам, что в нашей школе нет неуспевающих. Ребята проводят различные конкурсы, олимпиады, вечера, которые помогают им узнавать много нового и интересного.

На XVIII съезде ВЛКСМ шел большой разговор о подготовке к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, к 60-летию ВЛКСМ. Эта подготовка идет и в нашей дружине. Все пионеры и комсомольцы из поколения в поколение пополняют и расширяют школьный Ленинский музей, в котором бывают тысячи ребят из разных уголков нашей Родины. Мы всех встречаем, как дорогих гостей. Экскурсии в музее ведут сами пионеры, они же отвечают на письма ребят из разных городов и поселков. Навстречу комсомольскому юбилею дружина провела «Корчагинскую трудовую неделю», начала операцию «Пионерскую заботу — улицам, носящим имена героев-комсомольцев».

Во дворе нашей школы мы посадили шестьдесят берез, чтобы потом те, кто придет в школу в будущем, берегли и украшали нашу комсомольскую аллею. Ребята пишут историю комсомольской организации наших шефов, проводят конкурс рассказов о первых комсомольцах нашего края, краеведы изучают славный путь комсомольской организации области. Обо всем не расскажешь. В каждой дружине есть свои интересные дела, о которых ребята в канун юбилея расскажут на Всесоюзном пионерском сборе «Мы верная смена твоя, комсомол».

...Время летит стремительно. Не успеешь оглянуться, и пройдут твои пионерские годы. И от каждого из вас зависит, какой след в сердце, в характере оставят они. Мне хочется пожелать всем вам вместе и каждому в отдельности — будьте инициативны, не ждите подсказок, уважайте друг друга, не теряйте времени попусту, **будьте всегда, всю жизнь верны честному пионерскому слову и с гордостью носите красный пионерский галстук.**

Олег БЕЛИКОВ

Я — АРТЕКОВСКАЯ ВОЖАТАЯ

Прячу за спину
пальцы сжатые,
Разреветься при всех
боюсь.
Я,
артековская вожатая,
С пионерами расстаюсь.
Расстаюсь
со своим отрядом,
И вокзал —
последний привал,
На котором еще мы рядом...
Отчего же у запевал
Голоса срываются часто
И слова звучат невпопад?
А до этого
как горласто,
Безошибочно пел отряд!..
Расстаюсь
с тридцатью мирами,
Не изученными до конца;
Их делами жила,
мечтами,
В такт стучали
наши сердца.
Расстаюсь:
«До свиданья, Лена...
Не грусти, Зульфия,
пиши...»
Это больно:
кончилась смена —
Расстаюсь
с частицей души.
Грусть моя
ожиданьем сменится,
Через день уже —
знаю я —
Снова море от песен вспенится.
...Дети —
труд мой,
любовь моя.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Почта дружбы

***ПЯТЬ ТЫСЯЧ** работ пришло в редакцию «Пионера» в ответ на «Фестивальную викторину Викки». Пять тысяч искренних, дружеских писем своим сверстникам, живущим во всех уголках земного шара. Это пять тысяч «Нет!» войне, пять тысяч «Да!» миру, солнцу и счастью.*

Так представляет веселого Викки Костя Мельников из Красноярска.

Внизу: автографы делегатов VI фестиваля, которые Наташа Киль послала в Гавану.

Много хороших плакатов прислали нам члены КИДа «Планета» из Ворошиловграда.

Нашу страну и остров Свободы разделяют тысячи километров пути по морям и океанам. Но наши народы соединяет мост дружбы: готовность всегда прийти на помощь. Фестиваль еще больше сдружит молодежь и детей Советского Союза и Кубы.

Вова Ванцов,
пос. Чучково, Рязанская обл.

Я живу на улице Фестивальной, тут живут и многие ребята из нашего класса. Из окна моей комнаты виден парк Дружбы. Его посадили делегаты VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Моя мама тогда была студенткой и вместе с зарубежными делегатами сажала деревья в нашем парке. Она помнит «свои» деревья — теперь это стройные, красивые липы. С младшим братом Димой я часто хожу в парк к маминым деревьям.

Все ребята с нашей Фестивальной улицы давно готовились к XI Всемирному фестивалю в Гаване. Целый год мы мастерили подарки для наших друзей — кубинских пионеров. Каждый день в пионерскую комнату нашей школы ребята приносили значки, медали, марки, открытки, книги, разные поделки. Я послал кубинским сверстникам серию марок, посвященных космосу.

Максим Баранов,
г. Москва

У нас в семейном альбоме есть фотография: девушка взобралась на самый верх пожарной лестницы и смотрит вниз, заслонив ладонью от солнца глаза. Это моя мама, ей было тогда восемнадцать лет. А на лестницу она поднялась, чтобы лучше рассмотреть фестивальное шествие по Садовому кольцу в Москве. Мои мама и папа были делегатами фестиваля в 1957 году, приехали в Москву и там познакомились. В нашей семье бережно хранятся автографы делегатов VI фестиваля. Я хочу их подарить своим кубинским ровесникам.

Наташа Киль,
г. Душанбе

Amicalement
un Français
qui aime
l'URSS.
[signature]
merci de votre
bon accueil
[signature]

Это плакат Ларисы Ларкиной из города Стаханова Ворошиловградской области. Красивый, правда?

Нам еще немного лет, но мы готовы по первому зову подать руку помощи всем, кто в беде, кто ведет справедливую борьбу за народное счастье.

Светлана Михеева, пос. Юргамыш, Курганская область

Мы еще октябрята, учимся в третьем классе. Скоро нас будут принимать в пионеры. Мы готовимся стать юными ленинцами и одновременно готовимся к Всемирному фестивалю: прочитали много книг о дружбе ребят из разных стран, о Кубе. И поняли главное, без чего нельзя стать настоящими пионерами: за мир, за дружбу нужно бороться!

Октябрята 3-го класса, школа № 4, г. Геленджик

Дети много могут сделать для того, чтобы на земле был мир, чтобы каждое утро люди говорили друг другу «Добрый день!», не сомневаясь, что он будет добрым. Для этого нам, детям разных стран, надо крепче дружить и вместе бороться за счастливую жизнь!

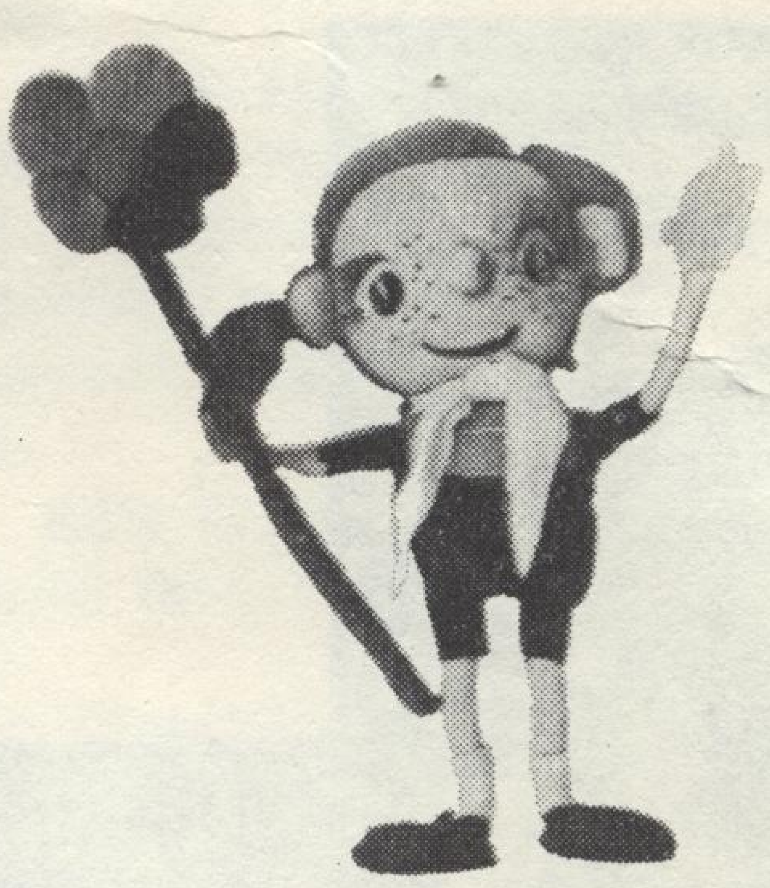
Оля Соболева, г. Троицк, Московская область

Мы с детских лет должны беречь родную землю. Пусть никогда не повторятся ужасы прошедшей войны. Погиб и мой дедушка, погиб, освобождая польскую землю от фашистов... Давайте же беречь мир и ненавидеть войну!

Наташа Голикова, г. Пустошка, Горьковская обл.

Мы на разных языках говорим слово «дружба», и оно во всех уголках земного шара, словно пароль, отворяет сердца людей. Мы дружим, и оттого растут ряды борцов за мир, за справедливую жизнь. Крепче возьмемся за руки! Через всю жизнь пронесем нашу дружбу!

Алена Некрасова, г. Одесса



Вот какой необычный Викки получился у Светы Кучумовой из Рязани.

ВИККИ ПОДВОДИТ ИТОГИ ВИКТОРИНЫ

Здравствуйте, ребята! Вот мы и встретились снова. Помните, в первом номере «Пионера» я задал вам десять вопросов об истории фестивального движения, о боевых традициях демократической молодежи, о Кубе, стране XI Всемирного фестиваля, и ее героях?

Прошло полгода, и в редакцию пришло пять тысяч ответов на «Фестивальную викторину Викки». В ней участвовали и пионеры из Болгарии, ГДР, Польши, Чехословакии и Монголии.

Жюри внимательно рассмотрело все работы. Меня очень порадовало то, что большинство ребят ответили на вопросы полно и интересно.

Конечно, никто из вас не знал ответов заранее. Но тем и дороги мне ваши работы, что вы прочитали много книг, журналов и газет. «*Чтобы ответить на твои вопросы,*— написала Оля Зубенко из города Измаила,—*я записалась в две библиотеки и четыре читальных зала. Там проводила все свободное время*».

И эта работа не пропала даром. «*О потраченном времени не жалею: узнала так много нового и интересного! Все пригодится мне в пионерской работе, ведь я председатель совета отряда*» — так считает Марина Горбунова из города Сарапула Удмуртской АССР.

Викторина сдружила очень многих ребят, это видно из их писем, из рассказов о своих отрядах, кружках и клубах интернациональной дружбы.

Вот что рассказала Оля Соболева из подмосковного города Троицка: «*Наша библио-*

тека временно была закрыта. Тогда я стала спрашивать нужные книги и журналы у друзей и знакомых. Все хотели мне чем-нибудь помочь. Ездила в библиотеки Подольска и Москвы, там ко мне отнеслись очень внимательно. Иногда было трудно искать ответы, но стремление друзей и совсем незнакомых людей помочь мне придавало силы».

Ребята отвечали на вопросы викторины, когда молодежь мира готовилась к XI Всемирному фестивалю в Гаване. Участники викторины совершили заочное путешествие по столицам всемирных фестивалей, разучили фестивальные песни. Марина Кастырина из города Уральска пишет: *«Впечатление от работы над викториной такое, будто я побывала на всех фестивалях. А главное — я поняла, какая огромная сила в солидарности молодежи!»*

В моей викторине были вопросы о Кубе и ее героических людях. Участники викторины много узнали об этой первой свободной стране на американском континенте. *«Я всей душой полюбила Кубу и ее славный народ,*— пишет Галя Манохина из города Кола Мурманской области.— *Я даже купила испанско-русский словарь и теперь учусь говорить и читать по-испански».*

О том, что узнали, ребята рассказывали своим одноклассникам, друзьям, октябрятам из подшефных классов. *«Я провела в школе пионерский сбор «От фестиваля к фестивалю»,*— написала Марина Кастырина.— *Нарисовала большую фестивальную ромашку, на классной доске написала крупно названия столиц всех фестивалей, и началось наше путешествие... На сборе было три пятых класса».*

Мне понравилось, что многих ребят викторина настроила на выдумку в подготовке к фестивалю. Пионеры четвертого класса из совхоза «Пятилетка» Пензенской области объявили игру между звеньями «Кто скорее приедет в Гавану?». *«Каждую неделю мы подсчитываем километры,*— пишут они.— *«Пятерка» — 50 километров, «четверка» — 40, «тройка» — не в счет. А если кто-нибудь «двойку» получит, от «пройденного» звеном пути отнимается 20 километров. Все ребята теперь стараются учиться только на «хорошо» и «отлично».*

Мне не терпелось узнать, как выполнят ребята мое «Особое задание». Я просил ребят представить себя в пионерском лагере имени Хосе Марти и написать, что бы они рассказали своим зарубежным друзьям? Участники викторины прекрасно справились с этим заданием, они написали много добрых слов о мире, о дружбе, о своем стремлении помогать борьбе молодежи всех стран за свои права. Некоторые из этих писем ребят вы прочитали на третьей и четвертой страницах, остальные я отвез на Кубу.

Желание жить под мирным небом и дружить с ребятами разных стран участники

Костюмы народов социалистических стран шили куклам девочки из четвертого «г» класса школы № 82 города Горького.

Из плакатов, сувениров и альбомов, присланных на викторину Викки, получилась у нас в редакции небольшая выставка.

викторины выразили и в рисунках, плакатах, всевозможных самодельных сувенирах. Семь лучших работ я послал на фестивальную выставку детского творчества, а сувениры — на фестивальный базар солидарности. Делегаты увезли их в свои страны как память об XI фестивале. А деньги от продажи сувениров переданы в фонд солидарности. Спасибо вам, ребята!

Как я обещал, десять юных коллекционеров, приславших правильные и самые полные ответы, получат в награду марки и значки из моей коллекции. Я рад, что многие ребята всерьез увлеклись филателией, отвечая на мои вопросы.

Некоторые ребята написали мне, что впервые сами оформляли свои альбомы, рисовали плакаты. Это тоже очень радует.

И почти все участники викторины научились работать с книгой, со справочной литературой.

Мне кажется, что главный итог моей викторины такой: знания и умение, полученные в работе над вопросами и заданиями, приблизили фестиваль к каждому участнику викторины. И я уверен, что эти ребята встречают Всемирный молодежный как СВОЙ праздник.

Я от души поздравляю ребят, авторов лучших работ, и награждаю их интересными поездками, грамотами и подарками. Поздравляю всех участников моей викторины. Они славно поработали и многому научились. Надеюсь, что в будущих викторинах они станут победителями.

Ваш Викки

ЖЮРИ ФЕСТИВАЛЬНОЙ ВИКТОРИНЫ ВИККИ НАГРАЖДАЕТ:

Олега Митина, ученика 6-го класса из города Мурома Владимирской области, **поездкой на Кубу для участия в детской программе XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.**

Алупкелова Юру из города Нефтекамска Ставропольского края, **Горбунову Марину** из города Сарапула Удмуртской АССР, **Журавлева Диму** из Москвы, **Кастырину Марину** из города Уральска Казахской ССР, **Михееву Свету** из поселка Юргамыш Курганской области, **Ортиеву Алину** из Петрозаводска, **Сафронову Таню** из Москвы, **Смирнову Таню** из Владимира, **Соболеву Олю** из города Троицка Московской области, **Шаткову Лену** из поселка Троицкого Алтайского края **поездкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».**

Школу пионерского актива «Факел» Дома пионеров села Ижевское Рязанской области, **КИД «Эпоха»** школы № 5 города Кременная Ворошиловградской области, **КИД «Аванте»** школы № 3 города Егорьевска Московской области, **КИД «Журавлик»** Дома пионеров города Лунинец Брестской области, **КИД «Тельман»** детского дома города Оханска Пермской области, **клуб «Красная гвоздика»** из Ленинграда, **КИД «Планета дружбы»** Оричской средней школы Кировской области, **КИД «Орбита»** школы № 64 города Горького, **5-й «в» класс** школы № 18 города Пскова, **6-й «в» класс** школы № 24 города Воскресенска Московской области **почетными грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина за активную подготовку к фестивалю.**

Березину Лиду и **Левушкину Свету** из поселка Залегощь Орловской области, **Браславскую Таню** из Магнитогорска, **Зенова Стасика** из Мурманска, **Михайлова Сашу** с острова Беринга, **Неверовскую Ларису** из Киева, **Павловскую Лену** из Москвы, **Фоминченко Андрея** из Волгограда **книгами о Кубе и памятными значками журнала «Пионер» за самые интересные ответы на отдельные вопросы викторины.**

ОГНИ «ЭДЕЛЬВЕЙСА»

«На нашем государственном гербе золотые колосья пшеницы. И это не случайно. Наш хлеб — это результат объединенного труда крестьянина, рабочего и интеллигента».

Л. И. Брежнев
(Из доклада на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1978 года).

«Эдельвейс». Так назвали ребята свою бригаду — первую комсомольско-молодежную чабанскую бригаду в Киргизии. Было это четыре года назад.

Сначала это название многих смущало: ну, действительно, кому оно знакомо здесь, в киргизских селах? А вышло иначе. Пройдите сейчас по тамошней колхозной улице и спросите встречного мальчишку:

— Кем будешь?

— «Эдельвейсом»!

...Высоко в горах, не боясь стужи и снега, растет крохотный белый цветок — отважный эдельвейс, цветок смелых и бесстрашных. Недаром назвали его именем свою бригаду ребята из Киргизии — их жизнь и труд стали примером для многих выпускников школ республики.

Да, ребята из «Эдельвейса» были первыми, кто, закончив школу, пошел не по проторенной дорожке — в город, в вуз, а остался работать в колхозе. Ребята остались всем классом потому, что долг звал их помочь родному колхозу.

ОТАРЫ ПОД ОБЛАКАМИ

Взгляни на карту нашей страны: на юге густой коричневой краской показаны хребты Тянь-Шаня. Они покрывают почти всю Киргизию.

Ребята из «Эдельвейса» живут в самом сердце республики — в Центральном Тянь-Шане. Здесь на высокогорном плато в долине реки Нарын расположен их родной колхоз.

Колхозные поля, долина реки окружены пологими холмами. Издали поглядишь — будто черной сеткой покрыты склоны: это бесчисленные тропинки, выбитые овечьими копытцами. По этим тропинкам и уходят весной на далекие пастбища колхозные отары.

За много лет привычной стала такая картина: над морем овечьих спин, что сплошной массой текут по склону холма, возвышается на коне седобородый чабан. И до самого недавнего времени всю нелегкую чабанскую работу несли на своих плечах такие вот старики.

Сейчас чабаны помолодели. И первыми молодыми чабанами были девчата из «Эдельвейса». Весной 1974 года они вместе с отцами погнали отары в горы.

Какими они были, эти девчата? Что помогло им и их школьным товарищам принять такое решение?

Вчера они были десятиклассниками, учились в колхозной школе, а сегодня их класс стал чабанской бригадой. Вот они, замечательные ребята из «Эдельвейса»! Третья справа — Майрамкуль Акметалиева, комсорг класса и бригады.

ШКОЛА УЧИЛА НЕ ТОЛЬКО АЛГЕБРЕ...

Еще пионерами они привыкли бегать в кошары, на скотный двор: у многих там работали матери. Ребята привыкали к распорядку, учились ухаживать за ягнятами.

Не только в колхозе, где родился «Эдельвейс», во всех окрестных хозяйствах пионеры шефствовали над молодняком, выхаживали заболевших или ослабленных овец. После уроков прибегали в кошары, накидывали поверх школьной формы белые халаты и только потом давали больным овцам лекарства, выгоняли на водопой. На пришкольном участке летом выращивали морковку — витамины для овец.

Став постарше, работали на заготовке кормов, на стригальных пунктах, ездили с агитбригадами на пастбище.

Так что чабанская профессия была для ребят не в новинку. Школы всегда помогали своим колхозам, и ребята немало времени проводили на полях, на пастбищах, в кошарах. Школа учила ребят не только алгебре и киргизскому языку, учила еще и трактор водить и машинами для заготовки кормов управлять.

И все же, окончив десять классов, многие покидали колхоз, забывали чабанские умения. Так продолжалось до 1974 года, когда выпускники школы колхоза имени Карла Маркса вместе с аттестатами зрелости получили трудовые книжки колхозников. Все выпускники того года — двадцать человек — вступили в родной колхоз. И подготовила их к этому школа...

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ ПРИНИМАЮТ РЕШЕНИЕ

Конечно, не в один день и не сразу приняли десятиклассники колхозной школы свое ответственное решение. Многое, очень многое пришлось взвесить и продумать ребятам на пороге взрослой жизни. А кое-кому и родителей пришлось уговаривать.

Как раньше бывало? Пройдет выпускной вечер — и через неделю уже никого из ребят в колхозе не сыщешь. Разлетелись-разъехались кто куда: во Фрунзе, в Пржевальск или в Нарын, в институты, в техникумы. А колхоз? В колхозе привыкли на выпускников не надеяться. Некоторые колхозники и рады были, что старшие дети будут подальше от тяжелого чабанского труда.

Трудно было колхозу управляться с хозяйством, рабочих рук не хватало. Приходилось ждать, когда город пришлет людей хотя бы на заготовку кормов да школьники что-то возьмут на себя. Долгие годы колхоз не справлялся с планом.

Обо всем этом, конечно, знали те, кто кончал школу в тот год. Знали, что только сейчас, с приходом нового председателя, колхоз выбрался из отстающих и ох как нужны сейчас в хозяйстве их руки! Целый класс — двадцать грамотных работников, двадцать ребят — комсомольцев, спортсменов, запевал — да это же целое богатство для колхоза!

И они поняли, что это сегодня важнее, чем все остальное, чем свое, личное. Поняли, что пришло их время быть в ответе за судьбу родной земли, за ее завтрашний день...

БЫЛ КЛАСС — СТАЛА БРИГАДА

Сразу после выпускных экзаменов ребята отправились на полевые работы. Трудились в то лето кто где — куда поставит колхозный бригадир. И тут-то наши боевые комсомольцы немного приуныли. Работать в колхозе поодиночке, среди взрослых было не так здорово и интересно, как мечталось. Да и ясно стало, что вразброс, поодиночке они сделают гораздо меньше, чем вместе, всей «гвардией».

Идея бригады назревала. Оформилась она после того, как ребята съездили в Казахстан. Колхоз отправил их в передовое хозяйство посмотреть, как работает молодежь соседней республики.

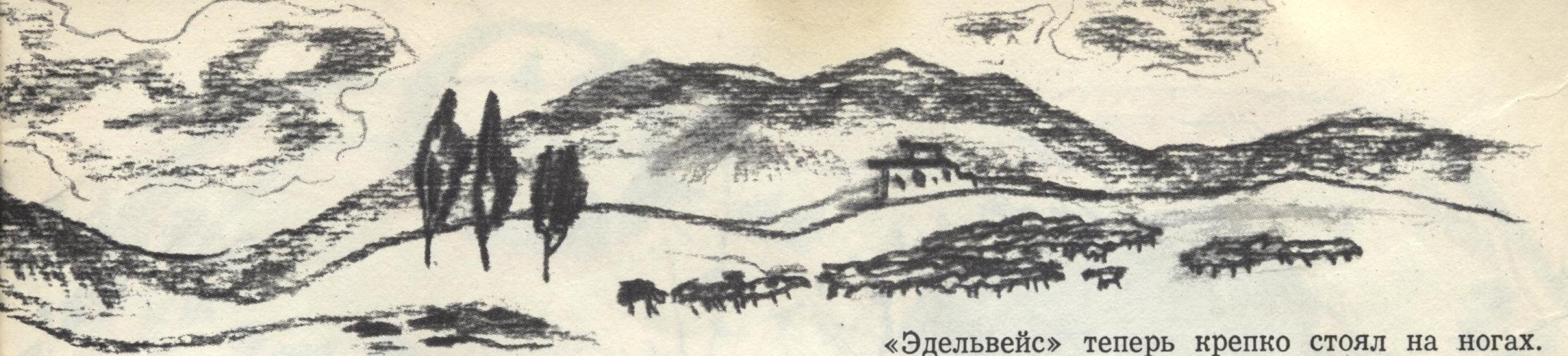
В той бригаде, где гостили наши ребята, все было механизировано. И заработки были высокие, прочные. А жили члены бригады не в селе, а в своем бригадном стане возле отар. Жили в прекрасном общежитии с телевизором, холодильником, ковровыми дорожками. Рядом были клуб, спортплощадка, столовая, баня.

Вернувшись домой, молодые колхозники решили тоже жить и работать вместе — бригадой. Взять всем коллективом несколько отар и круглый год ухаживать за ними.

Так родился «Эдельвейс».

В колхоз влился сложившийся, крепкий комсомольский коллектив — образованные, грамотные люди. За плечами у них — пионерские и комсомольские дела, спортивные победы, не один год интересной, дружной школьной жизни.

И все, кто думал тогда о будущем бригады — и председатель колхоза Т. Абдыраимакунов, который построил для них полевой стан, и секретарь райкома Тойлебек Омуралиев, который вместе с ребятами ездил в Казахстан, и са-



ми ребята, — все понимали, что нельзя разрушать это братство, рожденное в школьные годы и принесенное в трудовую жизнь.

Дружба, товарищество, верность, комсомольская спайка были залогом того, что новый коллектив не распадется, что вчерашний десятый класс станет настоящей трудовой гвардией.

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Мы рассказали здесь, как начиналась трудовая биография «Эдельвейса». Что было потом?

Потом была каждодневная напряженная работа. Трудовая вахта чабанской бригады длится круглый год.

Весной самое ответственное время — в отаре прибавление. Тут уж всем не до сна — надо принять и выходить каждого малыша. И комсомольцы не уступали взрослым чабанам: обычно от ста овец получали по 120 ягнят. А в «Эдельвейсе» выращивали по 135! За четыре года ребята вырастили для колхоза 3 000 овец!

С мая до осени все отары на пастбищах. С ними уходили в горы две девушки — первые чабаны «Эдельвейса».

Остальные члены бригады летом заготавливали корма.

Ребята стали хорошо зарабатывать, получали премии от колхоза, денег хватало и на туристические путевки и на музыкальные инструменты для бригадного ансамбля.

В 1975 году следующий выпускной класс колхозной школы пришел в «Эдельвейс» — весь до единого человека. Пятьдесят пять человек было в то лето в бригаде!

«Эдельвейс» теперь крепко стоял на ногах. Был построен городок для бригады не хуже, чем в Казахстане. О бригаде писали в газетах, снимали фильмы. Письма шли со всех концов страны — молодежь рвалась работать в «Эдельвейсе». Гости приезжали и издалека и из соседних колхозов, смотрели, как живет знаменитая бригада, слушали ансамбль «Эдельвейса», горячо спорили вечерами на диспутах.

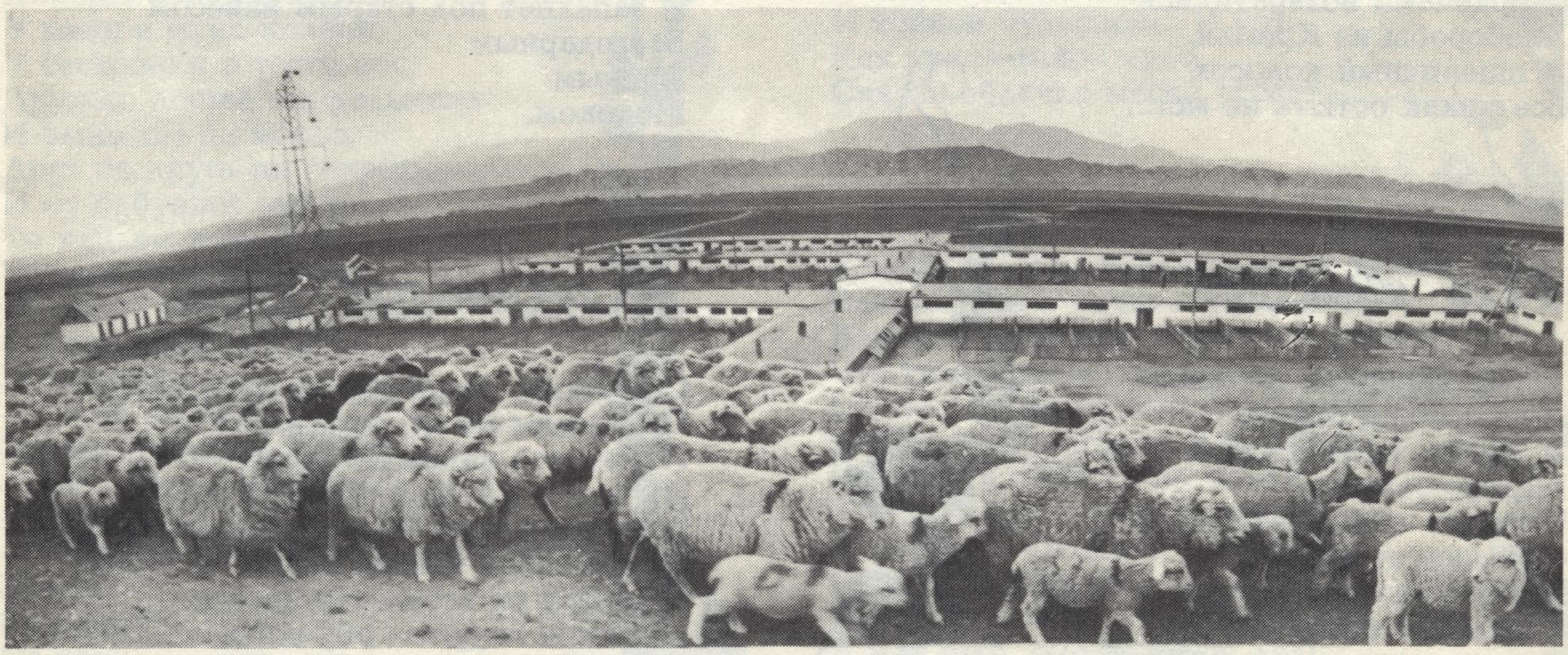
Особенно радушно встречала бригада тех, кто заканчивал школу в их родном Тянь-Шаньском районе. Целый день школьники проводили в бригаде, постарались все рассмотреть, обо всем расспросить. Еще бы! Решалась судьба многих из них. И большинство выпускников района приняли решение остаться в своих колхозах. День, проведенный в «Эдельвейсе», агитировал за этот выбор лучше всяких слов.

С тех пор каждый год в «Эдельвейс» приходила новая трудовая смена. В нынешнем, 1978 году на съезде комсомола Киргизии об опыте комсомольско-молодежной бригады «Эдельвейс» были сказаны самые высокие слова. Четыре выпуска местной школы получили здесь трудовую закалку. Бригада стала лауреатом премии Ленинского комсомола. А главное — она показала трудовую дорогу тем, кто учится в школах горной республики.

Сейчас в животноводство пришли новые машины, идет объединение прежде разбросанных кошар в крупные современные хозяйства. Кому, как не комсомольским коллективам — боевым, отважным, грамотным, работать в этих хозяйствах! Молодежь взяла на себя заботу о будущем животноводства в родной республике и работает по-ударному.

Долго еще будут светить всем высоко в горах огни «Эдельвейса»...

В. БЛИЗНЕНКОВА



Тимофей Белозёров

Колосок

По сибирскому раздолью
Прокатился жар страды...
...Колосок остался в поле,
В ямке тихой борозды.
Был он с усиками, спелый,
Полный света и тепла.
Мышка взять его хотела,
Но лишь лапки обожгла.
Только скрылась мышка в норке,
Следом суслик прибежал,
Как солдатик, на пригорке
Он навытяжку стоял.
— Вот удача так удача!—
Хвать его, а он горячий!..
...Уж давно снежком покрылись
Опустевшие поля,
С орденами возвратились
Хлеборобы из Кремля,
А пшеничный колосок
Все никак остыть не мог...

Корова

Напою я на речке корову,
За веревку домой приведу.
Не скажу я корове ни слова...
Молча старые вилы найду.
Зашуршит под навесом солома,
Засверкает в закатном луче...
Выйдет мама с ведерком из дома,
С полотенцем на правом плече.
Ловко вымоет вымя и смажет.
Полотенцем его оботрет.
— Стой, красавица! — ласково скажет,
И корова блаженно замрет.
Поглядит на меня с интересом
Лучезарно-глубоким зрачком,
И запахнет под старым навесом
Благодарным
Парным
Молоком.

На покосе

Легки вершины облаков
И солнышка полны,
И травы около лесков
Медово-зелены.
Метелки сонные торчат,
Сгибаясь от росы.
И земляничины стучат
О полотно косы...

Журавли

С каждым годом все выше и выше
Пролетают на юг журавли.
И уже еле виден и слышен
Их полет с нашей шумной земли.
Глянешь в небо — и сердце сожмется;
Журавлиная тонкая нить
На ветру от усталости рвется
И боится «курлы» обронить...

Пельмени

Ветер крышей громыхает,
Воет жалобно в трубе...
А в печи огонь порхает —
Хорошо у нас в избе!
У меня в муке колени,
У сестренки в тесте нос,
Дружно лепим мы пельмени
И выносим на мороз.
Друг от друга по секрету
И от бабушки тайком
То кладем в пельмень монету,
То начиним угольком.
Взглянет бабушка лукаво
Сквозь колесики-очки
И вздохнет:
— И то забава!
Эх вы, птички-кулички!..
...Воет ветер сиротливо,
И шепчу я в поздний час:
— Попадись, пельмень счастливый,
Завтра
Каждому
Из нас!..

* *
*

Сиреневый, розовый, синий
Над озером цвет облаков.
А сколько в них трепетных линий,
Глубоких, до звезд, тайников!
Как холодом веет оттуда!
И тайной чудесной!.. И вот,
Как тихое-тихое чудо,
Сквозь облачко месяц встает...

* *
*

К ночи столько таинственных звуков
Накопилось в речном тальнике! —
Вздохов, шорохов, скрипов и стуков...
Что творится на Омке-реке?
Может, на берег выползли раки
Меж собой поиграть в чехарду?
Или щуки дерутся во мраке
У мерцающих звезд на виду?
А наутро... Окошки — в узоре,
Обновленно синица поет,
И сорока трещит на заборе...
А на Омке, смотрите-ка, лед!..

А. АМПЕЛОНОВ

НОВОСЕЛЬЕ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Утром Антон проснулся от свиста. Солнце еще пряталось за домами. Занавеска надулась парусом: через открытую дверь с балкона летел ветерок.

Свист повторился. Антон встал с постели, вышел на балкон. На дорожке, задрав головы, стояли Акила и Витек.

Вздохнув, Антон снова нырнул под одеяло, но спать больше не хотелось. Перед глазами стояли ребята. Витек, который временами, бывает, держится как взрослый, вдруг становится озорным, шкодливым, как пятиклассник. И Акила — маленький не по летам, добрый и обидчивый...

За два дня Антон привязался к ребятам и теперь горько переживал разрыв с ними. Он еще толком не понимал, что же ему так нравится в Витьке и Акиле? Самостоятельность? То, что они хорошо его встретили и обещали научить плавать?

Антон снова выглянул в окно. Ребята уже ушли...

Мама готовила завтрак. На кухне уже висели шторы, стоял обеденный стол, он временно переехал сюда из большой комнаты.

— На пляж собираешься? — спросил отец.

— Не-а, неохота,— уныло покачал головой Антон.

— Тогда посиди сегодня дома: часиков в двенадцать должны привезти кухню. А мы с мамой сразу после работы поедем на старую квартиру...

— Па! Отправьте меня в деревню.

— В деревню? — удивился отец.— Ты же вчера собирался учиться плавать?

— Давно пора научиться,— подхватила мама, раскладывая по тарелкам гречневую кашу.— Вчера фильм по телевизору показывали. Детей теперь в детсадике плавать учат. Представляешь!

— Подумаешь, чудо,— махнул рукой отец.— У нас в деревне все мальчишки с семи лет плавают...

Антон вздохнул. Родная деревня отца стоит на Волге, но близких родственников у них там теперь не осталось.

— Что-нибудь случилось? — внимательно посмотрев на Антона, забеспокоилась мать.

Антон промолчал.

Родители уехали. Антон проводил глазами «Жигуленок» отца, постоял на балконе и решил пропылесосить книги. Но затею эту пришлось оставить: пылесос почему-то не включался, Антон взял журнал «За рулем» и спустился во двор.

У соседнего подъезда разгружали вещи. Рабочие пытались пронести в дверь огромный старинный буфет. Возле машины крутилась одна малышня. Неужели кроме Витька и Акилы здесь нет мальчишек подходящего возраста?

Прошел час. Небо вдруг потемнело, громыхнул гром, со стороны пляжа наползала туча. С первыми каплями дождя примчался Акила.

— Привет! — выпалил он, тяжело дыша.— На пляже ух какой ливень!

Антон молчал.

— А ты чего здесь сидишь? — спросил Акила, присев на скамейку.

— Гарнитур жду.

— А вчера чего слинял? Кино мировое! Между прочим, они денег не брали. Витек никогда малышей не трогает...

— А на какие деньги вы в кино ходили? — спросил Антон.

— Рюха у одного парня рубль одолжил.

Антон усмехнулся:

— Как у меня ремень?!

— Не хочешь, не верь,— обиделся Акила.— Я вообще с Рюхой не вожусь. Только из-за Витька. Это он с ним дружит.

— А зачем он Витьку?

— Я почем знаю?! Его родители всегда Рюху жалеют, он без отца растет, и мать у него... Она Рюхе сама пепельницу купила и дома часто не бывает. Один раз на неделю уехала, а денег оставила всего три рубля. Рюха тогда у Витька жил.

Антон промолчал. Теперь и ему было жалко Рюху. Но все равно, жалеть — не значит прощать.

Дождь прошел. Задев двор своим черным рваным краем, туча медленно уползала за шоссе.

Антон сделал вид, что читает журнал, Акила не решался нарушить молчание. Антон нравился ему куда больше Витька. Он никогда не насмешничал, не хвастался и все равно внушал к себе уважение.

Наконец появился автофургон, на котором было написано «Мебель».

— Сюда! Сюда! — закричал Антон.

— Кто хозяин? — выглянув из кабины, спросил водитель.

— Мы! — крикнул Акила.

— Фамилия, я спрашиваю, как?

— Лобов,— назвался Антон.

— Все правильно,— сказал водитель.

Скоро новенькая кухня из семи белоснежных полированных предметов стояла на асфальте.

— Принимай имущество! — вытирая рукавом лоб, сказал грузчик.

Антон обошел гарнитур со всех сторон.

— А где ключи от замков? — спросил Акила.

— В ящике буфета,— объяснил второй грузчик, молодой парень в джинсах, и, схватив высокий узкий пенал, понес его в дом. Антон бросился в подъезд, нажал кнопку вызова лифта и похолодел: лампочка не зажигалась. Антон взлетел на второй этаж и снова нажал кнопку. Лифт не подавал никаких признаков жизни.

Рабочие уже тащили в подъезд буфет. На лестничной площадке стало тесно, как в мебельном магазине. Водитель тоже нажал кнопку.

— Вот те раз! Стоп машина.

— Придется на руках тащить,— почесав в затылке, сказал молодой грузчик.— Какой у тебя этаж?

— Седьмой.

— А за доставку хозяин трояк накинет? — взглянув на Антона, деловито поинтересовался водитель.

— У меня денег нет,— побледнев, сказал Антон.

— Так нечестно,— вмешался в разговор Акила.— Вам же зарплату платят.

— Ишь ты какой грамотный,— сердито сказал водитель и направился к выходу.

Грузовик укатил, а гарнитур остался во дворе. Небо снова почернело, на дом ползла огромная туча.

— Давай сами! — предложил Акила.— Пенал мы вдвоем затащим, а на буфет ребят соберем...

— Каких ребят?

— Витек с пляжа вернется. Можно и Рюху.

— Нет уж, спасибо...

— Витек еще кого-нибудь найдет... Он здесь всех знает...

Схватив в обнимку полку, Акила потащил

ее по лестнице и забрался на седьмой этаж, ни разу не передохнув. Антон отстал от него на целых три пролета.

— У вас сколько комнат? — войдя в квартиру, спросил Акила.

— Три.

— А у нас с маманей одна.

— А отец у тебя где?

— Он в командировке, на севере.

— Моряк или летчик?

— Не знаю, — пожал плечами Акила. Антон понял, что на эту тему вопросов лучше не задавать.

— А у тебя отец кто? — спросил Акила.

— Инженер по котлам. — Антон вышел на балкон, чтобы взглянуть, как поживает внизу мебель. Акила, как тень, следовал за ним.

— А сколько отец получает?

— Сто семьдесят.

— А моя мать сто двадцать, на двух работах: она уборщица в поликлинике и еще сторож.

Антон уныло смотрел вниз, прикидывая, как поступить с буфетом.

— Давай сейчас пенал поднимем, а потом Витька позовем. Он добрый и за малышей всегда заступается.

Антон молчал.

— Смотри, вон Витек идет! — крикнул Акила и, пулей вылетев из квартиры, помчался вниз по лестнице.

Когда Антон спустился вниз, у лифта стояла компания взрослых парней, рядом с которыми Витек казался сосунком.

— Зураб, смотри, буфет не тяжелый, вчет-

— А ну-ка покажи отвертку! — приказал мужчина и схватил Акилу за рубашку.

вером запросто,— тараторил Акила, уговаривая ребят помочь.

— А чьи вещички? — спросил один из парней.

— Вот его.— Витек положил руку Антону на плечо.— Это наш человек.

— Его грузчики надули,— объяснил Акила,— попросили трешку, а у него денег нет...

— Раз, два — взяли! — засучив рукава, скомандовал высокий парень с кудрявыми волосами, которого Акила назвал Зурабом. Ребята облепили буфет со всех сторон. Покачиваясь на руках, он поплыл вверх по лестнице. Акила бежал впереди, показывал, где и как заносить груз, чтобы не задеть стены. Антон замыкал шествие.

Скоро гарнитур уже стоял на кухне. Ребята, поднявшие его, исчезли так же стремительно, как появились. Витек с Акилой осматривали квартиру.

Внимание Акилы привлек ящик, где хранились гвозди, шурупы, инструменты и всякая всячина.

А Витек, сразу проследовав на кухню, вкрадчиво спросил:

— У тебя поесть чего-нибудь найдется?

Антон распахнул холодильник.

Витек немедленно сунул в него нос, затем руку, которая вернулась назад с куском сыра.

— Давайте полки повесим,— предложил Акила.— Родители вернутся, а у тебя уже все висит.

— А где дрель возьмешь? — спросил Витек.

— Зачем дрель, в ящике гвоздей навалом.

— Темнота! — усмехнулся Витек.— Это же бетон, сперва нужно пробки делать.

— Может, там и дрель есть? — Акила бросился в коридор. Антон поплелся следом. Ребята вели себя в его квартире как у себя дома, но после того, как они подняли гарнитур...

Дрели в ящике не оказалось, вместо нее Акила извлек маленький блестящий предмет.

— Зажигалка?! — удивленно воскликнул Витек.

Он взял у Акилы зажигалку, отвернул какой-то винт и вытащил кусок ваты, пахнувший бензином.

— Давайте ее заправим,— предложил Акила.

— А где бензин возьмешь?

— На стройке.

Приятели выскочили на лестницу. Антон догнал их во дворе.

— Леш! Отдай зажигалку. Мне от отца попадет...

— Отдадим, бензину наберем и отдадим,— умоляюще глядя на Антона, обещал Акила.

Антон, вздохнув, уступил.

Взлетев с разбега на забор, Акила удивленно спросил:

— А где бульдозер?

— Проснулся! — усмехнулся Витек.— Его еще на прошлой неделе убрали.

— Тогда возьмем у экскаватора! — нашелся Акила и, спрыгнув на землю, побежал вдоль забора. Витек вразвалочку пошел следом за ним.

— Тс! — Заглянув в щелку, Акила поднес палец к губам.— Сторож!

— Айда с другой стороны,— предложил Витек.

Ребята пошли в обход.

Экскаватор, желтый, приземистый, как танк, с небольшим ковшом и стеклянной кабиной, стоял у вагончиков, в которых переодеваются и хранят инструменты строители. Забора с этой стороны не было, к шоссе тянулась новенькая бетонка.

Акила вспрыгнул на гусеницу экскаватора. Огромное, в человеческий рост, переднее стекло кабины было разбито...

— Кто-то постарался,— сказал Витек.

— Рюхина работа,— вздохнул Акила и полез в кабину.

— Ты куда? — удивился Витек.— У него бак сзади...

— Я сам видел, как сверху заливали...— возразил Акила.

— Лечиться надо!

— Сам лечись,— обиделся Акила.— Лучше бы за бутылкой сходил.

— Бутылка будет, ты сперва бак найди.

Вдруг на плечо Антона легла чья-то рука.

— Чем это вы тут занимаетесь? — спросил невысокий, коренастый мужчина в синей спортивной куртке.

— Бензинчик добываем! — добродушно объяснил Витек.

— Бензинчика вы тут не найдете,— усмехнулся мужчина.

— Найдем! — сказал Акила.

Он спрыгнул на землю, обнаружив под гусеницей небольшую железную дверку, вытащил из кармана маленькую отвертку с зеленой пластмассовой ручкой.

— А ну-ка покажи отвертку! — нахмурившись, приказал мужчина и схватил Акилу за рубашку.

— Чего хватаете? — возмутился Акила.

У Антона от страха ноги приросли к земле. Витек бросился наутек.

В дверях желтого, на высоких резиновых колесах вагончика появился сторож в точно такой телогрейке, какую ребята принесли вчера Антону. У него было красное небритое лицо.

— Петя? — удивился сторож.— Ты чего вернулся?

— Да вот только переоделся, смотрю, ребята у моего экскаватора шуруют... Вчера стекло разбили...

— Это не мы! Мы просто бензина отлить хотели! — возмутился Акила.

— А кто же?

— Я откуда знаю...

Ребят привели в будку сторожа. Здесь стоял большой стол, на котором валялось домино. В

— За что штраф, за что? — Акила заревел.

углу блестел бачок с питьевой водой, рядом с ним на тумбочке находился телефон.

— Зачем вам бензин понадобился? — спросил сторож, усадив ребят на скамейку.

— Зажигалку заправить,— объяснил Акила.

— Артист! — покачал головой сторож.— Экскаватор-то на солярке работает, не знаешь, что ли?

— А где ты вот эту отвертку взял? — спросил экскаваторщик.

— Какую отвертку?

— Вот эту! — Экскаваторщик показал отвертку, которую отобрал у Акилы.

— Нашел...— после некоторой паузы промолвил Акила.

— Нашёл! — возмутился экскаваторщик.— Ты мне, брат, не крути...

— Не хотите, не верьте,— пожал плечами Акила.

— Ну ладно,— махнул рукой экскаваторщик,— Петрович, звони в милицию.

Антон похолодел.

Сторож набрал ноль-два.

— Милиция?.. Дежурный?.. С вами говорят строители пятнадцатого объекта. Да, магазин... Мы тут задержали подростков... У одного из них отвертка из комплекта инструментов, который у нас украли... Хорошо, ждем...

Акила мрачно уставился в пол.

— Чертовщина какая-то,— возмущался экскаваторщик.— Была бы моя воля, я бы вам руки-ноги оторвал... Только получил новую машину — и на другой день инструментов как не бывало. И замок на ящике серьезный висел. Как только снять сумели?

— Никто ваш замок не снимал,— вяло промычал Акила.

*

Четверть часа спустя у вагончика остановился желтый «Москвич» с синей вертушкой на крыше. Из него вышел милиционер.

Антон побледнел.

— Ну, что, по будкам, значит, путешествуем? — спросил милиционер. Он присел к столу, вынул из сумки лист бумаги, на котором Антон разглядел короткое слово «Акт».

— Фамилия?

— Чья? — осипшим от волнения голосом спросил Антон.

— Сперва вот этого молодца.— Милиционер показал авторучкой на Акилу.

— Петров,— назвался Акила.

— Петров,— записал лейтенант.— Имя?

— Игорь,— не моргнув глазом соврал Акила.

— Где живешь?

Акила продиктовал адрес. Милиционер удивленно спросил:

— Значит, живешь в одном районе, а на гастроли к нам выезжаешь?..

— Артист, по глазам видно,— поддакнул сторож.

— А ты где живешь? — Милиционер повернулся к Антону.

— Я не знаю...

— Как это не знаю?

— Я только что сюда переехал...

— А раньше где жил?

Антон назвал свой старый адрес. Акила безучастно смотрел в окно.

— Ну, рассказывайте, что на стройке потеряли? — спросил милиционер.

— Мы хотели чуть-чуть взять бензина, — сбиваясь и краснея, объяснил Антон.

— Так, — перебил его милиционер. — А вот эта отвертка у вас откуда?

Антон пожал плечами. Об отвертке он знал не больше милиционера. Акила упорно молчал...

Милиционер принялся заполнять акт. Вопросов он больше не задавал. Акт подписали сторож и экскаваторщик.

Положив в сумку акт, милиционер вышел из будки и сухо сказал:

— А ну-ка, быстро в машину!

Акила уныло поднялся со скамьи. По щеке его покатилась слезинка.

«Москвич» выехал на шоссе и покатил в старый город. В новом районе своей милиции еще не было. Снова пошел дождь. «Дворники» едва успевали убирать воду с лобового стекла «Москвича». Все молчали. Антон с ужасом думал о том, что их ждет впереди... Он хорошо помнил, как в прошлом году попал в милицию Серега за то, что, катаясь на роликах по мостовой, прицеплялся к грузовикам. Тогда отца Сереги дядю Женю вызвали в отделение, а в школу прислали письмо...

Машина подъехала к милиции. Ребят привели в большую, светлую комнату, где сидела высокая, статная женщина, с пышными белыми волосами. Милиционер положил на письменный стол акт и молча удалился.

— Ну что же, будем знакомиться! — улыбнулась женщина, жестом указав ребятам на скамью, что стояла у стены напротив стола.

— Так, Петров Игорь, — прочитала женщина.

— Я, — отозвался Акила.

— Лобов Антон. — Женщина глянула на Антона. — На учете состоите?

— На каком учете? — переспросил Антон.

— Приводы в милицию были?

— Нет, — покачал головой Антон.

— Так, — кивнула головой женщина, что-то записывая в толстую книгу, которая лежала перед нею на столе... — А у Петрова?

— Я первый раз! — твердо сказал Акила.

— Погоди, погоди, — вглядываясь в его лицо, проговорила женщина. — Я тебя где-то видела. — Она стала медленно листать книгу.

Акила опустил голову.

— Так, так, — проговорила женщина. — Акимов Алексей, 1964 года рождения, учащийся седьмого класса 420-й школы, задержан за хулиганство... Было это 10 мая... За что тебя задержали?

Акила молчал.

— Помнится, я как раз дела принимала, когда тебя привели. Тогда Надежда Ивановна инспектором работала.

Акила заплакал.

— Дай-ка я поищу твою карточку, — вздохнув, сказала женщина и подошла к шкафу, где хранилась картотека на ребят, стоящих на учете.

Акила вытер рукавом слезы и отвернулся.

— Вот она. «Акимов Алексей Гаврилович, поставлен на профилактический учет 10 августа 1976 года. Правонарушения, допущенные с момента постановки на учет... 21 августа того же года доставлен в опорный пункт зоны отдыха. Собирал пустые бутылки и бросал их в кирпичную стену...»

— Это не я. Я же говорил, что не я.

— А вот еще, — продолжала читать женщина. — «...вместе с подростком Мазиным, по прозвищу Рюха, задержан за незаконное ужение рыбы в прудах рыбхоза. Конфискован улов: четыре килограмма зеркального карпа».

Акила молчал. Антон вспомнил рыбалку, гаечный ключ на донке у Витьки.

— А кто вчера на стройке лазил в будку на строительстве магазина и взял телогрейку и электрический фонарик?

Антон вздрогнул. Позавчера они ходили на рыбалку... Значит... И фонарь был у Витька.

— Никакой телогрейки я не брал, — тихо сказал Акила.

От стыда Антон готов был провалиться сквозь землю. Телогрейка, о которой шла речь, лежала сейчас у него под кроватью...

— Ну хорошо, — помолчав, сказала женщина. — А отвертку ты где взял?

— Нашел на стройке, у экскаватора.

— Когда?

— Вчера...

— А кто с вами еще был?

— Мы его не знаем, — уверенно сказал Акила.

— Как это не знаете?

— Он не из нашего района...

— А как его зовут? — спросила женщина, обращаясь к Антону.

Антон промолчал. Он понял, что Акила не хочет впутывать Витька в эту историю.

— А это не Мазин был? — Женщина пристально посмотрела Акиле в глаза. — Вечно он тебя во всякие нехорошие истории вовлекает. А у тебя как будто своей головы на плечах нет...

— Никто меня не вовлекает, — обиженно промычал Акила.

— Ну, значит, ты его вовлекаешь... А каково матери-то твоей! В мае она за тебя штраф заплатила? Заплатила... Теперь снова придется штрафовать...

— За что штраф, за что? — Акила заревел.

Антон сидел как на иголках. Он ждал, что, закончив разговор с Акилой, инспектор тоже заведет на него карточку, станет расспрашивать про родителей...

Но этого не случилось. Инспектор просто-напросто позвонила в адресное бюро и, убедившись, что Антон назвал свой адрес правильно, отпустила его домой.

Антон вышел на улицу. Небо уже очистилось от туч, солнце клонилось к закату. Во дворе пахло бензином и сиренью, которая окружала милицию со всех сторон. На асфальтовой площадке стояли оперативные машины.

Окно комнаты было приоткрыто. Инспектор громко разговаривала по телефону с поликлиникой, где работает мать Акилы.

Еще с полчаса Антон бесцельно бродил по площадке, крутился возле машин, которые то подъезжали, то уезжали вновь. Он уже не сомневался, что пропажа инструмента, о котором горевал экскаваторщик, и телогрейки — дело рук Акилы и Витька.

И все-таки Антон не мог уйти, бросить Акилу в беде. Если он сейчас оставит Акилу на произвол судьбы, завтра же Рюха опять потащит его на стройку или на мост отбирать деньги у малышей...

В шесть часов Акила вышел во двор. Его вела за руку маленькая седая женщина в длинном сером плаще.

— Леш! — окликнул его Антон.

Акила обернулся, рванулся было навстречу Антону, но женщина удержала его.

— Это кто еще такой? — спросила она, строго взглянув на Антона. — Чтобы я больше его не видела. Нечего мне парня портить.

Мать потянула Акилу к остановке, причитая:

— Вот ведь всегда так. Мой дурак попадется, а другие в стороне...

Прильнув к щелке в заборе, Антон не поверил своим глазам: телогрейка висела на пожарном щите.

Два дня шли дожди. Антон сидел дома, читал «Двадцать лет спустя» и то и дело выглядывал на балкон. Один раз высмотрел из окна Витька. Он как ни в чем не бывало шел в обнимку с Рюхой, с тем самым Рюхой, которому на пляже обещал показать где раки зимуют, если на следующий день тот не вернет ремень. Лето вернулось. В голубом небе висело солнце, такое же жаркое, как неделю назад. Антон в одних плавках загорал на балконе. Ровно в полдень кто-то нерешительно позвонил в дверь. Антон одним прыжком оказался в коридоре. На пороге стоял Акила в шортах и новенькой синей футболке.

— Я тебе зажигалку принес, — смущенно сообщил Акила.

— А штраф с тебя взяли? — спросил Антон.

— За что? Я же инструментов не брал.

— А кто взял?

— А я откуда знаю? — Акила отвел глаза. — Пошли на пляж, я тебя плавать поучу.

— А это кто у строителей взял? — зло спросил Антон, вытянув телогрейку из-под кушетки.

— Это Витек нашел.

— Нашел? Где?

— В синей будке, возле магазина, там таких навалом, — объяснил Акила.

Антон быстро оделся, взял телогрейку и направился к выходу.

— Ты куда? — испугался Акила.

— На стройку. Если трусишь, можешь не ходить.

До самого магазина Антон не проронил ни слова. Его ужасно злило, что Акила все время крутит-вертит, чего-то не договаривает, одним словом, не доверяет ему, хотя и хочет дружить.

Акила молчал. Затея Антона казалась ему безрассудной, но допустить, чтобы Антон пошел на стройку один, без всякого понятия...

У магазина Антон остановился в растерянности. Как действовать дальше?

Акила направился к забору. Нашел доску, которая держалась на одном верхнем гвозде.

— Наверно, вон там взял. — Акила показал голубой вагончик, рядом с будкой сторожа, в которой они побывали три дня назад.

На стройке начался обеденный перерыв. Расположившись на травке, рабочие пили из бутылок молоко. Экскаваторщик перочинным ножом резал хлеб. Антон понял, что вернуть телогрейку без последствий совсем непросто.

— Давай, я сам. — Акила решительно потянул телогрейку к себе. Скатав телогрейку в рулон, он проскользнул в дыру в заборе и, пользуясь тем, что рабочие заняты едой, побежал к бульдозеру. Антон затаил дыхание.

Преодолев опасный участок, Акила обогнул бульдозер и пропал из виду. Антон двинулся вдоль забора, надеясь найти другую щель. И вдруг Акила возник у него за спиной.

— Дело в шляпе!

— А где телогрейка?

— Вон там, даже отсюда видно! — подойдя к забору, весело крикнул Акила.

Прильнув к щелке, Антон не поверил своим глазам: телогрейка висела на пожарном щите у вагончика сторожа, в двух шагах от того места, где обедали строители.

— Только ты Витьку про это не говори. Ладно? — сказал Акила, когда они вышли на шоссе.

— Почему?

— Он смеяться будет.

Мальчишки пересекли автостраду. Разрезав пополам холм, она убегала на юг, оставив в стороне поселок. Одноэтажные, как две капли воды похожие друг на друга, дома теснились левее в низине, подчиняясь причудливым изгибам узкого, старого шоссе.

— Смотри, вон мой дом. — Акила показал на домик с ржавой железной крышей, второй от шоссе. Он был окружен полуразрушенным забором, бреши в котором закрывали кусты крыжовника.

— У вас и сад есть? — спросил Антон.

— Есть. Но нас на снос записали.

— Значит, ты скоро уедешь? — спросил Антон.

— Зачем? Нам здесь квартиру дадут с ванной и газом. Я еще никогда в ванной не купался. Пошли ко мне, клубники поедим.

Антон колебался.

— А твоя мать не будет кричать, как тогда у милиции?

— Не бойся. Я про тебя ей говорил. Это она из-за Рюхи. Она подумала, что ты такой же...

Сойдя на старое шоссе, они увидели на мосту через высохшую протоку странную процессию. Впереди гордо вышагивал Витек в том же самом батнике, в котором его впервые увидел Антон. Справа и слева бежали мальчишки. Вся эта компания подталкивала мопед, который был без заднего колеса.

— Смотри! Витек! Он у Рыжего мопед купил! — воскликнул Акила и сорвался с места.

Антон хотел было повернуть назад, но... Процессия остановилась у колонки, там, где кончалось, упираясь в насыпь новой автострады, старое шоссе. Витек присел на корточки в центре круга. Перед ним валялась на боку голая рама с потертым коричневым сиденьем и одним колесом, без крыльев и выхлопной трубы. Рядом лежали разобранный двигатель, цепь и хозяйственная сумка с инструментами. Рюха держал в руках второе колесо.

— Сам не соберешь, — авторитетно заявил он, осмотрев груду валявшихся перед Витьком частей.

— На что поспорим?

— Чего спорить, лучше его сразу в мастерскую сдать.

— Много ты понимаешь! — вступился за Витька Акила. — Видел, какой мы Ваське Клюеву мопед сделали. Там даже спиц на колесах не было.

— Вам Витькин батя помогал, — не унимался Рюха.

Рюха привел к машине всю компанию.

— Он только колесо накачал. Не знаешь, не говори...

Акила принялся помогать Витьку. Про пляж и Антона он начисто позабыл.

Витек с головой ушел в работу, мопед не собирался, то и дело не хватало каких-нибудь деталей. Витек посылал за ними ребят к Рыжему, который уступил Витьку свой неисправный мопед за гроши, так как через неделю уходил в армию.

Рюха суетился, пытался принять участие в ремонте, давал Витьку «ценные» советы, нечаянно опрокинул бачок с бензином. По асфальту расплылась черная лужа.

— Сейчас кто-то получит! — Витек бросился спасать свое имущество. Он схватил портфель, но так резко, что из него посыпались всевозможные гайки, ключи, напильники и... Антон не поверил глазам своим. На асфальте лежала отвертка, ужасно похожая на ту, которую экскаваторщик отобрал у Акилы. Витек быстро собрал инструменты и перенес их подальше от бензиновой лужи.

Антон подошел ближе, заглянул в портфель. Там оказалось множество фирменных инструментов: напильники, плоскогубцы, разводные ключи. На всех инструментах был один и тот же значок — треугольник в ромбе.

— Ты чего тут потерял? — Подскочив к Антону, Витек потянул портфель на себя.

— Инструменты на стройке взял? — не выпуская ручки, спросил Антон.

— По роже захотел, что ли? — спросил Витек.

— Не пугай, не боюсь...

Витек замахнулся, но Антон резко нагнулся, и кулак Витька просвистел мимо. В этот момент сзади подкрался Рюха и ногой выбил портфель.

*

После ужина отец позвал Антона мыть машину. Закат уже отпылал, но во дворе еще было светло. Где-то ревел мотоцикл. Гул нарастал, и вдруг из-за трансформаторной будки вынырнул мопед, в седле которого гордо восседал Витек. Следом, крича от восторга, бежали мальчишки.

Антон поставил ведро с водой у переднего колеса и стал мыть лобовое стекло. Никого из ребят видеть ему не хотелось, даже Акилу. Разве тот не знал, что у Витька в портфеле?

Первым к Антону подошел Рюха.

— Это ваша масленка? — остановившись на почтительном расстоянии, спросил он.

— Ты когда ремень вернешь? — сухо спросил Антон.

— Завтра, — не моргнув глазом посулил Рюха и, подойдя к открытой дверце, ухватился грязными руками за руль.

— Э! Отвали! — Антон оттолкнул Рюху в сторону.

— Это что за драка? — Из подъезда вышел отец.

Рюха исчез, но ненадолго. Вскоре он привел к машине всю компанию.

— Посмотреть можно? — вежливо попросил Витек.

— Смотреть смотрите, но, чур, руками ничего не трогать. — Отец включил зажигание, мотор тихонько заурчал.

— У вас клапана стучат, — сказал Витек.

— А ты откуда знаешь? — спросил отец. — Ты что же, в движке разбираешься?

— Па! Достань манометр, я давление в шинах замерю, — попросил Антон. Ему не нравилось, что отец слишком приветлив с Витьком.

— Возьми сам в багажнике, подкачай правое заднее...

— А можно мы поможем? — осмелев, попросил Витек.

— Коли охота есть, помогайте, — кивнул отец.

Витек бросился к багажнику и, приладив насос, стал накачивать колесо. Рюха терпеливо поджидал, когда придет его очередь.

Антон замерил давление в шинах: передние колеса были в порядке. Малыши облепили машину со всех сторон.

— А что это такое? — ткнув пальцем в масляный насос, спросил белобрысый мальчуган в синей матроске.

— Карбюратор, не знаешь, что ли? — авторитетно заявил Рюха.

— А я думал, задний мост, — пошутил отец.

Мальчишки засмеялись. Рюха надулся и отошел к багажнику, крышка которого по-прежнему была открыта. Антон на всякий случай не спускал с него глаз.

— Колесо готово! — гордо объявил Витек, насос он так никому и не уступил. — Что еще сделать?

— На том спасибо, — поблагодарил отец.

— А за рулем можно посидеть?..

— Посиди, только смотри с машиной не баловать.

— Мы такими делами не занимаемся, — немного смутившись, сказал Витек и, к зависти Рюхи, уселся на место водителя.

— Па! Пошли домой, скоро кино начнется, вторая серия, — попросил Антон.

Отец опустил капот, Витек, вздохнув, вышел из кабины.

— А ну-ка, сними «дворники», — сказал отец, когда они подошли к подъезду. — Твой «Карбюратор» что-то мне не нравится. А второй парень толковый — как его зовут?..

— Витек, — вздохнув, сказал Антон. Витек нравился и ему. Кто из ребят, которых он знал на старой квартире, взялся бы без помощи взрослых собрать двигатель мопеда? Но кто мог бы подумать, что этот добрый, сильный парень способен украсть чужую вещь?

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Они, пионеры, награжденные медалями, рапортовали делегатам XVIII съезда комсомола. Эти ребята — наши

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПИОНЕР-ГЕРОЙ

ПИОНЕР-ГЕРОЙ — это юный ленинец, совершивший героический подвиг во имя Родины, во славу советского народа, смелый поступок, сохранивший жизнь человеку, это пионер, который своим трудом, творческим поиском помог в трудовых свершениях старших.

Давайте вместе с вами полистаем летопись пионерской организации, вспомним имена ребят, которые по праву стоят на правом фланге всесоюзного пионерского строя.

ПАВЛИК МОРОЗОВ — председатель совета отряда села Герасимовка на Урале. Убит в сентябре 1932 года кулаками, которые скрывали зерно, пытались помешать созданию колхоза.

Горький писал: «...память о нем не должна исчезнуть,— этот маленький герой заслуживает монумента». Памятник отважному пионеру открыт на родине героя и в Москве, на Красной Пресне.

МАМЛАКАТ НАХАНГОВА — пионерка Таджикистана, за хорошую учебу, за рекордный сбор хлопка в родном колхозе первой среди пионеров награждена в декабре 1935 года высшей наградой нашей страны — орденом Ленина. Сегодня Мамлакат Нахангова — почетная пионерка.

АЛЛА ИВАНОВА — пионерка из Хабаровска, за большую помощь бойцам, раненным в боях с японскими захватчиками у озера Хасан, награждена медалью «За боевые заслуги».

В годы Великой Отечественной войны тысячи пионеров совершили героические подвиги в боях с фашистами. На груди юных разведчиков, связных, подпольщиков, «сынов полков» можно было увидеть ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За отвагу». Четырем пионерам присвоено звание Героя Советского Союза. Вот их имена: ЛЕНЯ ГОЛИКОВ, МАРАТ КАЗЕЙ, ВАЛЯ КОТИК, ЗИНА ПОРТНОВА. Их имена носят улицы и океанские лайнеры, пионерские дружины и отряды, тепловозы и дома пионеров.

ТУРСУНАЛИ МАТКАЗИМОВ — вожак пионерского отряда в колхозе имени Фрунзе Таджикской ССР, первым среди пионеров в 1948 году удостоен звания Героя Социалистического Труда. Это звание пионер заслужил за сбор рекордного урожая хлопка. В 1949 году звание Героя Социалистического Труда было присвоено и грузинской пионерке, председателю совета дружины НАТЕЛЕ ЧЕЛЕБАДЗЕ за высокий сбор урожая чайного листа. Турсунали Матказимов и Натела Челебадзе — почетные пионеры.

НАТАША ЗАЩИПИНА — пионерка московской школы, награждена в 1950 году медалью «За трудовое отличие» за участие в кинокартинах «Слон и веревочка», «Жила-была девочка», «Первоклассница», «У них есть Родина».

НИНА КЛОЧАН, ВОЛОДЯ КАГАНЦЕВ и их друзья из Ямышевской школы Лебяжинского района Павлодарской области награждены в 1958 году медалью «За освоение целинных земель». Пионеры хорошо потрудились на уборке целинного урожая.

На IV Всесоюзном слете пионеров в Ленинграде ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕМ юным ленинцам, представителям всех союзных республик, были вручены медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

...Идут годы. Одно поколение пионеров сменяет другое. Но, как и прежде, ребята в красных галстуках совершают смелые поступки, героические подвиги. Сегодня сотни ребят с гордостью носят на груди ордена и медали Родины, подтверждая замечательные горьковские слова: «В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ».

правофланговые. Равнение на них!

В апреле этого года в Москву из разных городов и поселков страны приехали пионеры рапортовать делегатам XVIII съезда комсомола. Кто-то из этих ребят отличился в труде, кто-то получил дипломы ВДНХ за ценные изобретения, а у некоторых были медали «За отвагу на пожаре», «За спасение утопающих», «За отличие в охране государственной границы». Журнал «Пионер» пригласил этих замечательных ребят к себе в гости и решил познакомить вас с ними.

Человек вынес детей из горящего дома, вытащил малыша из проруби, голыми руками боролся с волком, чтобы защитить друга, задержал на границе нарушителя. Какой он? Высокий, сильный, быстрый и решительный?

Игорь КУГАЙ — хрупкий и веселый мальчишка. Рассказывая про пожар, он одновременно показывал, как «пяточкой разбил окно», чтобы попасть в горящий дом, как открывал незнакомый замок, чтобы вывести из дома спасенных детей.

Аудрюс ГЛЁЖЕРИС спокоен и нетороплив. Как он смог вытащить из проруби шестилетнего мальчика, который и нескольких минут на воде продержаться не мог?!

Сагымбаю РЫСКЕЛЬДИЕВУ двенадцати не дашь. Но дело, оказывается, не в росте и не в силе рук. И мальчик смог победить волка, потому что он был смелым человеком и верным товарищем.

Эти ребята не герои из легенд. Они такие же, как ты. Честные, смелые, добрые. И если случится тебе оказаться на их месте, мы верим, что ты, пусть не самый сильный в классе и не самый быстрый, поможешь человеку, попавшему в беду, не испугаешься, не отвернешься.

Единоборство с волчицей

Хотя Сагымбаю двенадцать лет, а Рахимберды только восемь, они друзья. Живут рядом, играют вместе, у обоих родители чабаны.

В один из сентябрьских дней 1977 года мальчики пошли навстречу отаре. По дороге искупались в озере, присели на берегу отдохнуть, разрезали арбуз. Вдруг из зарослей саксаула выскочила голодная волчица и бросилась на Рахимберды. Все произошло так неожиданно, что Сагымбай теперь и объяснить не может, как он отважился вцепиться в волчицу, чтобы оттащить ее от друга. Волчица отпустила Рахимберды и повернулась к старшему мальчику.

— Беги в аул! — кричал Сагымбай.

Никогда еще Рахимберды так не бежал. Скорее, скорее встретить кого-нибудь из взрослых...

Первым к озеру прибежал механизатор Василий Горбоносов и пристрелил волчицу.

В Казахском республиканском совете пионерской организации расспрашивали Сагымбая, что он делал в те минуты, когда остался один на один со зверем. Как-то Сагымбай слышал разговор родителей с другими чабанами. Они говорили, что безоружный человек может побороть волка, оседлав его и растянув уши в разные стороны. Это и удалось сделать мальчику.

За мужество и товарищескую взаимовыручку Казахский республиканский совет пионерской организации наградил Сагымбая Рыскельдиева и Рахимберды Ауганова из совхоза «Чиганакский» Джамбулской области почетными грамотами. А имя Сагымбая Рыскельдиева представил к занесению в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Дружина готовится к празднику «Посвящение барабанщики». Пионерские отряды пишут своим барабанщикам поздравления и делают сувениры. Цветами и лозунгами украшают актовый зал. На сцене — стойка для барабанов.

Медаль за отвагу

Это случилось летом 1975 года в городе Стрый Львовской области. Игорь Кугай и его друг играли во дворе в шашки. Вдруг мальчики обратили внимание на окна соседнего дома. Из форточки шел дым. Игорь забрался на подоконник, ногой разбил стекло и спрыгнул в комнату. Комната была полна дыма. Горел шкаф. Плакали и кричали дети. Игорь вытащил забившегося в угол трехлетнего Леню, в коридоре нашел пятилетнего Сашу. Попробовал открыть дверь. Заперта. Подвел малышей к окну и помог им вылезти. К дому уже подъезжала пожарная машина.

В двенадцать лет Игорь Кугай получил медаль «За отвагу на пожаре».

Спас малыша

Аудрюс Глёжерис живет в Литве, в городе Паланге. Учится в седьмом классе. 23 января этого года Аудрюс после школы гулял у моря, а возвращаясь домой, услышал на реке крик. В полынье барахтался маленький мальчик. Аудрюс побежал на помощь. По дороге подобрал палку, протянул ее малышу. В этот миг он не думал, выдержит их лед или нет. Но лед был крепкий. И если бы дети, играя в хоккей, не приблизились к полынье, ничего бы не случилось.

Палка только мешала. Аудрюс отбросил ее, схватил малыша за шапочку, завязанную на подбородке, и вытянул на лед.

Медаль «За спасение утопающих» была вручена Аудрюсу Глёжерису на XVIII съезде ВЛКСМ.

Случай на границе

Кайсар Саиднасимов живет на Памире, в Горно-Бадахшанской области Таджикистана. Его село — в пятистах метрах от границы. Сейчас Кайсар учится в девятом классе. Но когда он был четвероклассником, случилось вот что. Однажды весной он шел из школы домой. И вдруг увидел, что незнакомый человек плывет по пограничной реке к нашему берегу. Кайсар спрятался за камни и стал наблюдать. Горная речка быстрая, холодная, ее трудно переплыть. Да еще человек в поднятой руке держал целлофановый мешок с брюками и желтыми ботинками. Кайсар вскочил и со всех ног побежал к школе. Рассказал все учителю. Учитель позвонил на заставу, и с Кайсаром они вернулись к реке.

Незнакомый человек только выбрался на берег и одевался. Когда учитель и мальчик подошли к нему, он не сопротивлялся и позволил отвести себя в школу. Нарушителя заперли в кабинете директора. А тут и пограничники приехали.

Кайсар Саиднасимов награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». На общей фотографии Кайсар — правофланговый.

ШТАБ ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

БЕЙ, БАРАБАН!

Занятия в школе барабанщиков ведет вожатый Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» Сергей ВАРАКИН.

Барабан — старый и верный друг пионеров всех поколений. Где бы ни был отряд: на торжественной линейке, в трудовом десанте, в походе или на параде,— всюду с ним пионерский барабан.

Быть барабанщиком — большая честь. Мало научиться четко выбивать барабанную дробь. Право быть барабанщиком надо заслужить активным участием в пионерской жизни отряда, верной дружбой, смелостью и отвагой. Пионерский барабанщик всегда впереди.

Ваш совет дружины решил организовать школу юного барабанщика. Каждый пионерский отряд посылает в школу по одному или по два человека.

В школе барабанщиков пионеры узнают

о символах, атрибутах и ритуалах в пионерской организации, о роли отряда барабанщиков в дружине;

как устроен барабан, правила обращения с ним;

научатся играть сигналы и марши, стоя на месте и в движении;

научатся объяснять другим ребятам, как играть на барабане.

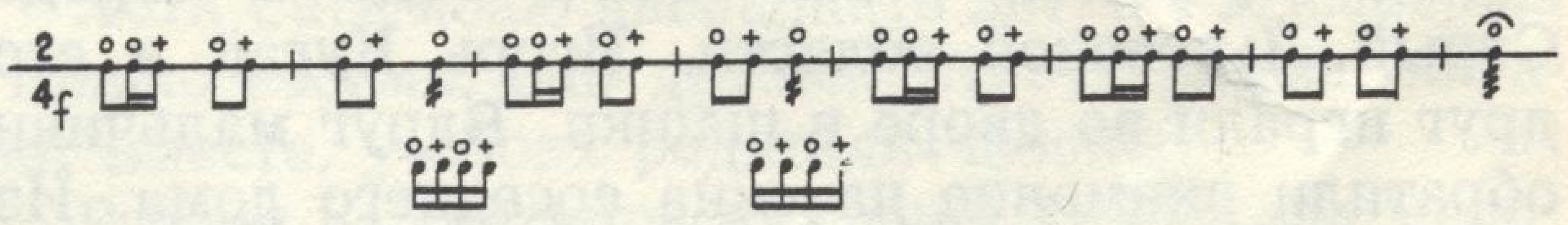
Всему этому юные барабанщики выучатся не за один день. Школа барабанщиков проведет с ними несколько занятий.

На третьей обложке этого номера журнала напечатаны ноты сигналов и маршей для горна и барабана. Ноты барабана расположены на одной линейке.

На уроках пения вы изучали нотную грамоту. Помните, как обозначается целая нота? Вот так: 𝅝 Она соответствует четырем долям. Вы считаете: «раз» — удар, «два-три-четыре» — пауза. Это половинная нота: 𝅗𝅥 На счет «раз» — удар, «два» — пауза, «три» — удар, «четыре» — пауза. Четвертная нота: ♩ На счет «раз-два-три-четыре» — четыре удара палочкой. Восьмая нота: ♪ Считаем так: раз-и, два-и, три-и, четыре-и. За это время делаем восемь ударов палочкой. На «раз» — удар, на «и» — удар, на «два» — удар... Шестнадцатая нота: 𝅘𝅥𝅯 Пока считаем «раз-и», делаем четыре удара палочкой. Значит, на счет раз-и-, два-и, три-и, четыре-и мы должны успеть сделать шестнадцать ударов.

В нотной грамоте удар правой руки обозначается знаком 0, левой — знаком +.

А теперь попробуем вместе разобрать, как играется сигнал «Сбор».



Цифры $\frac{2}{4}$ — в начале музыкальной строки означают, что счет мы будем вести до двух в каждом такте. Буква f — играем громко. Вертикальные черточки разделяют такты.

Первый такт.

На «раз» — один удар палочкой, на «и» — два удара, на «два» — один удар, на «и» — один удар.

Второй такт.

Счет начинаем сначала. На «раз» — удар палочкой, на «и» — удар палочкой, на «два-и» — четыре удара.

Третий такт.

Играется так же, как первый.

Четвертый такт.

Играется так же, как второй.

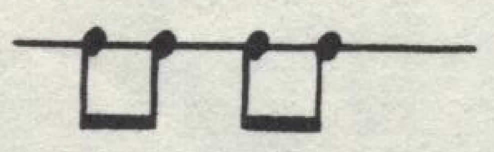
Пятый такт.

Так же, как первый.

Шестой такт.

Так же, как первый.

Седьмой такт.



«Раз» — удар, «и» — удар, «два» — удар, «и» — удар.

Восьмой такт.

Дробь с правой руки. Заканчивать вместе с горном.

Дружина готовится к празднику «Посвящение в барабанщики». Пионерские отряды пишут своим барабанщикам поздравления и делают сувениры. Цветами и лозунгами украшают актовый зал. На сцене — стойка для барабанов.

Школьный хор разучивает песни: «Баллада о барабане», музыка и стихи О. Богданова; «Веселый барабанщик», музыка Л. Шварца, стихи Б. Окуджавы; «Барабанщики», музыка и стихи В. Крапивина. Все отряды уже просмотрели кинофильмы «Судьба барабанщика», «Бей, барабан» и готовы к разговору «Пионерский барабанщик. Каким он должен быть?»

1. Так барабанщик стоит во время игры. 2. Несет барабан в походе. 3. Выполняет команду «Смирно!»

Конечно, одним, без учителя пения, разучить сигналы и марши по нотам вам будет трудно. Но если уж так случится, что помочь вам никто не сможет, возьмите в библиотеке книги:

К. Купинский «Школа игры на ударных инструментах», издательство «Музыка», Москва, 1971 год.

А. Я. Спрогис «Школа горниста и барабанщика», «Молодая гвардия», 1964 год.

Барабанщик должен уметь правильно стоять во время игры на барабане, выполнять команду «Смирно!», нести барабан во время похода.

И вот учеба окончена! Сводный отряд барабанщиков дружины сдает зачет специальной комиссии, утвержденной советом дружины.

Школьный радиокомитет подготовил спецвыпуск радиогазеты. Из этого выпуска вы узнаете историю барабана, услышите интервью с барабанщиками, поздравления всех отрядов сводному отряду барабанщиков.

На праздник «Посвящение в барабанщики» приглашены ветераны пионерского движения, барабанщики разных поколений.

На торжественной линейке пионерской дружины отряд барабанщиков выстраивается на правом фланге. Теперь он всегда будет впереди. Бей, барабан!

Ноты сигналов горна и барабана — на третьей странице обложки.

Станислав РОМАНОВСКИЙ

СИНЯЯ МОЛНИЯ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 6.

Рисунки В. ДУДКИНА

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отец

По скрипучим мосткам ребята поднялись на баржу и увидели Дашу. Девочка сидела на палубе, держала на коленях большую куклу и пыталась привязать к ее пластмассовой голове мочалку, на которой прежде висели луковицы. Мочалка отсвечивала золотом и походила на косу.

— Да, — сказал Герц. — Дела-ааа! С эдаких лет — и такое равнодушие. Где мы были столько времени, ей все равно. Поздоровалась хотя бы.

Не переставая работать пальцами, Даша прошептала:

— Здравствуй...

— Здравствуй, — ответил Герц. — И на том спасибо.

А Толя спросил:

— Даша, ты чего сидишь на железе? Простудишься! Ты пересядь вон туда, на мостки. Перенести тебя?

Не выпуская из рук куклу и не поднимая на ребят глаза, девочка пересела на мостки.

Герц и Толя прошли на кухню, где мать половником разливала по тарелкам грибовницу, а Митрофан Сергеевич сидел в уголке.

— Что же вы опаздываете? — спросила мать и подала ребятам полные тарелки.

Толя сунул лицо в грибной пар, большой деревянной ложкой зачерпнул грибовницу, обжегся, но дуть на ложку не стал, а принялся глотать угощение малыми глотками. Мальчуган ощущал, как он постепенно начинает согреваться и из него выходит холод, который он принес из пещеры.

— Папа, — спросил Герц из грибного пара. — Какое сегодня число?

— С утра было девятнадцатое.

— А времени сколько?..

— Три часа по местному. А тебе по какому надо? По московскому?

Не отрываясь от тарелки с грибовницей, Толя сосчитал в уме, что поход в пещеру со всеми страхами и голодом занял не трое суток, как утверждал под землей Герц, а девять часов: часов в шесть утра они вышли, в четвертом часу дня вернулись.

А страхов-то, страхов-то было сколько!

Между тем Митрофан Сергеевич вел солидный разговор с Толиной матерью:

— Я вам поставлю печь — всем печам печь! Она примет за зиму всего семь кубометров дров, и ни одного полена больше. А тепло будет держаться в избе с утра до утра! А то и двое, трое суток. И учтите, Мария Николаевна, с вас я не возьму ни рубля!..

— Это почему же, Митрофан Сергеевич?..

— Видите ли, Мария Николаевна, я печник!

— Знаю...

— А разве печники не способны чувствовать?

Митрофан Сергеевич, — тихо ответила мать, — я не говорю, что печники не способны чувствовать. Я этого не говорю...

Толя вытер полотенцем пот с лица, из кармана извлек нож, найденный в пещере, и поймал на себе синий-синий взгляд матери.

Где ты его взял? — выдохнула мать.

— В пещере нашел, — проговорился мальчуган и, думая, что и мама и Герц будут его ругать за пещеру, спросил с вызовом:

— А что?

Мать молча отобрала у него нож, взяла точильный, с ложбинкой, брусок и принялась направлять на нем лезвие. Мать без слов точила нож, и он стал как серебряный. Она положила нож на стол, Герц повернулся и локтем нечаянно столкнул находку на пол. Толя видел, как нож несколько раз подпрыгнул на полу, словно пойманная рыба-бель, позвенел и успокоился.

Мать подняла нож с пола, вытерла лезвие уголком косынки и сказала:

— Быть гостю...

И посмотрела в иллюминатор. Вслед за ней посмотрели и остальные. На стекло, словно алмазом прочерченные, наискось ложились капли дождя. Было слышно, как колотится лодка о причал.

— Сынок, — попросила мать. — Дашу приведи. Да лодку перегони в затишье!..

Толя выбежал из кухни и попал под редкие студеные капли. Даша сидела там, где он посадил ее, — на деревянных мостках — и, вытянув губы от усердия, все прилаживала к кукле мочальную косу. На лице девочки блестели дождинки, и она время от времени поглядывала на небо.

Толя взял сестренку за руку, привел в кухню, в тепло, выскочил снова под дождь и, взявшись за железную гремучую цепь, пригнал лодку к мосткам, под берег, где не было волн. Примотал цепь к перилам, бегом вернулся в кухню, в дверях отряхнув с себя воду...

Даша сидела на коленях у Митрофана Сергеевича. Он проволокой прикручивал косу к пластмассовым ушам куклы и говорил нараспев:

— Вот у тебя, Дашенька, и дочка с косой. Загляденье! Кукла краса, золотая коса. Вокруг головы обернуть или распустить? Как ты хочешь, Даша?

Та прошептала восхищенно:

— Не зна-аааю!

— И я не знаю, — рассуждал Митрофан Сергеевич, — у куклы свои волосы есть. Плохо ли, бедно ли, да свои! Пластмассовые. А поверх волос Даша захотела парик надеть, мочальный, конечно, но по моде. Ты, Даша, когда вырастешь, парик не носи. У тебя свои волосы хорошие, густые! Мама твоя, Мария Николаевна, живет без парика, и волосы у нее загляденье!

Толина мама покраснела и махнула рукой:

— На барже только в парике и ходить...

А дождь лил все сильнее и сильнее. Иллюминаторы были наглухо закрыты, по стеклам их текла вода. Толе представилось, что сидят они — мама, Даша, Митрофан Сергеевич, Герц, Толя — не на кухне баржи «Иволга», а на подводной лодке, в океанских глубинах, где за прочными стеклами в толще бугристой воды движутся тени: рыбы, медузы, водоросли. Как хорошо в проливень сидеть дома!

Было непонятно одно: каким непостижимым образом капли проникают сюда, сквозь стекло и железо и покалывают лицо мальчугана? Или это лицо горит после дождя и ветра?

Толина мать сказала, прислушиваясь:

— Кого это несет?

Она надела брезентовый грохочущий плащ с капюшоном и вышла в ливень. Митрофан Сергеевич подумал-подумал, набросил охотничью куртку, нахмурился и тоже ушел в непогоду.

— Эх ты, — сказал Герц. — Проговорился! «Будем молчать про пещеру». Чего же ты не молчал?

— Не вышло...

— А мы договаривались, чтобы вышло!

И с пристуком поставил на стол стреляную винтовочную гильзу, зеленую от старости. Толя молчал.

— Хотя бы спросил, где я ее подобрал, — укорил Герц. И прибавил с тихим торжеством: — Нашел я ее у выхода из пещеры. Это что-нибудь да значит? Не думай, пожалуйста, что я трус...

— Я не думаю...

— Гильза еще не доказывает, что в гражданскую войну в пещере жили партизаны. Она могла попасть сюда случайно. Будем искать...

Вернулись родители, и Герц спрятал гильзу в карман.

Митрофан Сергеевич помог Толиной матери снять плащ, отряхнул его от воды...

Сине-белая молния озарила кухню, будто загорелась проводка, и грохот, от которого в барже что-то треснуло, заложил уши Толе. Молнии рвались часто. В их озарении лица матери, Митрофана Сергеевича, Герца, Даши и даже лицо куклы виделись мучнисто-белыми, неподвижными, только глаза влажно блестели.

В промежутках между раскатами грома было слышно, как хлещет дождь и переговариваются мать и Митрофан Сергеевич.

— В баржу молния не попадет? — спрашивал Митрофан Сергеевич.

— Бывает.

— И как?

— Терпит баржа. Большая она.

— Молнии тоже всякие бывают.

— Всякие...

Удары грома стали реже. Толя припал к иллюминатору, и одна молния, синяя, ветвистая, распавшаяся на многое множество жилок, напомнила ему Каму на географической карте. И он представил себе Каму с притоками — реками, речушками, ручьями — синей, огромной вечной молнией, что осветила во всех подробностях его неполные одиннадцать... Или синим, гремящим притоками-ветвями великим деревом... Толя почувствовал себя маленьким-маленьким под этим деревом, но тут же забыл и про Каму-молнию и про Каму-дерево, потому что услышал слова Герца:

— ...Папа, а я в пещере рысь видел. Ох и ранил я ее! Правда, она в тупик забилась. Рычит на меня.

— А ты что?

— А я что? Я на ее шубу смотрю. Шуба на ней — роскошь! Цены ей нет. Любую квартиру украсит. Я хвать-похвать: ружья при мне нет. Осмотрел пещеру — и сюда. Думаю, пообедаю, возьму ружье, пойду в пещеру и вернусь с трофеем. А тут дождь как назло. Она и сейчас в тупике сидит.

— Нас дожидается? — спросил Митрофан Сергеевич. — Дождь кончится, возьмем ружье и пойдем.

Но дождь шел до поздней ночи.

Митрофан Сергеевич винился перед хозяйкой:

— Наскучили мы вам, Мария Николаевна. Загостились. Что же вы нас не спросите: «Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?»

— Нисколечко не надоели!..

— Может, нам в село пойти ночевать?

— С ребенком я вас никуда не отпущу, Митрофан Сергеевич, — сказала Толина мать.

— «С ребенком». Я уже вышел из этого возраста, Мария Николаевна. Насколько я понимаю, конечно... — снисходительно улыбнулся Герц.

Спали в каюте, гости на одной кровати, хозяева — на другой. В каюте было теплым-тепло, и под вкрадчивый шелест дождя Толе спалось хорошо.

На рассвете он проснулся ненадолго, — оттого что его невольно потревожила мать — ходила поить горючим «Метеор», — и увидел, как в стекле иллюминатора дрожит большая мохнатая утренняя звезда.

Он посмотрел на нее пристальнее, — звезда перестала быть мохнатой, засветилась отчетливым, как ограненная льдинка, острым голубым светом, и Толя заснул опять.

Сквозь сон мальчуган слышал, как мимо него ходили люди, раздавались голоса, среди них он различал возбужденный голос Герца. Но просыпаться Толе не хотелось — его одело уютное тепло, и сны, теплые, ласковые, забывающиеся сны, как облака по небу, плыли в его сознании, обволакивали его.

Сквозь сон он осознал, что и Даша проснулась, поела, напустила сквозняков в каюту и теперь качает куклу и поет ей песню.

Он понимал, что сестренка поет с расчетом разбудить его — громко поет, старательно. Это, наверное, мама наказала поднять Толю. А Даша — девочка стеснительная, не решается разбудить. Вдруг брат осердится?

Когда Толя проснулся, Даши в каюте не было. В иллюминаторы палило солнце.

Толя вышел на берег, услышал голоса Митрофана Сергеевича и Герца там, где пещера, и пошел на них.

Митрофан Сергеевич в рубахе с темными от пота подмышками разрывал правый ход в пещеру. Делал это лопатой, как сразу понял Толя, взятой с противопожарного щита на барже.

Толя поздоровался. Не переставая работать, Митрофан Сергеевич отозвался на его здравствование, а Герц даже головы не повернул. Он нехотя объяснил:

— Ливень был вчера страшный. Столько земли в Каму унесло. Вход в пещеру замыло. Вот мы и раскапываем.

Толя огляделся вокруг и удивился про себя. Бугор перед входом в пещеру стал куда выше, и был он весь в проточинах или свежих подсыхающих наплывах песка. По крутосклону дождь провел широкие, волнистые полосы. Сразу видно: много земли обрушил ливень сюда, на пещерный бугор. А сосна, что много лет свисает с кромки обрыва и не умирает и даже растет вниз головой, эта самая сосна по-прежнему держалась корнями за закрайку крутосклона, ствол ее светился розовой медью, и на красном песчанике зеленели живые ветви.

Толя постоял-постоял и пошел в овраг взглянуть на другой выход из пещеры.

После вчерашней грозы овраг тоже изменился. В ручей натащило земли и ветвей, он пенился и сердито гудел. Листва деревьев и кустов огрузла от влаги, шагу нельзя было ступить без того, чтобы тебя не окатило проливнем, затаившимся в зелени. Сухие древесные стволы снесло к ручью, и вода его кипела обиженно, даже гневалась: что, мол, это такое, работаешь без передышки, кое-как наладишь русло, ведущее к Каме, а его возьмут и перегородят. Сколько можно терпеть?

Мокрый с головы до пят Толя поднялся туда, где, по его соображениям, должен быть выход из пещеры, и не нашел его. Всюду была вспученная, подсыхающая и местами уже успевшая потрескаться глина.

Значит, запасной выход из пещеры крепко-накрепко запечатал дождь. Толя поднялся в лес и увидел у своих ног собрание грибов лисичек, промытых до золотистого блеска. Заниматься

грибами ему не хотелось, но эти были наособицу чистыми и упругими, и он не удержался — принялся собирать их в подол рубахи.

Стараясь не смотреть себе под ноги, чтобы еще не напасть на грибы, Толя вышел из лесу на голос трактора и попал на поле, где недавний дождь примял овсы.

Трактора не было видно, он работал где-то за косогором, Толя увидел монтера, что сидел в синем небе на самом верху телеграфного столба. Откинувшись на широком поясе, как в кресле, человек с железными «кошками» на ногах, в резиновых рукавицах прикручивал провод к изолятору...

Толя подошел к бетонному основанию столба, и сердце его замерло.

— Эй, парень! — окликнули его сверху.

Толя не шелохнулся.

— Паре-еeень! Отойди! Как бы железо не уронить тебе на голову.

Толя смотрел вверх и не отходил.

— Кому сказано?

Человек наверху перегнулся, разглядывая упрямца, вздохнул и, гремя по столбу железными «кошками», стал спускаться к Толе.

Он спускался долго-предолго.

Вот «кошки» звякнули по бетонному столбу, высекли из него искру.

Мужчина спрыгнул на мягкую землю и, не снимая с ног кривых железных крючьев, гремя ими, как цепями, двинулся к Толе, остановился и выдохнул:

— Сынок...

Это был Толин отец. Однако не такой, каким его привык помнить Толя. Был он пониже ростом, постарше, на лице проступила светлая, не то седая, не то русая, щетина, синие глаза повыгорели.

И все-таки это был отец, и пахло от него железом, машинным маслом, родным, непередаваемым, только семье ведомым теплом. В отцовских глазах, как показалось Толе, был испуг, а, возможно, и не испуг, а вина, какая бывает в глазах Даши, когда она набедокурит и хочет, чтобы ее пожалели.

Отец нагнулся, как подумалось Толе, чтобы обнять его, и мальчуган счастливо вжал голову в плечи. Но отец обнимать сына не стал, сорвал травинку, прикусил ее белыми, как снег, зубами и спросил:

— Грибов набрал?..

Толя кивнул.

— А у нас вот тут беда, — сказал отец, вынул травинку изо рта и показал ею на столб. — Молния в столб попала, и разнесло в щепки. Вот ведь какая сила, а? Все заново поставили. Слышишь, трактор гудит? Наши ребята уехали...

И пояснил застенчиво:

— Я нынче, сынок, опять в нашей электроколонне работаю...

— В здешней?!

— Да-ааа, — как-то неопределенно протянул отец, сделал шаг в сторону, но забыл, что на ногах железные крючья, запнулся, едва не упал, не глядя, сбросил крючья и сказал в сердцах:

— Будь они неладны!

Он постелил на траве брезентовую спецовку, опустился на нее:

— Садись, чего стоишь?

Толя сел на сухой брезентовый остров посреди мокрой травы, поджал босые ноги. От острова пахло отцом.

Распутывая перекрученные стебли овса, отец негромко сердился:

— Ну и гроза! Как будто медведь в овсах валялся... Я такой грозы и не припомню.

И бодрым голосом попросил:

— Давай посмотрим, каких ты грибов насобирал.

Толя высыпал из подола грибы, и они, тугие и прополосканные, золотились на брезенте, словно луковицы.

— А белых не было? — спросил отец.

Толя протянул ему тяжелый, с ножкой бочоночком боровик и сказал торжествующе:

— Вот!

Но отец не заметил Толиного подношения. Бережно, словно опасаясь, что сын не позволит дотронуться до него, погладил Толю по отросшим волосам и спросил:

— Что же ты не стрижешься-то, сынок?..

Толя не успел ответить. Неожиданным сильным движением отец больно прижал его к себе, поцеловал в макушку и задышал горячо и часто:

— Сыно-ооок...

Толе было щекотно и дышать трудно, но он терпел и не освобождался из отцовских рук.

Отец отпустил Толю, отвернулся и спросил:

— Как мать с Дашей?..

— Хорошо!

— Не болели без меня?

— Без тебя-то? Без тебя-то один раз болели, — вспомнил Толя, как Даша простудилась в морозы и две недели лежала в больнице.

Но не желая огорчать отца, Толя поправился:

— Не сильно болели.

И прибавил:

— Ждут они тебя.

— Нет, — замотал головой отец. — Не ждут... У тебя, поди, другой папа есть?

— Как это? — не понял Толя.

— Ну... Живет у вас в семье другой вместо меня. Почему я так думаю-то? Я все не решался к вам прийти. Смелости не хватало. А потом думаю: «Семь бед — один ответ, пойду!» Ночью пошел. Не этой ночью, прошлой. Подхожу к барже, а там прожектора светят. Что такое? А потом с баржи выстрелы. Дуплетом. Не по мне, конечно, стреляли, не знаю, по кому стреляли. И я сразу понял, что у вас на барже живет другой папа. С ружьем. «Так мне и надо!» — подумал. И бегом от баржи в село Каракулино. Я там в гостинице живу...

Толя мгновенно вспомнил ту ночь, свет прожектора, выстрелы Герца, метнувшуюся рысь и одновременно с нею кинувшегося в темноту человека.

— Папа! — сказал он. — Папочка! Я видел, как ты бежал...

— Да не от страха я бежал... От стыда!..

Мужчина спрыгнул на землю и двинулся к Толе, остановился и выдохнул: — Сынок...

— Папа! Я не говорю, что от страха... Я видел, как ты бежал вместе с рысью... Стрелял по рыси наш гость Герц. Рысь подошла к барже воду пить, он и выстрелил. А мама светила прожектором. Герц учится в восьмом классе. У него есть отец Митрофан Сергеевич. Они у нас вторую ночь ночуют. Из-за дождя. Сегодня они уезжают. А, кроме тебя, папы у нас нет.

Толя встал и протянул отцу руку.

Тот вытер глаза кулаком, засмеялся, посмотрел на сына вопрошающе:

— Прямо сейчас пойдем?...

— А когда же?

— Без подарков-то нельзя...

— А грибы?

— Грибы... В здешних краях не подарок... Грибы... Эх, какие они... Литые!

Отец перебирал золотящиеся на солнце грибы, смотрел их на свет, взвешивал на ладони, вдыхая их запах, улыбался несмело, и Толя думал о том, что, пожалуй, отец у него теперь такой же, как в его снах, только присмотреться к нему надо хорошенько.

— Погоди, погоди, — спрашивал отец. — Грибы-то мы в чем понесем?

— Хоть в чем! Хоть в моем подоле!

— Подарок-то от меня...

Отец собрал свое монтерское снаряжение, сложил грибы в необъятные карманы спецовки, но идти за сыном не спешил.

— Погоди.

— Чего годить-то?

— Надо мне... и своих грибов принести.

Он вошел в лес, побродил недолго, пожаловался:

— Что-то я ни одного гриба не вижу.

— А это что? — показал ему Толя.

По мокрому лесу, над которым брезжило солнце, отец и сын долго-долго пробирались к Каме, по пути собирая грибы в четыре руки. По лесному склону спустились к Каме недалеко от баржи.

Тут отец увидел Герца, который стоял в скульптурной позе с ружьем на животе, и Митрофана Сергеевича с лопатой.

— Что за люди? — тихо спросил отец.

— Гости, — ответил Толя и, задохнувшись от радости, объявил:

— Папа мой... приехал!

Митрофан Сергеевич воткнул лопату в песок, распрямился, снял фуражку, поздоровался с поклоном и, как бы оправдываясь, объяснил:

— Мы... пещеру налаживаем... Песком ее замыло...

— Вчера гроза сильная была, — сказал отец.

— Исключительно сильная! Лето на исходе, а гроза...

— Да, — согласился отец.

Толя тянул отца за руку, и, увлекаемый сыном, тот стал подниматься по скрипучим мосткам на баржу. К ней приближался «Метеор», гасил скорость, и, как прозрачные перепончатые крылья, опадали вокруг него струи.

Долго ли, коротко ли набирал горючее «Метеор». Расплескав всю Каму, он поплыл, ушел. А мать все хлопотала у насосного устройства и не замечала отца. Потом она пошла на кухню, воздев руки и помахивая ими, чтобы — это хорошо знал Толя — они отдохнули.

И тут она увидела отца.

Мать остановилась, постояла, опустила руки. Ветер растрепал ее волосы, выгоревшие добела, но она не поправляла их. Все стояла и шевелила пальцами.

— Он грибов тебе принес, — сказал Толя.

— Из Караганды? — хрипло спросила мать.

— Из леса, — ответил Толя.

— А из Караганды ничего не привез? — спросила мать. — Каменного угля хоть с горстку...

Она прошла на кухню. Вслед за ней Толя за руку привел отца и попросил:

— Мама, ты его не гони. Ты прими его. Вон он какие грибы тебе принес.

Мальчуган принялся разгружать отцовские карманы. И на столешнице выросла горка золотых грибов, пропахших свежим лесом. Толя взял ножик, который он нашел в пещере, и отец сказал:

— Этот ножик я в пещере потерял.

— А я нашел! — обрадовался Толя.

Вошла Даша с куклой на руках, по полу волочилась мочальная коса. Толя с гордостью показал сестренке на отца:

— Папа твой!

Девочка посмотрела на отца, не выразила ни удивления, ни радости, — она отца не помнила, — взобралась на стул и, украдкой взглядывая на него, принялась качать и баюкать куклу.

Отец болезненно улыбнулся и сказал:

— Выросла...

Он хотел еще что-то сказать, но не смог — задышал часто-часто. Мать спросила:

— Чего ты к нам надумал? Прогнали тебя?

— Меня?.. Не-еeет, — ответил отец. — Сам ушел...

— Не понравилось? — спросила мать.

Отец сел на краешек стула.

— Сам ушел, — повторил он. — Соскучился... Там ходишь по бетону да по асфальту — ногам больно. В голову отдает. А здесь — по мягкой земле. Я уж и забыл, как по мягкой земле ходят. Хожу и не нахожусь! Да и жизнь-то там какая у меня была... Хозяйка попалась такая, у нее не квартира, а посудный магазин. Куда ни повернись — хрусталь, фарфор, серебро. «Куда, — говорю, — столько? Зачем? Книжек бы купила». А книг в доме нет. Она говорит: «Ишь чего захотел? Книжек! Квартира и так тесная, лишний стаканчик не купи, а он — книжек. Захотел читать, ступай в библиотеку. Мою квартиру книжками нечего загромождать, а серебро и хрусталь дорожают. Вот я и запасаюсь...» Я думаю: «Ну и запасайся на здоровье». И сюда. Обратно. На Каму...

Мать спросила:

— Ты и про нас ей так же рассказывал? Худое говорил: я такая, я сякая...

— Мария Николаевна, этого не было, — тихо ответил отец.

А потом прибавил:

— Чего вы мне плохого-то сделали? Это я вам...

— Есть-то будем? — спросила Даша.

Мать поставила грибовницу на огонь и попросила Толю:

— Гостей зови.

Толя побежал на пещерный бугор. Вход в пещеру не был разрыт, а гостей и след простыл. Лопату мальчуган нашел на прежнем месте — рядом с огнетушителем на деревянном щите. Стало быть, гости вернулись на баржу, сидят на кухне и едят грибовницу, а он бегает, зря время теряет. Запыхавшись, Толя влетел на кухню.

— Где гости-то? — спросила мать.

Толя развел руками:

— Нету... А лопата на месте висит.

— Ладно, — сказала мать. — Садись за стол. А то грибовница остыла, пока тебя ждали. Ну и гости! Ну и Митрофан Сергеевич! Сватался-сватался. Розы сулил. Печку-семиколенку. А ушел молчком.

— Он, может, отца испугался, — с некоторой гордостью сказал Толя. — Митрофан Сергеевич-то.

Глаза у матери смеялись, а у отца были растерянными.

Мать порывалась что-то сказать, но не говорила и, хлебая грибовницу вместе со всеми, прятала в пар над блюдом смеющиеся глаза. Толе и Даше тоже стало смешно, и они одновременно фыркнули, но тут же, чтобы не сердить мать, стали серьезными.

После столования мать сказала:

— Поели-попили, пора и честь знать. Ступайте-ка с богом, Юрий Иванович, туда, откуда пришли.

— Мама... — подал, было, голос Толя, но она жестко перебила его:

— Молчи!.. Если в нем совесть есть, пусть он помучается. Ступайте, ступайте, Юрий Иванович, не пригревайтесь. Не приму я вас.

...Только спустя три месяца мать приняла отца в семью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Цветы под снегом

Поздней осенью, когда снег побелил камские берега, пришел буксир-толкач и увел баржу «Иволгу» зимовать в затон.

Мать была печальной.

Вместе с отцом она укутывала яблони в саду — оборачивала стволы рогожами, приматывала веревками.

На последнюю яблоньку рогож не хватило. Мать принесла из сеней старую телогрейку, завернула в нее яблоневый ствол, отчего яблонька стала похожей на ребенка, по бедности или по каким другим причинам одетого в великоватую родительскую одежду.

Отец пытался развеселить мать:

— Чего ты яблоню как бедно нарядила? — спрашивал он. — Надо бы ей шелковое платье привезти из Сарапула.

— Юра, — мать ласково дотронулась до отцовского рукава и рукавицей показала на небо. — День сейчас, а она и не думает заходить...

Отец и Толя посмотрели туда, куда показывала мать.

На небе тающей льдиной белела луна, и края ее, размытые светом, сливались со студеной голубизной неба. Напротив горело солнце, и Толя подумал, что луна сегодня тоже помогает дню быть светлым.

— Толя, — попросила мать, — ты бы сходил к бабушке Ульяне и попросил у нее липового цвета для Даши. Или мать-и-мачехи. Да она

сама знает, бабушка-то Ульяна, чего надо от кашля. На то она и травница...

Толя постоял, постоял и молча пошел выполнять мамино поручение. Он-то знал, что Даша не столько болеет, сколько любит притворяться больной. То есть кашлять-то она немного кашляет, но не больше других. Если в день один раз чихнет, то, считай, больна. Нравится ей лежать в постели, время от времени покашливать, закрывать глаза. И чтобы все при этом вокруг ходили на цыпочках, разговаривали шепотом, поили немыслимо сладостным малиновым вареньем. Да еще рассказывали сказки.

Перед тем, как идти к травнице, Толя зашел домой. Зашел он неслышно и притворил за собою дверь. Даша стояла на стуле, придвинутом к буфету, и столовой ложкой черпала малиновое варенье из стеклянной вазы.

— Так-то мы болеем, — мрачно сказал Толя.

Девочка облизала ложку, положила ее на полку буфета, слезла со стула, убежала на кровать, легла под одеяло и закрыла глаза.

— Так-то мы болеем, — еще более мрачно повторил Толя, меняя рабочие рукавицы на выходные варежки из белой шерсти. — Недомогаем, значит? А? Я вас спрашиваю?

Сестренка молчала.

— Я бы тоже так с удовольствием поболел. Хоть бы покашляла, что ли, для приличия.

Девочка неумело кашлянула, приоткрыла один глаз и тут же закрыла его, встретившись с глазами брата.

— И на том спасибо, — великодушно сказал Толя, потуже натягивая шапку-ушанку на голову. — Вы тут, Дарья Юрьевна, с эдаких лет прохлаждаетесь. А мы в школе учимся. Задачи по математике решаем с неизвестными, по хозяйству хлопочем. А сейчас ради вас на другой конец села идем за липовым цветом, хотя вы в нем совершенно не нуждаетесь. Но чего не сделаешь ради единственной сестры?

Толя запыхался, пока прибежал на другой конец села к избе бабушки Ульяны. На двери висел замок. Судя по запорошенному крыльцу, хозяйки не было дома давно и неизвестно, где она и когда придет.

Изба травницы стояла на краю села, над кручей, и отсюда сквозь обрушенную ограду просматривалась Кама в заструган снега, виднелось пологое левобережье в далеких, бело-синих, волнами лесах.

Совсем близко, у околицы села, раскатисто хлестнул выстрел, и снег осыпался с карнизов избы бабушки Ульяны. По всему селу вразнобой залаяли собаки.

Потом хлестнул еще выстрел!..

Толя испугался, но ненадолго. Вспомнив, как нынешним летом Герц стрелял по рыси, он перемахнул через обрушенную ограду и побежал, проваливаясь в снегу, не от выстрелов, а на выстрелы, к оврагу у околицы, и остановился у самой его кромки.

Внизу слышались голоса, тявкали собаки, но отсюда Толе не было видно, что там творится, внизу.

Мальчуган нашел тропу и бочком спустился в овраг.

Людей и собак там не было, но было полно свежих следов человечьих, собачьих, заячьих. А в овражном тупике, где было особенно натоптано, кровянел снег.

Значит, охотники убили зайца...

Толя опять вспомнил, как Герц стрелял по рыси. И как они плутали в пещере. И как рысь отмахивалась от света. И как он нырял в подземное озеро. И как они вышли на волю, заметив, что огонек факела отклонился — стал показывать воздушную тягу... Он все это вспомнил в один миг, и припоминание не столь веселого события сейчас было для Толи приятно.

Мальчугану захотелось побывать в тех местах, у Чегандинской пещеры, благо идти до нее недалеко — несколько километров.

Толя спустился к самой Каме и по нетоптанному снегу пошел вниз по течению.

Вот и овраг у пещеры.

Зимой овражный ручей звенел ярче и звонче, нежели летом, будто веселый кузнец стучал железом о железо и приглашал зайти к нему в кузницу.

— Эй, кузнец! — крикнул Толя. — Где твоя кузница?..

И осекся.

С белого дерева снялась сорока и с трескотком, осыпав мальчугана снегом, улетела в ущелье, где деревья громоздились одно на другое и были неправдоподобно белыми, высокими, прекрасными.

Коричневая вода в ручье дымилась. По краям ее держался лед. А по дну в смутном свете на песке светились камушки. При впадении в Каму ручей подныривал под зеленый лед в лазурных мраморных прожилках и уходил в бурую глубину.

На грани мели и глубины Толя увидел сливающуюся с песчаным дном прозрачную рыбу, как сгусток тумана. Это была не подземная рыба, которую он видел в пещере, а камская, она все видела. Рыба держалась головой к ручью, и то ли сама она шевелила плавниками, то ли ручей перебирал их, то ли то и другое вместе. Рядом с этой рыбой мальчуган обнаружил другую, третью, и ему стало радостно, оттого что он знает, где живут доверчивые рыбы, и он не тронет их.

Он затаенно смотрел на рыб, а потом, чтобы глаза отдохнули, перевел взгляд на Каму. Лед в этом месте был подметен ветрами, свободен от снега и отполирован.

Толя вспомнил рассказы отца и бабушки Ульяны о том, что подземное озеро соединено с Камой, что от пещеры через реку к насыпному валу идет подземный ход, что здесь, напротив пещерного бугра, провалы, воронки и водовороты, без всплеска увлекающие на дно не только рыбацкие садки, но и людей...

Неужели это так и есть?..

Толя, не отрывая валенок ото льда, скользил по нему, чтобы не провалиться, как на лыжах. А потом лег животом на зеленый лед, прибли-

Отец и Толя посмотрели туда, куда показывала мать.

зил к нему лицо, прикрыл ладошками с обеих сторон, чтобы лучше видеть сквозь ледовое стекло. От его дыхания лед тут же запотел, и мальчуган ничего не увидел.

Толя снял варежку и принялся протирать зеленую поверхность льда и услышал над головой хриплые, с мороза, голоса лебедей. Он поднял голову и опять услышал над собой голоса лебедей, лай собак и догадался, что это не лебеди кричат посреди зимы, а трубят охотничьи рога.

Мальчуган снял шапку, чтобы лучше слышать.

Справа льдисто звенел ручей. А впереди за стенкой сквозных, опушенных инеем тальников неслышно скользила рысь, припадая на переднюю лапу.

С тех пор, как Толя не видел ее, дикая кошка потолстела, отрастила к холодам мех, кисточки на ушах стали гуще, а бакенбарды пушистее и заиндевели. Рысь не обращала внимания на охоту. Легко и мягко поднялась она на пещерный бугор, заклубилась снежной воронкой и исчезла.

Толя, распростертый на зеленом льду, подумал, что, может быть, и не было никакой лесной кошки, до того быстро и бесплотно промелькнула она и растаяла.

Не было-то не было, а вдруг она появится опять?

Мальчуган встал на ноги, постучал валенком о валенок, будто перед порогом в избу, сломал ветку тальника и, испуганно гукая, чтобы напугать рысь, если она покажется, взобрался на пещерный бугор, на самое его темя.

Левый и средний входы были завалены снегом, и постороннему человеку ни за что не угадать, что пещера здесь. Зато резко чернел правый вход. К нему под козырек из снега вели круглые следы рыси. След одной лапы был менее отчетлив.

Толя попятился.

Потом крепче сжал в руке тали́ну, подошел к пещере, нагнулся. Из входа из-под заледенелого козырька дохнуло погребным устойчивым теплом.

Шум охоты наверху топтался на месте. Хрипели охотничьи рога, и слышался собачий визг, затихал в отдалении и опять приближался. Сверху со слабым шуршанием сыпался снег. А с кромки обрыва по-прежнему свисала вершиной вниз сосна, живые ветви ее до малой иголки, до чешуйки на шишке, до трещины на коре были убраны инеем. Будто вся сосна была сотворена мастером из потемневшего от времени серебра. И мастеру этому, создателю серебряной сосны, уже больше ничего не создать.

На долгий миг Толя залюбовался деревом. Он боялся, что оно вот-вот обрушится сюда, и не хотел, чтобы оно упало.

И в то же время Толя слышал на лице дыхание пещеры.

Талиной, как веником, он замел рысиные следы, пока они не пропали на одутой ветрами бесснежной полоске берега. Теперь ни один охотник не догадается, что здесь, в пещере, хоронится хромая рысь.

И вздрогнул от близкого голоса:

— Ты чего это снег-то подметаешь, голубок? Чай, не двор тут, не крыльцо, не горница. Озяб, наверное, вот и греешься...

Это говорила бабушка Ульяна. Голыми руками она обирала куст шиповника — кладя ягоды в плетеную корзину. Куст был белый и без листьев, он напоминал морозный узор на стекле. А ягоды на нем смотрелись красными птицами. Села стая птиц на ветки, вот-вот вспорхнет из-под коричневых рук бабушки Ульяны и улетит невесть куда. Но птицы не улетали — дожидались, когда бабушка посадит их в корзину.

— Ногами-то притопывай, а руками прихлопывай, — говорила бабушка Ульяна. — Вот и будет тепло. Я сейчас полную корзину доберу, и домой пойдем. А ягоды-то — одна сласть! Мороз в них не то что сахару, меду добавил! Да ты попробуй, Толенька.

Мальчуган выбрал некрупную ягоду, положил в рот, зажмурился от сладости, языком, деснами ощутил и вобрал ее в себя. Он чуть было не проглотил даже колючие зерна.

— Бабушка Ульяна, я к тебе по липовый цвет пришел. Даша у нас кашляет, — сказал он.

— Так далеко за мной шел? — ахнула травница. — В эдакую далину́? Где же ты высмотрел-то меня?

— Не такая уж и далина, — оправдывался Толя.

В пропарине, куда уходил овражный ручей, в дыму плавал и горел месяц, и травница сказала про него:

— Чисто как горит. Рогами вниз, к морозам, к бурану.

Домой они пошли рядышком вдоль Камы.

— Дайте, Ульяна Максимовна, я корзину понесу, — просил Толя. — Устали вы.

— Пока еще не устала...

Она остановилась, поставила корзину на снег, и Толя спросил:

— Устали? Теперь я понесу.

Но бабушка Ульяна будто не слышала его. Утопая в снегу, она пошла подальше от Камы и, не оборачиваясь, рукой приглашала Толю идти за ней.

Вот она обернулась, сняла рукавицы, прижала их подбородком и голыми руками принялась разгребать снег.

Мало-помалу под снегом проступили цветы — сперва их белые очертания, а потом от тепла старушечьих пальцев они сами: золотые, малиновые, голубые, нежно-серые... Ни один лепесток не смят, ни одна жилка на листе не порвана. Дыханием и пальцами бабушка убирала с них снег — по снежинке, по крупинке. И они цвели посреди зимы...

Осторожней осторожного она сгребала снег обратно, присыпала им цветы, дышала на пальцы, говорила:

— У меня в этих снегах много их, цветиков-то! Живут. Ничего. Весну ждут. Вот на этом

роса замерзла, так я ее отдышу, растоплю, а листочек шалью вытру, чтобы пар не застыл. Сейчас-то их срывать нельзя. До весны подожду, до лета, до осени. Обижалась я на них,— отряхиваясь от снега, говорила бабушка Ульяна.— У меня мужа-то на войну взяли. Мне бабушка Матрена, девяносто лет ей было, наказывала: «Ты на вечернюю звезду и на утреннюю вот эту травку сушеную жги и пришептывай, чтобы дым-то синий выел глаза стрелку, который в мужика-то твоего будет метиться. Пуля-то и уйдет в сторону». Много я этой травки пожгла. А дым такой у нее душистый-душистый. Сейчас слышу этот дым. Как раз на вечернюю звезду принесли мне похоронную... Обижалась я на эти цветы. «Чего,— говорю,— вы не уберегли мужа-то моего?»

Бабушка Ульяна всхлипнула, подняла корзину, пошла.

— ...После обижаться перестала, подумала:

они не все могут, цветики-то. Не все могут! А простуду они снимут. Кровь идет, они ее остановят. Душа болит, они ее успокоят. Не обижаюсь я на вас, забудьте обиду мою, цветики лазоревые, травушки... Адамова голова... Скрипун-трава... Казак-трава... Шелкова полынь... Плакун-трава...

Толе было жутковато слушать протяжное бормотание бабушки Ульяны и хотелось слушать его дольше и понять, как можно хоть ненадолго серчать на цветы.

И еще ему очень хотелось спросить у травницы, только ли в этом месте цветут цветы под снегом или еще есть места, но он не решался спросить и очень обрадовался, когда увидел румяные, столбами, дымы села Чеганда.

В избе бабушки Ульяны, как в июле, буйно пахло травами, отчего у Толи с мороза закружилась голова, и он сел на лавку.

В пучках трав, свешивающихся с потолка, гудели пчелы — переговаривались между собой, или предупреждали гостя, чтобы он вел себя тихо-смирно, или вспоминали лето, когда липы цветут.

Из районной газеты бабушка свернула кулек, насыпала в него сухого, золотистого липового цвета. Толя принял кулек, пахнущий медом.

Дома матери не было. У постели Даши сидел отец и нараспев читал:

...Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
Досветла все у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит.
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, няньчится с дитятей.

Даша лежала с закрытыми глазами и будто бы болела.

Толя обиделся, оттого что отец не перестал читать при его появлении, не спросил, почему сын пропадал так долго, разжег газ, поставил на огонь кастрюлю с водой и, когда вода закипела, насыпал в нее липового цвета. Отец прекратил чтение вслух и сказал с наслаждением:

— Липами пахнет!..

— Почему попенок зовет его тятей? — спросила Даша.

— Кого? — не понял отец.

— Балду.

Отец собрался ответить, но не успел, в клубах морозного пара вошла мать и с порога объявила:

— Бандероль! «Город Сарапул. Г. М. Белобородов». Белобородов какой-то прислал. Кто такой Белобородов?

— Первый раз слышу,— ответил отец.

— Может, у вас в электроколонне работал?

— Не было у нас таких.

— Может, карагандинский знакомый?

— Ты поменьше говори, больше делай, — нахмурился отец.

Вся семья сгрудилась около стола, где мать руками и зубами развязывала нитки, что перетягивали сверток вдоль и поперек. И Даша позабыла, что она болеет, выбралась из постели поближе к матери, следила за каждым ее движением и слушала, как хрустит и ломается в материнских пальцах сургуч печатей. Внутри оказался сверток из газетной бумаги, потом пакет из целлофана. И, наконец, мать извлекла на свет содержимое бандероли: розы из пенопласта, от которых пахло одеколоном.

— Парикмахерской пахнет, — сказал отец. — Это что же за подарок такой? Вечные розы... Да-аааа... Дешево и сердито. Сиди и нюхай. Кто же это додумался-то?

— Это Митрофан Сергеевич прислал! — догадался Толя. — Мама, он же обещал тебе подарить розы из пенопласта! Хвалил их. Говорил, что они никогда не вянут.

— Это когда он сватался к тебе? — хмуро спросил отец.

— Раньше, — слабо махнула рукой мать. — Еще до сватовства.

— Мама, — сказал Толя. — А тут письмо! Вот оно, в газете спрятано.

Мальчуган достал конверт, а в нем тетрадный листок, исписанный школьным почерком, и стал читать вслух:

«Здравствуй, Анатолий!

Пишет тебе ученик восьмого класса Сарапульской средней школы Белобородов Герц Митрофанович.

Как ты жив-здоров?

Я часто вспоминаю наши скитания в Чегандинской пещере и будущим летом думаю приехать в ваши края не с пустыми руками. Я привезу военный фонарь усиленной мощности, к нему комплект электрических батарей, несгораемый шнур 300 метров, запас продовольствия — галеты, шоколад, плавленый сыр, а также теплую одежду из настоящей шерсти с примесью лавсана. Если к этому времени я научусь фотографировать, то привезу фотоаппарат. Нужна также сеть для отлова рыб в подземном озере и садок для их сохранения и транспортирования в живом виде.

Я знаю, что со временем научу их видеть.

Узнал ли ты, Анатолий: жили партизаны в пещере во время гражданской войны или нет?

Как здоровье твоих родных и близких?

Я немного прихворнул, у меня вырезали аппендицит, и я ни разу не вскрикнул во время операции. Врачи удивились: «Бывают же люди с такой стальной выдержкой!»

Папа сложил печку-семиколенку в одном сельсовете, и достаточно небольшой охапки дров, чтобы сутки греть это учреждение и всех его сотрудников.

Готовься и ты к новому походу в Чегандинскую пещеру.

На этом писать кончаю.

Папа посылает твоим родным и близким цветы. Он их достал по знакомству за хорошую работу. Мы хотели послать коробку шоколадных конфет, но папа говорит, что шоколад будет съеден и, перестав существовать, будет уже не в состоянии напоминать о наших встречах. А цветы, украшая интерьер, всегда будут говорить о том, что есть люди, это мы с папой, которые помнят о вашем гостеприимстве.

Крепко жму твою руку.

С комсомольским приветом

Белобородов Г. М.».

— Грамотный парень, — похвалил отец.

— Он в восьмом классе учится! — с гордостью сказал Толя.

После некоторого молчания отец посоветовал:

— Сынок, ты ответь ему. Пусть приезжает. Хоть с отцом, хоть один. Только в пещеру... Так и напиши ему.. В пещеру пусть не собирается. Аварийная она. Обваливается. И партизан в пещере не было.

— Учительница говорит, что это неизвестно, — пробормотал Толя. — Герц в пещере гильзу нашел...

Мать вспомнила:

— Даша, а ведь ты болеешь!

Вместе с цветами она отнесла дочку в постель, уложила, накрыла одеялом. А отец в стакане с подстаканником подал Даше дымящийся настой липового цвета. Даша отпила, обожглась, закашлялась, кашляла старательно и долго. Потом, любуясь на свет настоем, пылающим сквозь стекло, пролила его на одеяло.

— Ну вот, — сказал отец. — Тебе бы все игрушки. Мимо рта-то не проноси.

В четыре руки отец и мать вытерли пролитое с Дашиного одеяла.

Толя подумал, что за ним родители никогда так не ухаживали, а если и ухаживали, то теперь никогда так ухаживать не будут. Он убрал посуду со стола, протер клеенку чистой тряпкой и сел писать ответ Герцу:

«Здравствуйте, Митрофан Сергеевич и Герц Митрофанович!

Пишет вам ученик четвертого класса Ичетовкин Анатолий Юрьевич.

Посылку вашу получили, за что большое спасибо. Какую посылку послать вам, я еще не придумал.

Жили партизаны в пещере или нет, я не узнал. Люди говорят по-разному. Буду узнавать еще.

В пещеру лазить теперь не разрешают. Она разрушается от звуков человеческого голоса. Если ее отремонтируют, тогда будут пускать.

Я был около нее. На улице мороз, а у входа тепло...»

Тут Толя чуть было не написал: «В пещере живет рысь», — но вовремя удержался. Напиши он про рысь, никакая сила не удержит Герца от нового похода в пещеру да, конечно же, с ружьем!.. Никто не должен знать, где прячется рысь, про которую идут разговоры на селе.

«Приезжай к нам, Герц Митрофанович. Будем купаться, загорать, собирать грибы и ягоды. И рыбачить будем».

О чем писать дальше, Толя решительно не

Бабушка Ульяна голыми руками принялась разгребать снег, и из-под него проступили цветы.

представлял. Он хотел на этом закончить письмо, но вспомнил про операцию аппендицита, и ему стало жалко Герца. Не застонал, не вскрикнул, не пожаловался... Молодец! А может, и покричал маленько.

И Толя с чувством приписал:

«Про аппендицит я спрошу у бабушки Ульяны. Если она знает траву, я вам пришлю. Мы с ней зимой были у оврага, и она собирала шиповник. Шиповник был красный и очень сладкий.

Мы утеплили яблони в нашем саду. Все яблони закутали в рогожи. А на одну надели старую телогрейку.

До свидания! С пионерским приветом, ученик четвертого класса Анатолий».

Спохватился и передал привет от родных:

«А также шлет вам привет вся наша семья — мама Мария Николаевна, папа Юрий Иванович и сестренка моя Даша».

Толя отложил перо, вздохнул с облегчением, откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Папа, — услышал он голос Даши, — а почему попенок зовет его тятей?

— Кого?

— Балду.

— «Почему? Почему?» Нравится ему, вот и зовет, — ответил отец. — Не нравился, не звал бы...

— А почему нравится?

Толя потихоньку надел полушубок и вылетел из сеней в колючую, крутящуюся мглу, что, как по длинной трубе, мчалась по лощине, в которой лежало село Чеганда. Мальчуган нагнул голову, бодая эту мглу своей мохнатой шапкой, не в силах вдохнуть или выдохнуть, задыхаясь до искр перед глазами, добежал до конторы, спрятался в затишье и вынул из-за пазухи письмо. На снежном ветру оно зашуршало и сразу затвердело, как накрахмаленное, а потом громко захлопало...

«Как сорока крыльями», — подумал Толя и опустил письмо в железную ледяную прорезь почтового ящика, еле дотянувшись до него.

И, не оглядываясь, долетел до дома и вбежал в густое тепло.

Ночью, ближе к рассвету, ему снились счастливые сны.

Снился ему Герц в белом докторском халате, а вокруг него в огромных стеклянных аквариумах плавали прозревшие рыбы с золотыми зоркими глазами, и когда он поднимал руку, то они вслед за ней всплывали, а когда опускал, то ложились на дно.

Снился ему Митрофан Сергеевич у белой печи, покрытой расписным узором.

— Достаточно одного березового полена, чтобы печь грела избу месяц, — говорил Митрофан Сергеевич.

Толе снилась река.

На «Метеоре» с отцом, матерью и Дашей он едет в низовья, и Кама внезапно синеет, как синеют глаза матери от счастья, от любви. Синева близко-близко!

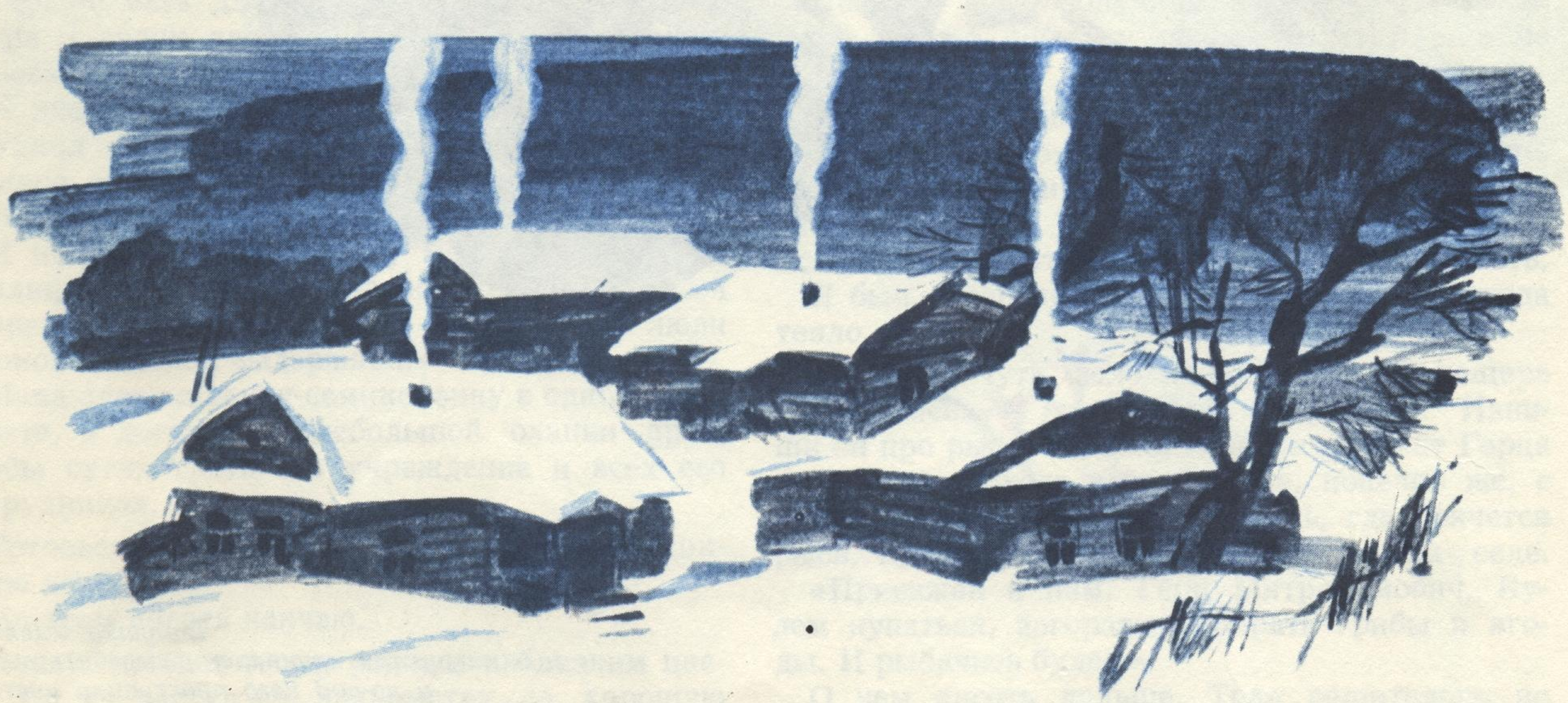
Вот «Метеор» идет на закатное низкое солнце, и навстречу бегут красно-бурые, а то и совершенно красные гривастые волны, и солнце пытается пробить их, пронзить,, прожечь насквозь, и они, тяжкие, красные, накатываются на корабль, колеблют его и блестят, как потные крупы коней-степняков! Воля, сила, ярость была в беге этих коней, и древностью веяло от них — от камских волн, впервые увиденных Толей такими. Они напомнили человеку, что он живет на древней прекрасной реке, и нет выше счастья на ней, чем воля.

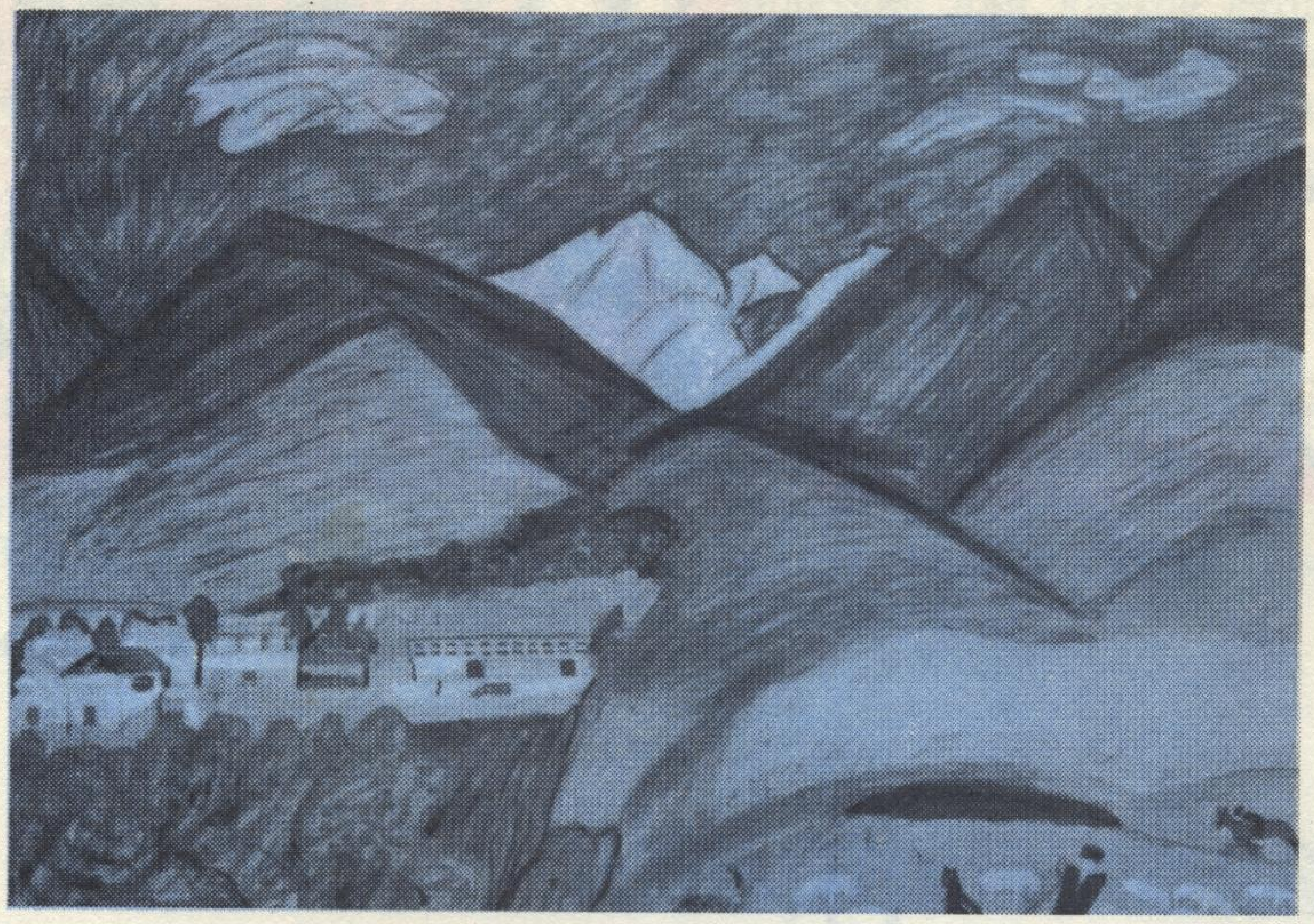
Во сне волны качали Толю, и он понимал, что это снежная буря пытается и не может раскачать их дом, золотые, плотно пригнанные венцы, воет в трубе, скребется под дверью.

Под одеяло прокрадывался холодок, Толя подтягивал ноги к животу и видел сны.

Под шум ветра, смешанного со снегом, спать отрадно. Спать до положенного пробуждения. А пробуждение приближалось...

КОНЕЦ





СЕЛО ЛЯХЛЯ — рисунок Курабека МУРСАЛОВА. Курабек живет в Дагестане, в селе Ляхля Хивского района, учится в девятом классе. И рисунки и стихи его — о родном крае.

РОДНИК

Близ селения Ляхля
Есть прекраснейший родник.
Через горы и поля
Воду шлет к нему ледник.
Песней звонкой и веселой
Привлекает всех родник,
Каждого водой холодной
Напоить готов родник.

ТАБАСАРАНСКИЕ КОВРЫ

Есть деревня в Табасаране
На прекраснейшей поляне,
У самых ног седой горы.
Ткут там девушки ковры.

На коврах пестрят узоры —
Невозможны их повторы.
Там и птицы и цветы
Самой яркой красоты.

На ковре сидеть приятно,
Будто под тобой поляна,
И узоры, словно книги,
Нам рассказывают были.

Раушан АСПАНДИЯРОВА тоже любит и рисовать и сочинять стихи. Раушан 8 лет, она живет в городе Алма-Ате, учится в школе № 120.

ОДУВАНЧИК

Одуванчик маленький —
Беленькое платьице.
Дунул ветер — улетел
И куда-то спрятался.

❋

Это стихотворение сочинили две девочки: Гульназ ИБРАГИМОВА и Гульфия НОТФУЛЛИНА. Они из Татарии, живут в деревне Сосна Балтасинского района. На русский язык стихи перевел поэт Равиль Бухараев.

ЛЕТНИЙ ЛЕС

Весело заходим в лес.
Сколько в том лесу чудес!
Там и тут
цветы цветут.
Там и тут
грибы растут.

И береза и сосна
устремились в небеса.
Липа летняя цветет,
скоро, скоро будет мед!

Прыгают по елкам птички
и синички-невелички.
На опушке — тук-тук-тук —
черный дятел долбит сук.

Лев УСПЕНСКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Странная фраза

Английские радисты во время своего обучения неоднократно (можно даже сказать часто) передают и принимают такую, конечно, английскую же, фразу:

The quick brown fox jumps over the lazy dog.

Многие из вас ничего не поняли. Не беда: сейчас я переведу ее на русский язык:

«БЫСТРАЯ БУРАЯ ЛИСА ПЕРЕПРЫГИВАЕТ ЧЕРЕЗ ЛЕНИВУЮ СОБАКУ».

Одни из радистов-учеников старательно передают в эфир это неожиданное сочетание слов, другие с серьезными и даже озабоченными лицами вслушиваются и вглядываются не только в каждое слово, в каждую его буковку...

Вы, может быть, думаете, что и те и другие немного спятили? Ничего подобного!

Сейчас я раскрою вам секрет этого странного изречения.

Он (секрет) заключается в том, что в эту состоящую из девяти слов фразу входят все буквы английской азбуки. Вспомните, если позабыли, что в азбуке этой налицо всего 26 букв: A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z.

Ну что же? Теперь внимательно перечитайте волшебную фразу, карандашиком осторожненько ставя точки над всеми наличными буквами. Некоторые буквы встретятся вам дважды, так, например, два раза повторяется целый артикль «the». Это нам с вами неважно: лишь бы не нашлось ни одного пропуска и чтобы каждая из двадцати шести букв встретилась минимум один раз.

Вероятно, многим из вас давно уже хочется узнать: какой же смысл в этой не то охотничьей, не то собаководческой поговорке и заодно, зачем английским радистам так упорно настаивать на ее справедливости?

А их совершенно не интересует, действительно ли «бурая лиса» перепрыгивает через «ленивую собаку», или это случается только с рыжими лисами, а свойство собак тут совсем ни при чем.

Фраза эта придумана спе-

циально для того и так, чтобы в ней оказались ВСЕ буквы английской азбуки.

При обучении у радиста одни буквы могут получаться четко и ясно, на других (речь идет о современных буквопечатающих аппаратах дальней связи) происходят так называемые «сбои»: при передаче важных депеш могут произойти недоразумения.

Вот для того, чтобы заранее при подготовке аппаратов к работе узнать, одинаково ли исправно передает телетайп или другое сходное устройство все без исключения буквы, англичане и придумали свою таинственную фразу-приговорку.

Видимого смысла в ней нет, но зато свою роль она выполняет отлично.

Я рассказал вам об этом забавном обстоятельстве не только для того, чтобы вы просто узнали: такая фраза существует.

Я хочу предложить вам своего рода состязание: попробуйте составить такую же недлинную фразу — ну, слов в 7—10 (у нас-то букв больше, чем у англичан) и для русской азбуки. Тот, кто придумает фразу, не просто содержащую все русские буквы, но к тому же имеющую какой-нибудь, пусть самый незамысловатый, смысл, тот получит от нас звание «чемпиона буквенного хитроумия».

Капризные слова

Если ПАЛОЧКА означает маленький кусок дерева, то ПАЛКА—большой. Во всяком случае, бо́льший. Не так ли?

Как вам кажется, можно ли, прибавив к слову с тем или другим корнем уменьшительный суффикс «чка» (или, наоборот, отбросив такой суффикс от слова с каким-либо корнем), получить слово, обозначающее совсем другой предмет?

Как будто немыслимо? Я говорю ПТИЦА, а ПТИЧКА будет значить «маленькая птица».

Я сказал вам КОСИЧКА, и вы сразу же понимаете, что это значит: маленькая КОСИЦА.

Так бывает всегда? А вот и нет. Я говорю слово СПИЦА. Значит ли оно БОЛЬШАЯ СПИЧКА? Очевидно, не значит. Нельзя сказать: «А не можете ли вы продать мне коробок с маленькими

шведскими СПИЦАМИ», или: «Смотрите-ка: мальчик едет на маленьком велосипедике, и в колесах у него огромные СПИЧКИ».

Вот какие это капризные слова!

Есть и другие такие же. От слова ДОЧЬ вы можете образовать слово ДОЧУРКА (и от ПЕЧЬ — ПЕЧУРКА); а вот от точно так же построенного слова НОЧЬ—НОЧУРКИ никак не произведешь: никто не поймет вас!

Что из этого следует? А то, что в языках, подобных русскому, нельзя производить одни слова от других наобум, ПО АНАЛОГИИ, как бы печатая их с одного негатива.

Впрочем, русский человек на этом никогда не споткнется, а вот иностранцу легко при этом попасть впросак.

„-ЧКА"

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель. Назови мне предмет, имеющий форму шара.

Ученик. Голова.

Вера Бобрецова,
д. Засулье
Архангельской обл.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Что такое барханы?

Ученик. Это вроде ослов.

Ира Овчаренко,
г. Магнитогорск.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Кто такой Зевс?

Ученик. Это бог, который всегда зевал.

* * *

Учитель. Кто такие циклопы?

Ученик. Это огромные насекомые.

Дина Гайнутдинова,
г. Москва.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Назови особенности притяжательных прилагательных...

Ученик. Они всегда к чему-нибудь притягиваются.

Лариса Павлыш,
г. Минск.

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Несколько смешных фраз из работ своих одноклассников прислала Марина Ямантаева, ученица 6-го «а» класса со станции Калино Пермской области.

«Тигр бежал по саванне, и его копыта громко стучали о землю».

«Волны лизали песочный берег залива».

«У собаки были голубые глаза и розовые щеки».

«Нина не пошла в школу, и ее кусали мухи совести».

«Из лесу вышли две лошади, собака, мальчик и другие люди».

«Борис побежал искать Яшку и на повороте неожиданно воткнулся в него».

ПЕРЕМЕНКА

Из писем, полученных «Переменкой», мы узнали, что наши корреспонденты единодушны в своих желаниях: все они хотят встретиться на страницах «Пионера» с артистом кино **Михаилом БОЯРСКИМ.** Они спрашивают: «Сам ли Боярский поет в фильмах?», «Сам ли катается на коньках?», «Сам ли играет на гитаре?» и даже «Настоящие у него усы или поддельные?»

...Все эти письма наш корреспондент **Регина ДУБОВИЦКАЯ** показала Михаилу Сергеевичу. Он засмеялся и сказал:

— Если бы все это за меня делали дублеры, то зачем был бы нужен я сам? Сейчас учусь ездить верхом и фехтую. Получается пока неважно.

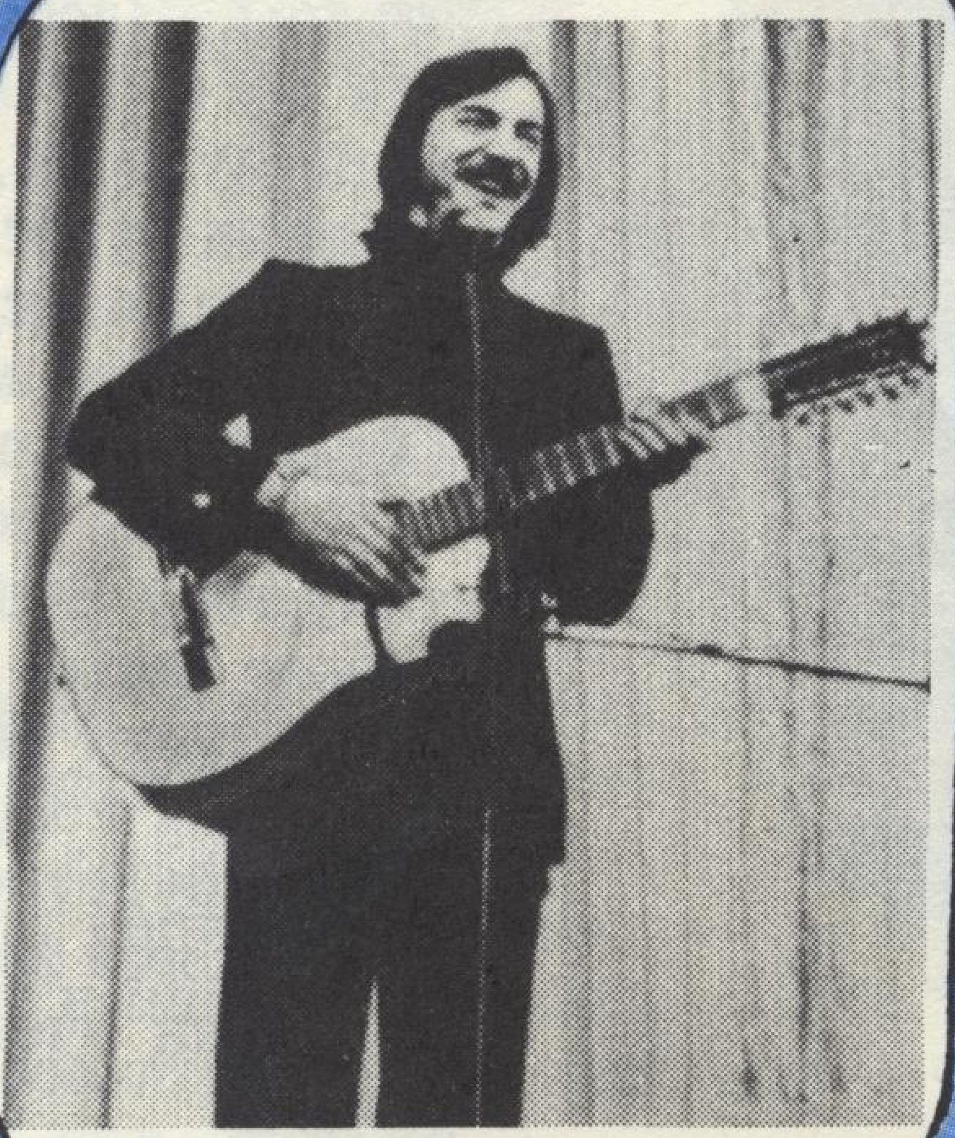
На уроки фехтования меня отправляют в класс, где тренируются женщины. Даже им я проигрываю поединок за поединком. О конном спорте я уж не говорю: я вообще боюсь лошадей. Но я все равно научусь: ведь не может же смелый гасконец, мушкетер Д'Артаньян, сидеть в седле, словно куль с мукой?

— Значит, в скором времени мы увидим вас в новой роли?

— Да, идут съемки нового фильма «Три мушкетера», в котором я играю Д'Артаньяна...

— Михаил Сергеевич, интересно, вы помните свою самую первую роль?

— Еще бы! «Дети, дети! К вам пришел веселый Дед Мороз!» — это и была моя первая роль! Сыграл я ее в первом классе. В гриме и костюме я был неузнаваемым. И поэтому все ребята подлетали ко мне и исподтишка сильно дергали за бороду, пока не оторвали ее. Тут выяснилось, что Дед Мороз — это всего-навсего ученик первого класса Миша Боярский... На этой же елке у



меня была еще одна роль: роль «бабочки». Мама сшила мне из марли симпатичные крылышки, и я с удовольствием «порхал» по школьной сцене. А потом кто-то из старших ребят прицепил мне дедморозовскую бороду. Удивительная бабочка получилась: с голубенькими крылышками и с седой бородой! Зал хохотал! Можно считать, что мой актерский дебют вышел удачным!

— И тогда вы решили стать артистом?

— Как вам сказать? Помоему, в первом классе мне все же больше хотелось работать вагоновожатым! Чтобы целый день ездить на трамвае и все время трезвонить звонком. Артистом решил стать в классе восьмом. Тогда у нас в школе работал драматический кружок, и я всерьез и навсегда «заболел театром»!

— Это относится и к кино?

— В кино я тоже работаю с удовольствием... Хотя сниматься в фильмах, заявляю вам со всей ответственностью, дело не легкое. Вот, например, в фильме «Собака на сене» есть кадр, когда Диана дает пощечину Теодору. На экране это — мгновение. А снималось оно несколько часов. И на протяжении всего этого времени Диана — актриса Маргарита Терехова — отвешивала мне оплеухи. И приходилось терпеть и даже улыбаться: а что сделаешь? Кино! В кино, как и в жизни, все настоящее. Даже усы у меня не поддельные! Правда, каждый раз после съемок гример, снимая с меня грим, обязательно хватает и за усы, полагая, очевидно, что это тоже студийный реквизит!

— Большое вам спасибо, Михаил Сергеевич, за ваш рассказ. Разрешите задать вам еще один, последний вопрос. Что вы хотите пожелать нашим читателям?

— Всегда все делать самим! И никогда не полагаться на чужие подсказки. Тогда все у вас будет получаться... В этом я убедился на собственном опыте.

МОСКВА ОЛИМПИЙСКАЯ, ГОД 1978

На этих рисунках — олимпийские сооружения Москвы. Они разместились по всей территории огромного города — **восемьдесят** больших и маленьких объектов. Готовых сооружений пока нет, есть стройка — **Всесоюзная ударная комсомольская.**

Всесоюзная — потому, что трудятся на ней строители со всех концов страны.

Комсомольская — потому, что строит ее молодежь.

Ударная — потому, что надо ее построить в очень короткий срок, ударными темпами. Ну и, конечно, хорошо, красиво построить.

Впервые в истории Олимпиаду будет принимать столица социалистического государства. И, конечно, вся страна помогает столице готовиться к Олимпиаде-80. Со всех концов едут по комсомольским путевкам в Москву молодые строители.

САМЫЕ ГЛАВНЫЕ СТРОЙКИ

На северо-востоке Москвы, в Измайлове, строится самая большая гостиница в Европе — для туристов, гостей Олимпиады. Работают здесь лучшие строители, и среди них — комсомольско-молодежная бригада Владимира Смолянинова, делегата XVIII съезда комсомола.

С бригадой я познакомилась в комитете комсомола. Показала ребятам рисунки будущих олимпийских сооружений, сделанные художником «Пионера», и записала их рассказ об этих стройках.

— Самый важный олимпийский объект, конечно, Лужники. Можно сказать, главная арена страны. Здесь пройдут соревнования олимпийцев по футболу, волейболу, легкой атлетике, водному поло, гимнастике, дзюдо...

Здесь будет торжественное открытие и закрытие Олимпийских игр, которые по телевидению увидит весь мир. Новый телерадиокомплекс в Останкине — тоже олимпийская стройка.

Лужники построены давно, но к восьмидесятому году Большую и Малую арены обновят, построят новые трибуны, раздевалки. Малую арену покроют зеленым, как травяное поле, синтетическим ковром. А для волейбольных соревнований будет открыт новый спортивный зал на три тысячи зрителей. И от Олимпийской деревни Лужники очень близко, спортсменам недалеко ездить.

— От Олимпийской деревни и Крылатское близко, Гребной канал.

— В Крылатском не только Гребной канал (его построили пять лет назад, когда проходил чемпионат Европы). А к Олимпиаде, кроме Гребного канала, еще будет проложена новая велотрасса длиной в тринадцать с половиной километров. Больше десяти километров уже построено. Для велосипедистов-трековиков — новый крытый велотрек. На Гребном строятся новые трибуны для зрителей, новые эллинги — помещения для лодок, мастерские, раздевалки. Все это вместе называется второй очередью Гребного канала. А какая красота в Крылатском — вокруг лес...

— Вы вот говорите: Лужники рядом с Олимпийской деревней, Крылатское тоже близко, а где же деревня эта будет?

— На месте бывшего села Никольское. Здесь вырастет новый жилой массив. Интересно полу-

Такой крытый спортивный зал строится в Лужниках

Бригадир Володя Смолянинов.
А это гостиница,
которую строит его бригада.

чается: было село — стала деревня, только самая-самая современная — восемнадцать шестнадцатиэтажных домов. И блок обслуживания — четыре столовых по тысяче мест, универмаг и поликлиника, и даже детский сад и школа. После Олимпиады в этих домах поселятся москвичи, и строители уже сейчас о них думают.

— Соревнования по боксу и баскетболу будут проходить на новом стадионе, самом большом крытом стадионе в Европе, на сорок пять тысяч мест. Он строится на проспекте Мира. Там же — бассейн для олимпийских соревнований по плаванию и прыжкам в воду.

Чтобы начать строить этот стадион, пришлось более четырех тысяч жителей переселить в новые дома, сотню старых домов снести...

ДВА ГОДА НАЗАД...

Два года назад над канадским городом Монреалем горел олимпийский факел: Монреаль принимал Олимпиаду-76, а столица Олимпиады-80 Москва начинала олимпийское строительство.

В огромный котлован у Серебряно-Виноградного пруда в Измайлове были вбиты первые сваи. На сваи легли плиты: началась закладка фундамента Измайловской гостиницы.

Володя Смолянинов тогда приехал в Москву из Липецка. Он уже окончил строительный техникум, отслужил в армии и приехал, чтобы готовить Олимпиаду самому, своими руками.

Приехал, потому что считал: для строителя такая стройка — самая хорошая школа. Нелегкая школа, требует огромного напряжения. Шутка ли, в такой короткий срок такую громадину соорудить.

Сначала Володя работал каменщиком. В этот свой первый московский год Володя изо дня в день, из месяца в месяц перевыполнял норму, сдавал отлично сделанную работу, стал победителем социалистического соревнования.

И ему, одному из самых молодых строителей, доверили бригаду.

ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ С ТРИДЦАТОГО ЭТАЖА?

Корпуса Измайловской гостиницы будут высотой в тридцать два этажа. Сейчас в первом корпусе «А» — он быстрее всех растет — тридцать этажей. С последнего этажа видны весь Измайловский парк, и Серебряно-Виноградный пруд, и остров посредине пруда, и Покровский собор на острове. Когда-то, лет триста назад, здесь была царская усадьба. Петр I спускал с этого берега на воду свой первый ботик. С ботика начинался русский флот...

Поднимешься наверх — дух захватывает, такая красота кругом. Стройплощадка огромная, а кажется отсюда совсем маленькой. Смотришь сверху и понимаешь, что имеют в виду архитекторы, когда говорят: «Здание нужно «привязать» к местности». «Привязать» к чудесному Измайловскому парку, к старинному архитектурному ансамблю на острове. Кажется, что лучшего места для пяти огромных гостиничных корпусов и быть не может.

Наверх можно подняться на временном лифте, строители зовут его подъемником. А бригада Володи готовит шахты для постоянных лифтов, выкладывает их кирпичом. Дело это не-

Много работы у строителей олимпийских сооружений. Надо возвести Олимпийскую деревню,

простое: надо быть настоящим мастером. Штукатурить шахту нельзя: от вибрации при движении лифта штукатурка будет отлетать, может попасть в механизм. Вот и должна быть стена и без штукатурки идеально ровной.

Бригада Володи Смолянинова — одна из самых молодых на стройке. Вместе ребята работают недавно, чуть больше года. Сначала было десять человек — звено. Но многие хотели попасть к Смолянинову, и звено выросло в бригаду — комсомольско-молодежную бригаду каменщиков. Сейчас в бригаде двадцать девять человек, ей доверяют самую сложную и ответственную работу.

Володина бригада — единственная бригада каменщиков на строительстве корпуса «А», и дел у нее хватает.

Скелет здания возводят монтажники — устанавливают вертикальные железобетонные и стальные конструкции. Кладут плиты-перекрытия, которые делят здания на этажи, в общем, создают основу, каркас. Прежде чем такую основу сдать отделочникам, над ней должны по-

велотрек в Крылатском,

работать каменщики. Они кладут кирпичные стены внутри дома, готовят полы. А пол в таком здании — настоящий многослойный пирог. На плиту кладется цемент, разравнивается (получается цементная стяжка), затем кладут вторую плиту, потом снова цемент и песок (для звукоизоляции), рубероид и опять цемент. Последний слой аккуратно разравнивается. И отделочники покрывают его линолеумом или паркетом. Это все работа Володиной бригады.

Бригада не раз была победительницей соревнования. А когда она начинала свою жизнь, у многих ребят даже не было строительной специальности. Они старались научиться как можно быстрее лучше работать и научились, потому что понимали: очень многое от них зависит.

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Там, где сейчас строительная площадка, через два года будут стоять изящные корпуса гостиницы. Здесь будут жить десять тысяч туристов, которые приедут на Олимпиаду. Тут же вырастет фабрика-кухня. Обеды, завтраки и ужины, которые она приготовит в один только день, все вместе будут весить сорок тонн. А меню составляется уже сейчас — из блюд разных национальных кухонь.

новый, самый большой в Европе крытый стадион на проспекте Мира.

Покровский собор будет обновлен и реставрирован, и гости будут гулять по берегу Серебряно-Виноградного пруда, любоваться старинной усадьбой.

Два года осталось до открытия Олимпийских игр. Много нужно успеть всем, кто участвует в подготовке Олимпиады.

На всех объектах олимпийской Москвы работают комсомольцы. Работают ответственно, стараются строить красиво и быстро, чтобы столица могла гордиться своими олимпийскими сооружениями.

И. ПАВЛЕНКО.

Рисунки В. СТРИЖКОВА.

МАСТЕРУ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ

В Белоруссии многим известно имя Алексея Павловича Сокольского. Он, известный мастер шахматного искусства, был школьным учителем и шахматным тренером.

После смерти Алексея Павловича с 1969 года в память об этом замечательном шахматисте каждый год проводится турнир «Мемориал Сокольского». И в этом году в Минск приехало восемнадцать очень сильных шахматистов.

И, представьте себе, первое место на этих соревнованиях занял кандидат в мастера, ученик 151-й бакинской школы, четырнадцатилетний Гарик Каспаров.

Успех Гарика не случаен, он много работает над шахматами, уже три года занимается в заочной школе экс-чемпиона мира Михаила Моисеевича Ботвинника.

Гарик дважды становился чемпионом Советского Союза среди юношей, но в турнире взрослых участвовал впервые. Шахматная федерация СССР присвоила ему звание мастера спорта. Теперь Гарик — самый юный наш мастер.

Когда Гарика спросили, что ему больше всего запомнилось на этих соревнованиях, он сказал: «Партия последнего тура: я впервые играл один на один с гроссмейстером». Добавим, что играл он с Анатолием Лутиковым и выиграл эту партию.

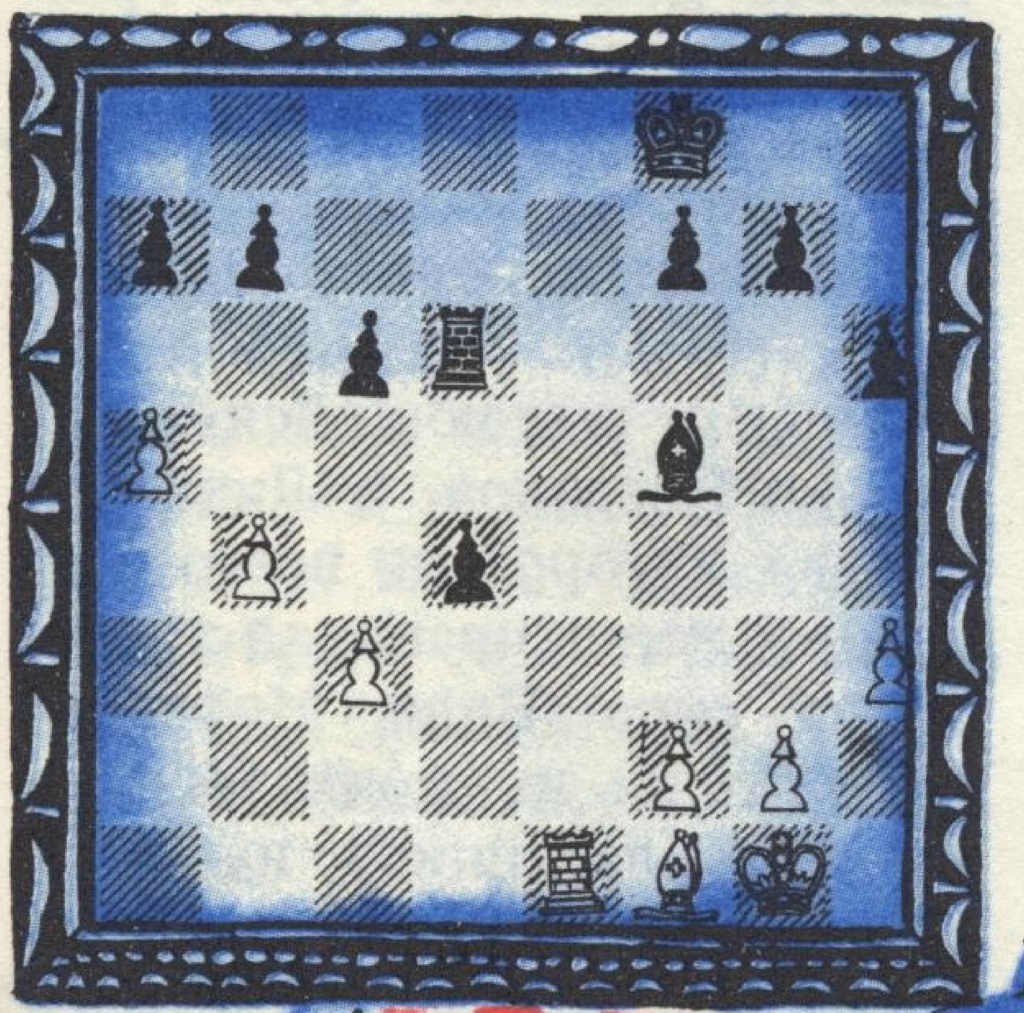
Вот какая позиция возникла в поединке **Гарика Каспарова** с белорусским мастером **Виктором Марьяшиным.**

(Диаграмма № 1)

Гарик выиграл пешку, но его противник возлагал большие надежды на следующий ход.

1. Лh8—e8+ Крe6—f7! (неприятный сюрприз. Если теперь 2. Л:e4, то 2... Кd6+ и т. д.) 2. Лe8—e5 e4—e3! 3. Лe5 f5+ (или 3. c:e3 К:e3 4. Л:e3 f2, и черная пешка прорывается в ферзи) 3... Крf7—e6 4. Лf5:f3 (ничего лучшего нет) 4... g4:f3 5. Сf2:e3 Крe6—e5 6. Крc4—d3 Крe5—f5 7. Сe3—f2 Лc6—e6 8. a2—a4 Лe6—e2 9. c5—c6 Лe2—e6 10. c6—c7 Лe6—c6 11. Сf2—b6 Крf5—g4 12 Крd3—e4 Лc6—c7! Белые сдались.

Диаграммы №№ 1, 2



САМО СОБОЙ РАЗУМЕЕТСЯ?

Есть ходы, которые бросаются в глаза и, казалось бы, само собой разумеются. Так и тянется рука сделать такой ход. Пешкин предупреждает своих друзей: будьте осторожны, проверяйте, нет ли в позиции какой-либо неожиданности.

(Диаграмма № 2)

К этому положению пришла партия, которую играли ученики московской школы-интерната № 9 **Игорь Арипов** и **Сергей Лучинкин.** У черных лишняя пешка, но Игорь устроил противнику коварную западню.

Игра продолжалась так: 1. Лe1—d1 d4:c3? (именно на этот естественный ход и рассчитывали белые. Правильно было 1... d3, сохраняя все шансы на победу) 2. Лd1:d6 c3—c2 3. a5—a6!

Этот неожиданный ход сразу меняет картину сражения. Если 3... ba, то 4. Л:c6.

3... c2—c1Ф 4. a6:b7, и черные потерпели поражение. Они остаются без ладьи.

(Диаграмма № 3)

А это финал партии недавнего первенства СССР среди девушек. Белыми играла школьница из Мичуринска **Елена Ступина,** черными — львовская студентка **Наталья Ручьева.**

Лена хорошо провела встречу, и хотя у черных лишняя фигура, проходная пешка c6 может стоить им очень дорого. Но, на свою беду, Лена сделала самый очевидный ход 1. Сd2—g5?, полагая, что пешка c6 неудержима, поскольку для коня становится недоступным маршрут на e7, который позволил бы взять под контроль поле c8.

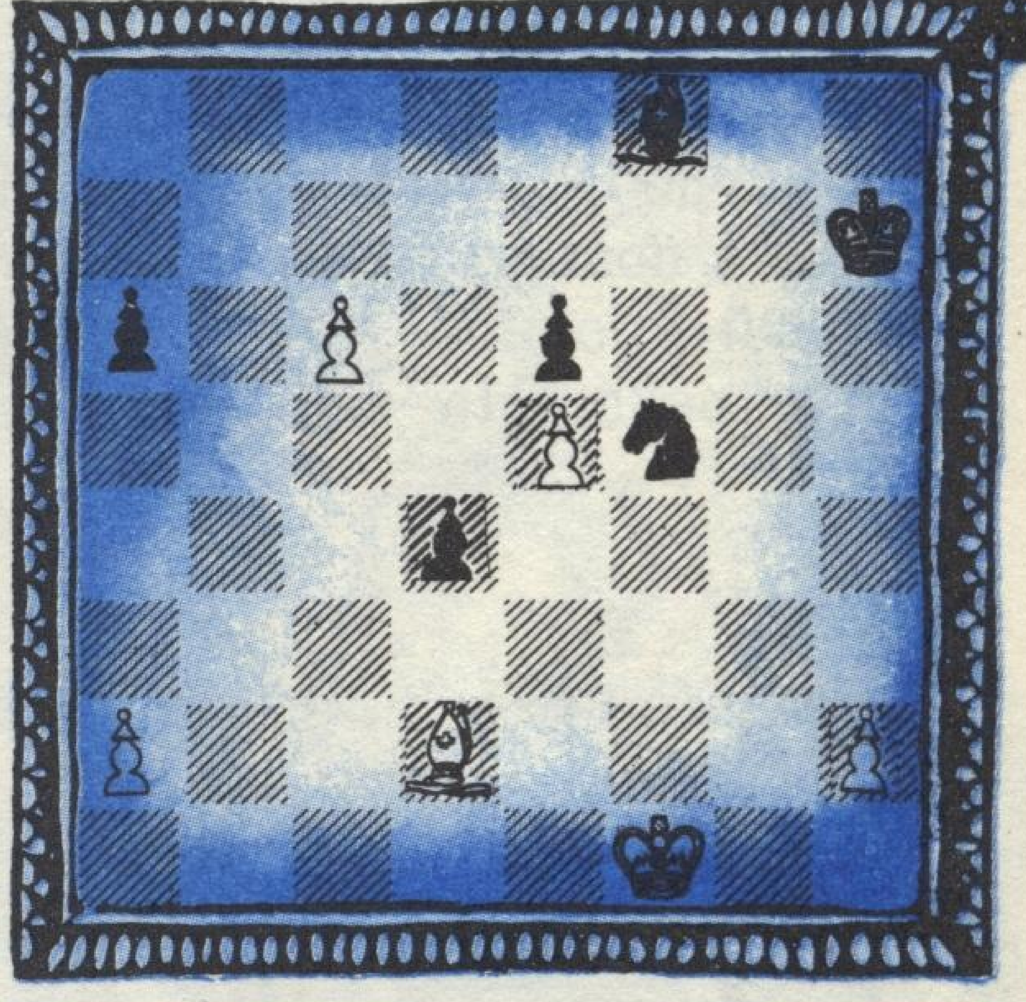
Но как гром среди ясного неба разразилось 1... Сf8—d6!, и после 2. e5:d6 Кf5:d6 партия закончилась вничью.

КОНКУРС ПЕШКИНА

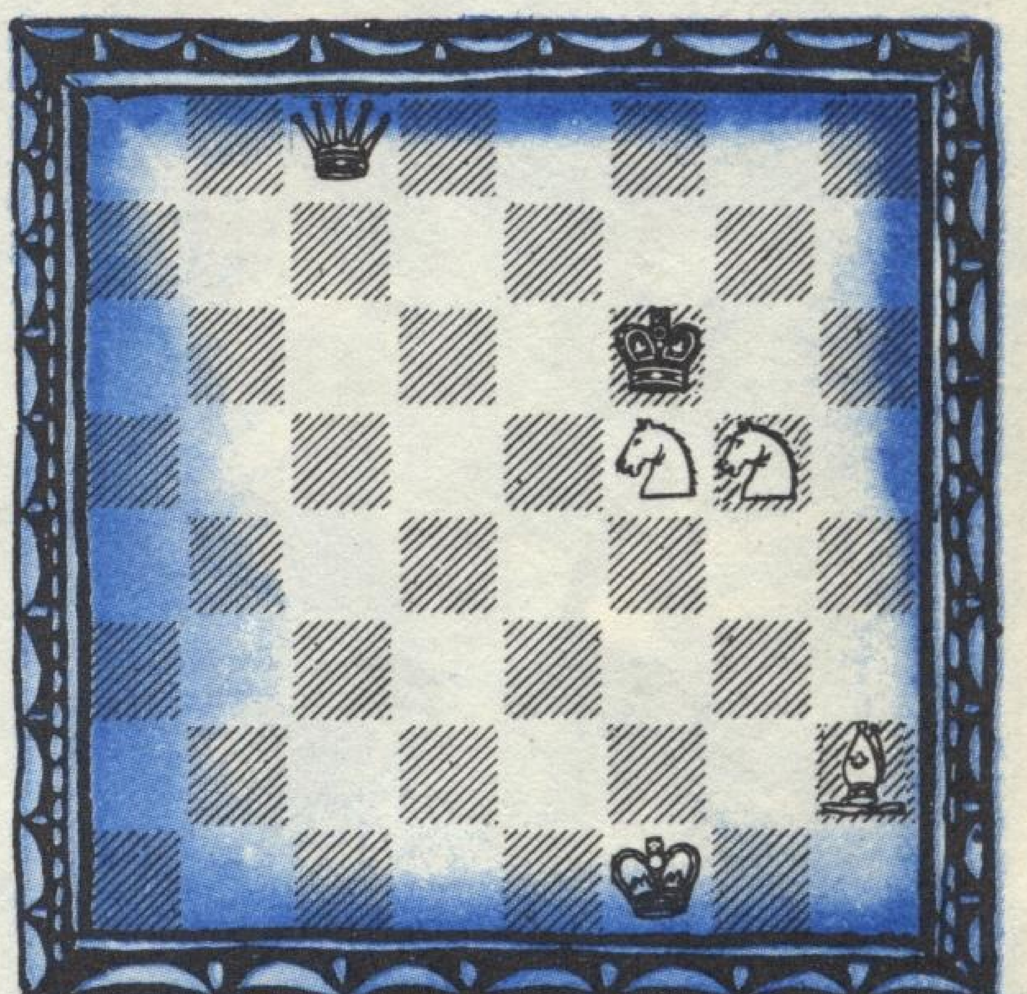
Эта старинная задача решается неожиданным, остроумным маневром. В ней много красивых вариантов.

(Диаграмма № 4)

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в три хода.



Диаграммы №№ 3, 4



Биография детства

Алексею Ивановичу Пантелееву — 70 лет

Можно ли написать биографию детства? Не биографию какого-нибудь одного человека, не рассказ о чьих-то отроческих годах, а повествование о детстве разных людей в разные времена?..

Оказывается, можно.

Возьмите собрание сочинений писателя Л. Пантелеева. В первом томе — повесть «Ленька Пантелеев». Прекрасная, полная сложных человеческих отношений, людских судеб и подробностей времени повесть о мальчике, который родился в самом начале века. На его детство падают годы первой мировой войны, революции, гражданской войны. Спасаясь от голода, Ленька долго скитается с матерью по деревням Ярославщины. Мать умирает, и он становится беспризорником...

Знаменитая «Республика Шкид» (эту книгу А. М. Горький назвал «праздником» — такую читательскую радость она ему доставила) — повесть о тех искалеченных войной и разрухой парнях, которые, попав в специальную школу, «перековываются» там, становятся настоящими людьми. Об этом же рассказы «Часы», «Портрет»...

«Хорошо, — скажете вы, — все это о том времени, которое совпадает с детством автора, но приходят новые поколения, начинается новое детство!..»

Верно! И писатель Л. Пантелеев — таков его талант, такова его преданность мальчишкам и девчонкам разных времен — с полным пониманием этого нового детства создает и его биографию.

В третьем томе собрания сочинений Л. Пантелеева — рассказы о детях тридцатых и сороковых годов.

...Поздним вечером в саду на Васильевском острове, возле сторожки, стоит мальчик. «Уже поздно, сад закрывается, пошли!» — говорит ему прохожий. Но мальчик не может уйти: днем здесь шла игра в войну, и мальчик дал товарищам честное слово, что не покинет свой пост... В рассказе «Честное слово» ничего не сказано о тревожных событиях времени, в которое случается эта история, но по тому, как ведут себя мальчик и прохожий, мы понимаем: это канун войны, враги готовятся напасть на Страну Советов. «Из этого мальчика, — говорит прохожий, — выйдет настоящий воин!»

Мое детство тоже падает на тридцатые и сороковые годы. Как-то, перечитывая такой, скажем, рассказ Л. Пантелеева, как «Новенькая», я поймал себя на мысли: «Да это же мое детство, да, так было!» И дело, конечно, не в том, что по случайному стечению обстоятельств действие этого рассказа происходит в районе моего детства — на Обводном канале, Боровой улице, Кузнечном переулке. Дело в том, что «не особенно прилежный и выдающийся» Володька Бессонов, и Лиза Кумачева, которой до всего есть дело, и переживающая тревогу за отца Валя Морозова так похожи на моих тогдашних одноклассников, как будто писатель, рассказавший о них, знал мой класс, учился вместе с нами!..

Мужественна и трагична биография детства мальчишек и девчонок Великой Отечественной. И вся она — в рассказах, воспоминаниях, дневниках Л. Пантелеева.

Вот надпись на могиле, которую Л. Пантелеев приводит в своих записных книжках 1941—1944 годов: «Под сим покоится тело пионера шк. им. Ленина Софичева Пети. Погиб от вражеской бомбы на защите родного города 14 сентября 1941 года. Род. 1928 г.».

В рассказах тех лет живут юные герои.

...Двенадцатилетний Мотя, сын погибшего перевозчика, заменяет на переправе отца. «А если и тебя этак же... как отца... осколком?» — спрашивает его спутник. «Тогда, значит, придется Маньке за весла садиться», — отвечает мальчик. А Манька — сестренка, совсем маленькая... Таков один из юных героев, Мотя, Матвей Капитонович, из рассказа «На ялике».

Четвертый том собрания сочинений Л. Пантелеева — книга «Наша Маша». Это уже биография детства тех, кто подрастает сейчас...

С человеком, создавшим такой огромный мир детства, мне посчастливилось познакомиться.

В конце пятидесятых годов молодой журналист, недавно окончивший университет, я стал работать в редакции журнала «Костер». Алексей Иванович Пантелеев (так зовут писателя в жизни; Л. Пантелеев — его псевдоним) был членом редколлегии журнала.

Ко времени нашего знакомства я уже знал, что человек он сосредоточенный, молчаливый. Действительно, таким я его и увидел на заседаниях редколлегии. Даже тогда, когда он спорил с кем-нибудь, он говорил тихо, спокойно, раздумчиво.

Такт, вежливость, доброжелательность — этими словами определяют поведение Алексея Ивановича многие пишущие о нем. Эти качества ценит Л. Пантелеев и в своих героях (как тактичен, например, дядя Костя из рассказа «Портрет»!).

Алексей Иванович, коренной ленинградец, человек, влюбленный в свой город, пишет в своем путевом дневнике «Январь 1944»: «Публика в вагоне очень приятная. Мягкая, вежливая, деликатная. Неужто и верно ленинградцы — это особая порода? Да, ухо и глаз самым буквальным образом отдыхают. А ведь публика эта не какая-нибудь там изысканная интеллигенция. Самый заурядный, средний советский служащий люд: техники, общественные работники, офицеры...» И еще «...о вежливости, предупредительности, прославленной культурности ленинградцев... Спросите на улице, как пройти туда-то, где остановка трамвая или в этом роде — сразу же отзываются все, кто поблизости. Отвечают любезно. Если не знают, — извиняются...»

Был в моей жизни такой случай. Неожиданно узнал: у моего товарища, соседа по квартире, день рождения. Дружили мы давно, и я вместе со своим другом переживал смерть его отца. В день рождения товарища мне так хотелось подарить ему что-нибудь очень дорогое мне самому.

В то время я только что прочел замечательную книгу Л. Пантелеева «Повести и рассказы». И я подарил ее товарищу...

Вот какой писатель Л. Пантелеев: книги его хочется дарить близким как самое дорогое!

Владимир ТОРОПЫГИН

Рисунки А. ПАХОМОВА к рассказу «Часы»

Борис КАМОВ

Сумка Гайдара

ПОВЕСТЬ-ПОИСК

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Воспоминания «про будущее»

Я отправился в Житомирскую область. Там жил Василий Михайлович Швайко. С ним я связывал последние надежды найти тайник.

Василий Михайлович встретил меня у порога своего дома, пожимая руку, поклонился, взял мои вещи и внес их в избу. Ему перевалило за сорок. Ходил он медленно, слегка сутулясь.

— В архиве Союза писателей хранится Володино письмо с фронта,— сказал я.— Он писал, что был дружен с Гайдаром. А вы?

— Мне повезло меньше. Я с Аркадием Петровичем виделся реже, чем Володя. Отец распределил между нами обязанности. Я отвечал за охрану дома и гостей, помогал по хозяйству маме. Военные посещали нас каждый день. Их надо было покормить, устроить на ночлег в сарайчике, приготовить им еды на дорогу.

А Володе отец доверил разведку. Брат ходил по деревням. В каждой он завел себе приятелей. И всегда узнавал, стоят ли там солдаты, много ли полицаев. В зависимости от «разведсводки» выбирался маршрут для тех военных, которых нужно было вывести поближе к фронту. Володю отец несколько раз посылал проводником.

Когда мы узнали, что возле Озерищ остановилась группа Орлова, отец поздно вечером собрал всю семью, пригласил даже маленькую Лелю и сказал:

— Очень заслуженные и авторитетные люди попали в беду. Наш долг помочь им остаться в живых.

На этом семейном совете отец назначил Володю связным между лагерем Орлова и нашим домом. И Володя виделся с Гайдаром почти каждый день. Если Аркадий Петрович был свободен, они подолгу разговаривали. Володя мне даже что-то пересказывал из их бесед. Но я был поглощен заботами о еде, дровах, доставке продуктов, так что слушал его вполуха. И ничего из тех разговоров не запомнил...

Правда, есть и у меня «особые заслуги»,— засмеялся Швайко,— я первым ввел Гайдара в наш дом. Мы ждали гостей. Через мой пост прошло уже человек двадцать. Я думал, больше никто не придет. Внезапно раздался хруст валежника, зашуршало в кустах, где не было никакой тропы, и я увидел в полутьме высокого мужчину. Широкие плечи. Круглое лицо. Пилотка. Короткая шинель. Короткие голенища сапог (такое впечатление, что все обмундирование ему мало). И в руке он держит револьвер.

На пост мы выходили безоружными. При виде незнакомца я от страха прямо съежился. А человек, не опуская револьвера, приближается ко мне.

— Немцев,— шепчет,— тут нет?

— Пока,— отвечаю,— не показывались.

— Я сбился с тропинки. Наши тут недавно прошли. Не заметил, в какую сторону?

Я довел его до избы. «Идите,— говорю,— по коридору прямо».

Я его, конечно, не узнал. На фотографиях он был в штатском. Да и темно в лесу. Это уже за ужином, в беседе о литературе, он нам открылся.

...Было у меня с ним и приключение. Поехали мы с Аркадием Петровичем за соломой. Спали они в шалашах. По ночам мерзли. А солому и подстелить можно. И щели заткнуть.

Погрузили мы на повозку маленький стожок. Катим назад. Тележка у меня двухколесная, на Полтавщине ее называют б и д а. Я управляю резвой нашей лошадкой, стоя на оглоблях. Аркадий Петрович устроился наверху. А день хороший. Выглянуло солнышко. Он, видать, пригрелся и уснул. Подъехали к крутой горке.

Я стал нахлестывать лошадь, чтоб резвей взяла подъем. Мы пулей влетели наверх. Это показалось мне подозрительным. Оборачиваюсь — нет моего пассажира. Я испугался. Остановил повозку. Возвращаюсь. Гляжу — бежит.

— Что ты, — кричит, — за возчик такой: седока потерял?

Я стою весь красный.

— С детства, — говорю, — при лошадях. Сроду никто у меня с воза не падал. Это в первый раз. Извините, пожалуйста.

Гайдар не торопясь залез на солому, устроился поудобней и, улыбаясь, заявляет:

— Поскольку в первый раз, то прощаю. Но когда начнутся занятия в школе, то приди в класс и честно признайся ребятам, что потерял в лесу писателя. А я приеду в гости и проверю.

Это в нем было удивительней всего, — продолжал Швайко. — Гитлеровцы рядом. Радио нет. Слухи по деревням ходят самые разные. А Гайдар зайдет к нам после какой-нибудь партизанской операции, снимет с себя два-три трофейных автомата, сложит в углу, повесит на гвоздик пояс с револьвером. И с одной только сумкой через плечо сядет на скамейку. Мама сразу придвинет ему хлеб, горячую картошку. Аркадий Петрович хрустнет соленым огурцом. Мало совсем поест, выпьет жадно кружку чаю. И начнет разговор про будущее. Однажды он обнял Володю с Лелей, прижал их крепко к себе и говорит:

— Как только получите мою телеграмму, покупайте сразу билеты — и всей семьей ко мне. Адрес у меня такой — Большой Казенный переулок, восемь. Неподалеку от Курского вокзала. И я вас встречу. Только не забудьте указать номер поезда. А если не сможете приехать ко мне, я приеду к вам. Привезу гостинцев. Отпразднуем нашу встречу. Потом сядем за этот же стол. И все вместе — Леля, Володя, Вася и я — примемся сочинять толстую-претолстую книгу.

А Леля была маленькая. Испугалась:

— Мы не умеем.

— Ничего, — успокоил ее Гайдар, — научу. Всякая работа над книгой начинается с припоминания. И мы начнем с того, что вы вспомните и расскажете, кто приходил к вам в дом. Куда бегали Вася и Володя и что с ними по дороге случалось.

— А папа велел, чтоб мы никому ничего не рассказывали, — снова заявила Леля. — А то людям, которые к нам приходят, будет плохо.

— Это, конечно, правильно, — согласился Гайдар. — Но когда я к вам снова приеду, фашистов на земле уже не будет. И папа разрешит.

Тогда я говорю ему:

— Аркадий Петрович, я бы желал иметь от вас подарок — вашу книгу с надписью. Раз вы приказали мне провести урок на тему «Как я потерял в лесу писателя», то нужен документ. Иначе ребята не поверят, скажут: так в жизни не бывает.

Гайдар улыбнулся:

— Когда мы отпразднуем Победу, ты, Вася, напиши мне. Если даже твое письмо меня не застанет, книги тебе вышлет мой секретарь.

...Пришлось остановить магнитофон.

— Секретаря у Гайдара никогда не было, — заметил я Василию Михайловичу.

Швайко пожал плечами.

— Он и в другой раз нам сказал: «В Москве меня ждет очень трудная работа. Раньше я каждую свою книгу сперва сочинял в уме, потом шел к машинистке, садился на стул, все ей рассказывал, и она с моих слов печатала. А теперь в сумке у меня набралось столько записей, что диктовать понадобится каждый день. И без личного секретаря я уже не обойдусь».

...И на войне откровенней всего Аркадий Петрович был с детьми. Пятнадцатилетней разведчице Маше Ильяшенко и детям лесника Гайдар поверил главные свои мысли о том, как и над чем он собирается работать после Победы...

Проблеск

Наступил вечер. О многом уже было переговорено, когда я спросил:

— Вы знали, что Гайдар оставил свою сумку Михаилу Ивановичу?

Швайко резко поднял голову:

— Кто вам сказал?

— Ваша мама.

— Я помню другое: полковник Орлов готовился переходить фронт. Разбирал в нашей комнате свои вещи: что оставить, что взять с собой. Мне он в тот вечер подарил ножик с двенадцатью лезвиями. А нашему отцу передал на хранение свой планшет. Планшет был большой, штурманский, с прозрачной крышкой. И в нем лежали секретные документы. Особенно мне запомнился толстый пакет с пятью сургучными печатями. Орлов специально показывал этот пакет отцу. Но что и Гайдар оставил свою сумку...

— Скорей всего это была связка бумаг или две-три столистовые тетради.

— Военная профессия приучила отца хранить секреты.

— Но о самом тайнике вы хоть что-нибудь знаете?..

— «Хоть что-нибудь» знаю. Мы с Володей помогали прятать документы.

— Какие?! Где?..

— Какие — понятия не имею. Отец не обмолвился ни словом. Бумаги лежали в трехлитровых банках из-под помидоров, завязанных тряпками с неприятным запахом, которые не пропускали воду. И мы с братом в присутствии отца эти банки закапывали.

— И вы покажете это место?..

— Показать не берусь. Мы даже не старались запомнить.

— Попытайтесь вспомнить...

— Рыли под дубом. Дерево старое. Ему лет четыреста. Не меньше. Мешали корни. Володя хотел их подрубить. Отец сказал: «Не надо. Дереву больно. И потом в корнях чужому будет

труднее найти». Но где стоит этот дуб... Одним могу вас утешить: тетрадок в банках не было. Банки мы прятали до прихода группы Орлова. А больше отец прятать клады нас не звал. И самого его с лопатой я больше не видел.

— А в доме вашем тайника быть не могло — в погребе, под печкой, под потолком?..

— В избе отец не держал ни листка: боялся подвести людей, которые ему доверились, и погубить нас. Мама, наверное, вам рассказывала, в каких условиях мы жили: за стеной — малосимпатичные и в то же время любопытные соседи. И со всех сторон дом окружали дороги, по любой мы ждали непрошеных гостей.

— Вы сказали, что не видели больше отца с лопатой. Может, он ее просто прятал?..

— Вы хотите сказать, что у него было два тайника?.. Один для документов, а второй — для лопаты?.. Но в таком случае и риск, что тайник найдут, увеличивался тоже вдвое. Отец на это пойти не мог.

Когда Орлов сказал при нас «Михаил Иванович, я хотел бы оставить вам свой планшет с секретными документами», был поздний вечер. Отец велел мне и Володе выйти поглядеть, нет ли кого в коридоре и возле дома. Мы с братом никого не встретили и возвратились. Отец взял планшет под мышку. Вышел из комнаты. И появился ровно через пять минут с пустыми руками. Орлову и нам было очевидно, что планшет лежит уже в надежном месте.

— Тайник был неподалеку от дома?

— Конечно. Отец спал не больше двух-трех часов в сутки. Ему пришлось позаботиться о том, чтобы ежедневное припрятывание документов отнимало бы как можно меньше времени.

— Что мог представлять собой тайник — дупло, лисью нору?

— Дупло, — усмехнулся Швайко, — кажется надежным местом только городскому человеку. Я же хочу обратить ваше внимание на другое: отец не стал вынимать бумаги Орлова. Он их унес вместе с планшетом.

— Михаил Иванович мог выбросить планшет в лесу.

— Он бы не стал этого делать возле самого дома. Кроме того, он рисковал в темноте обронить какой-нибудь листок. Думаю, что он спрятал бумаги вместе с планшетом. Значит, тайник у него был большой. Скорей всего с закрывающейся крышкой.

— Что же это все-таки могло быть?

— Дубовая кадушка для соления капусты, молочный бидон с защелкивающейся крышкой (в колхозах в таких возят молоко). Небольшой сейф, хорошо замаскированный. Не смейтесь. В нашем лесу в сорок первом году можно было найти и пушку, и грузовик, и самолет.

Сбитый наш двухместный бомбардировщик мы нашли однажды с Володей. Пилот погиб. Штурман был ранен. Мы помогли ему добраться до села, где жил фельдшер. Когда мы рассказали про этот случай Аркадию Петровичу, он все порывался пойти в ту деревню узнать, что стало с летчиком. Но тоже не успел.

— А знал ли о тайнике Володя?

— Вам бы пораньше приехать да спросить у него самого... Володя был при отце разведчиком. И в армии стал разведчиком — наловчился брать и доставлять «языков». Володя мог узнать про тайник нечаянно. Или, наоборот, нарочно: «Мол, раз от меня все скрывают, я должен пойти следом и все выяснить». До самой той минуты, как нам пришлось поздно ночью, схватив самое необходимое, бежать в Михайловку, Володе многое казалось игрой. И про одну его непонятную проделку я сейчас хочу вам рассказать.

Военные, которые у нас гостили, делали нам с братом подарки. И стали мы с ним обладателями трех пистолетов. Браунинг поновее забрал отец: в гражданскую он хорошо стрелял. И по штуке взяли мы с Володей. Пистолеты, конечно, мы опробовали — выпустили по обойме в лесу. И когда за отцом начали следить, он нас предупредил, чтобы мы свои браунинги поскорее спрятали.

Брат извлек из-под кровати проколотый футбольный мяч, надорвал камеру, опустил в нее пистолеты и патроны. Мы прихватили саперную лопатку и отправились в лес. Выкопали ямку. Володя достал из кармана комсомольский билет и велит: «Давай твой». Я протянул. Он стал засовывать обе книжечки в камеру. И тут из его билета выпала полоска бумаги в клетку. Это была, наверное, четвертушка тетрадного листка, сложенная вдвое.

Володя быстро поднял записочку и положил обратно в комсомольский. Мне стало любопытно, я спросил:

— Чего ты там написал?

Он смутился: «Ничего». Зашнуровал покрышку, и мы быстро закопали мяч.

А теперь я думаю: не было ли чего в той записочке про тайник? Ведь самой любимой Володиной книжкой был «Остров сокровищ».

— Вы поедете со мной в Лепляву? — спросил я.

— Для чего же я вам это рассказываю? — ответил Швайко.

Четверть века спустя

История с загадочной Володиной запиской дарила какой-то шанс. Но даже если бы записка была совсем о другом, я все же имел основание надеяться, что, попав на бывшую усадьбу лесника, мы отыщем и что-нибудь еще. Допустим, трехлитровую помидорную банку с документа-

ми. Она бы послужила зримым доказательством существования тайника, что позволило бы повести раскопки широким фронтом.

...В октябре 1966 года исполнялось 25 лет со дня гибели Аркадия Петровича. Боевые товарищи Гайдара, бывшие лейтенанты С. Ф. Абрамов и В. И. Скрыпник, известили меня, что намерены к двадцать шестому числу приехать в Лепляву. Я ответил им, что буду тоже. И пригласил Василия Михайловича присоединиться к нам.

Утро 26 октября выдалось неприветливое. Деревья осыпались и стояли голые. Моросил мелкий дождь. Райкомовский газик довез нас из Канева до Леплявского сельсовета. И дальше, как было условлено накануне, мы двинулись пешком.

По случайному совпадению нас тоже оказалось пятеро: Сергей Федотович Абрамов, Василий Иванович Скрыпник, Швайко, молоденький райкомовский шофер Юра и я.

Клочьями висел между деревьями туман с болот. Шуршали под ногами мокрые листья. И в полной тишине далеко разносились наши поспешные шаги.

Первым в своем развевающемся габардиновом пальто шел крупный, полный Абрамов. Следом за ним едва поспевал всегда сдержанный Скрыпник. И чуть поодаль — мы втроем.

Тропа вела нас на окраину Леплявы. Слева высилась насыпь. Справа рос кустарник. Впереди на железнодорожном полотне темнело пятно какого-то строения. Четверть века назад этим путем двигались пятеро партизан.

Кустарник внезапно кончился. Открылось свободное пространство. И раздался возбужденный голос Абрамова:

— Гляди, Василий Иванович, наша полянка.

Поляна имела метров пятнадцать в ширину и около семидесяти — в длину. Слева от нее, на краю насыпи, стояла дощатая будка путевого обходчика. А против будки, с правой стороны, полудорожка, полутропинка между деревьями вела к Прохоровке.

Не доходя тропы, Абрамов и Скрыпник резко повернули к соснам. Остановились возле небольшого углубления, образованного деревьями, и Сергей Федотович сказал:

— Здесь мы тогда сделали привал. Интересно, сколько оставалось до дороги на Прохоровку?

Я сосчитал пятьдесят шагов.

— Простить себе не могу, — тихо произнес Скрыпник, — зачем мы тогда отпустили Аркадия Петровича одного?

— Никуда мы, Василий Иванович, его не отпускали, — возразил Абрамов. — Он же сердился, если мы ходили за ним хвостом. Ты уже позабыл, как он нас однажды высмеял: «Я не денежный ящик, чтобы меня охранять». Поэтому, когда Аркадий Петрович поднялся вот здесь со своего мешка, чтобы зайти к обходчику Сорокопуду, мы с тобой через полминуты тоже вразвалочку поднялись, как будто бы поразмяться. Правда, мы не торопились. Но никому и в голову не могло прийти, что враги рядом и ждут нас возле тропинки.

Абрамов решительно зашагал к насыпи.

— Гайдар взбирался на полотно вот здесь, у дальнего края будки обходчика. Теперь тут лежат на козлах запасные рельсы. Тогда их не было. А мы с тобой не торопясь двигались следом. Мы еще играли с ним в жмурки. И когда он поднялся на рельсы, будка на секунду заслонила его от нас.

— У меня и сейчас в ушах его крик: «Ребята, немцы!» — сказал Скрыпник.

— А я отчетливей всего помню, как мы кинулись к нему.

— Обожди, Сережа, — остановил его Василий Иванович. — Мы кинулись не сразу. Гайдар крикнул — это было первое. По нему ударили из пулемета — это было второе. Мы бросили с тобой в них по гранате — это было третье.

— Гранаты в памяти запечатлелись. Лимонки. Их любил Аркадий Петрович. Даже в Прохоровский лагерь он принес целый ящик.

— Так вот, когда мы с тобой запустили по гранате, пулемет на несколько секунд замолчал. Мы воспользовались этим молчанием, бросились вперед и спрятались за будку. За ближний ее край, если идти от мешков.

— И ты, Василий, позвал: «Аркадий Петрович!.. Аркадий Петрович!»

На мужественном, широкогубом лице Скрыпника появилось сомнение:

— По-моему, я позвал его, когда мы проползли к дальнему краю будки, где теперь запасные рельсы.

— Не спорь. Я сейчас тебе докажу. — Абрамов поднялся по скату насыпи на железнодорожное полотно. — После взрывов наших гранат мы сюда с тобой прибежали?

— Сюда.

— Будка защитила нас от пулемета. Но она же заслонила от нас и Гайдара. Мы потеряли его из виду. Правильно?.. Но мы были убеждены, что он успел перепрыгнуть через рельсы. Как были убеждены и в том, что бросить нас и уйти он не мог. Значит, он находился поблизости. Вот ты его и позвал.

— И когда он не отозвался, — кивнул Скрыпник, — мы заподозрили, что он ранен, и проползли вперед.

— Конечно. Если б мы услышали голос Аркадия Петровича, если бы он был уже возле казармы, мы бы тоже прыгнули к нему. Но Гайдар не ответил. Мы подумали неладное. Проползли эти три метра. Позвали. Снова молчание. Ранен?.. Потерял сознание?.. Тогда мы решили унести его на себе. Высунулись из-за будки, где теперь запасные рельсы, — его не было. Мы обрадовались: все-таки, значит, перепрыгнул. А нас заметили, открыли пальбу. И мы уже с легким сердцем вскочили и — бежать.

Абрамов достал из кармана платок, вытер лоб и щеки. Гладкое лицо его без единой морщины было цвета мела, словно все произошло только что.

С мая 1942 года Абрамов был главным

— Сидел я как-то рядом с Гайдаром у костра,—
вспоминал Скрыпник,—
Гайдар вырезал складным ножом
суденышко из коры и протянул мне.

подрывником в партизанском соединении у С. А. Ковпака. Сергею Федоровичу выпало пустить под откос около двадцати эшелонов и подорвать десятки мостов. Но никогда он не был так близок к смерти, как 26 октября 1941 года.

Скрыпник стоял возле козел с запасными рельсами и глядел на реденькие кустики возле тропинки. Василий Иванович дошел до Берлина. Участвовал в штурме рейхстага. А сейчас вымерял глазом расстояние от будки до злополучной тропы.

Я спрыгнул с рельсов и сосчитал: тридцать шагов. В тридцати шагах от крупнокалиберного пулемета молодые лейтенанты, читатели Гайдара, намеревались вынести Аркадия Петровича на себе.

...Сраженный пулей, Гайдар упал под насыпь. Со шпал это место не просматривалось.

...Сняв шляпы, Скрыпник и Абрамов подошли к тяжелому камню, установленному на месте первой могилы Гайдара. Мы втроем удалились в сторонку.

Военная хитрость Гайдара

За обедом Скрыпник спросил у Швайко:

— Вася, а что за пистолеты прятал ваш брат?

— Один был браунинг второй номер, а другой не то французский, не то бельгийский. Похож на «ТТ».

— Я почему спрашиваю, — мягко произнес Скрыпник. — У Гайдара был маленький «вальтер». Если этот «вальтер» спрятан в футбольном мяче...

— Я знаю, о каком пистолете вы говорите, — заулыбался Швайко. — Нет, «вальтер» Гайдар нам не оставлял.

— «Вальтер» Аркадий Петрович подарил мне, — сказал Абрамов.

— Когда? — изумился Скрыпник.

— После боя у лесопилки. Мы сидели с ним на пеньках. Он вдруг и говорит:

— Сережа, запиши мой адрес. Если что случится, сообщишь в Москву... Даже не домой, а в Союз писателей. Верней дойдет.

Аркадий Петрович расстегнул карман. Вынул пистолет. Протянул мне:

— Он долго у меня хранился. На вот, я дарю его тебе.

Помедлив, Абрамов продолжал:

— После гибели Аркадия Петровича я остановился в одном доме. Хозяйка месила тесто. Я дал ей пистолет, и она запекла его в маленьком хлебце. Ночью в плоскодонке я переправлялся через Днепр. Мешок с буханочкой лежал у моих ног. До берега оставалось несколько метров. Лодчонка ткнулась в темноте в топляк, перевернулась. Я очутился в воде, а мешок пошел на дно.

— Но это ж случилось возле самого берега! — воскликнул Скрыпник.

— Не скажи. Глубина порядочная. Я ж нырял. А вода ледяная — ноябрь. И потом ничего ж не видно.

— Вернулся бы утром.

— Я так и хотел. Но когда меня впустили в чей-то дом, я уже был готов: воспаление легких. Две недели в беспамятстве.

— А я-то ждал, — разочарованно произнес Скрыпник, — что ты, Сережа, скажешь: «Не ищите, ребята, футбольный мячик. Вот вам пистолет Аркадия Петровича, который я сберег». Нелепо все. Сидел я как-то рядом с Гайдаром у костра. Гайдар молчал и вырезал складным ножом суденышко из коры. Это был остроносый фрегат. Киль и руль. Две мачты. И даже паруса из брусничных листьев. Я захотел посмотреть. Аркадий Петрович протянул мне кораблик, поднялся и ушел. Ему кораблик был не нужен. Я оставил его себе. И вот спроси меня сегодня — куда он подевался? А если б я сберег фрегат, ты, Сережа, пистолет, Афанасия Федоровна — одну какую-нибудь тетрадку, а семья Швайко — самый маленький блокнотик, у нас было бы целое богатство. А так ничего не осталось...

— Осталось, — возразил я. И, открыв чемодан, положил на стол кожаный, слегка потертый портсигар. — Об этой вещи речь впереди. А сейчас я хочу сказать два слова.

В том, что сегодня с нами нет Гайдара, что утрачены его личные вещи и пропали его тетради — во всем этом проявилась жестокость войны. Ее законы Гайдар понимал трезвей и отчетливей многих. Еще в 1935 году в письме ростовским пионерам он сказал: «Лучше, чтобы Алька остался жив, лучше, чтобы Чапаев остался жив... — но так на свете не бывает».

На передовой и в окружении Гайдар не прятался за спины других, но принял меры для избежания двух опасностей.

Чтобы не оказаться в случае ранения в плену, он обзавелся «вальтером», который носил в кармане гимнастерки (где оружие обычно не носят).

И позаботился о том, чтобы — в случае гибели — не пропасть без вести.

И если до двухсот тысяч детей и взрослых ежегодно приезжает теперь в Лепляву, в Канев, чтобы пройти партизанскими тропами Гайдара, и если мы сегодня собрались в этой хате, то это прежде всего свидетельствует о том, что усилия Аркадия Петровича не пропали даром.

В быту Аркадий Петрович был скромным и неприхотливым. Любил вареное мясо с мозговой косточкой и соленые огурцы. Сам относил в починку сапоги. Писал школьными двухкопеечными перьями, которые надо было макать в чернильницу. Свой нелегкий писательский труд никогда не называл творчеством. Всегда говорил — «моя работа», как будто занимался кузнечным или портняжным делом.

Но Гайдар понимал, что́ он сделал для развития советской литературы и подготовки мо-

лодежи к суровым испытаниям войны. И был уверен: если он не вернется из окружения — его начнут искать.

Мы можем только удивляться его прозорливости и дальновидности. В 1942 году нашим разведчикам, которые действовали здесь, в глубоком вражеском тылу, из Москвы, через верховное командование, был послан приказ собрать все возможные сведения о судьбе А. П. Гайдара.

В 1943 году был послан новый запрос.

В 1944 году для расследования обстоятельств гибели писателя «Комсомольская правда» направила сюда капитана Башкирова. А вскоре в Лепляву приехали жена, сын, сестра Аркадия Петровича, его друзья — писатели, работники детского издательства.

Но возникает вопрос: а как друзья и близкие узнали, что следы Гайдара нужно искать в Лепляве? Почему из бесчисленного множества деревень они безошибочно вышли к этой?

Ответ простой: сработала «система оповещения», придуманная Аркадием Петровичем.

...С кем бы в окружении Гайдар ни встретился, в какую бы избу ни зашел, он называл себя, говорил, что по роду своих занятий — писатель, а на фронт приехал корреспондентом. Такая откровенность была неблагоразумна с точки зрения личной безопасности. Но Гайдар пренебрег благоразумием, чтобы больше людей его запомнило.

Аркадия Петровича всегда отличала доброта. Он остался ей верен и на войне: дарил свои книги, карандаши, трофейные вещицы, отдал часы, компас, складной нож со множеством лезвий (купленный в Военторге вместе с первой кожаной сумкой). Я знаю два дома, где Гайдар, уходя, оставил деньги. Даже в пору всеобщего бедствия он нашел семьи, которые нуждались больше остальных...

Не удивительно, что через два с лишним десятилетия множество людей с великой охотой, некоторые со слезами на глазах рассказывали об удивительном «письменнике».

— Вы начали про «систему оповещения», — напомнил мне Скрыпник.

— О том, что он всюду называл себя, я уже сказал. Кроме того, всех своих новых знакомых он просил написать при случае о нем в Москву.

— В окружении с подобной просьбой обращались все, — напомнил Скрыпник.

— Знаю. Но даже в такое простое дело Гайдар внес два усовершенствования. Он давал адрес: Москва. Союз писателей. Это легко было запомнить. И все письма к Гайдару и о Гайдаре в годы войны поступили в адрес творческого союза.

И вторая «рационализация» заключалась в том, что почти каждому, кого Гайдар просил сообщить о нем в Москву, он дарил на память оружие.

Первый такой подарок он сделал Саше Ольховичу, своему шоферу, отдав ему наган, на деревянных «щечках» которого было вырезано «Гайдар». Браунинг второй номер Аркадий Петрович подарил раненому капитану Рябоконю — он вывел группу Орлова из Семеновского леса.

Вам, Сергей Федорович, Гайдар преподнес третий свой пистолет — из тех, что сегодня известны. И ваше письмо от 1 мая 1942 года в Москву явилось первым свидетельством того, что «система оповещения», придуманная Аркадием Петровичем, сработала.

Тут я раскрыл портсигар и вынул тугой полотняный сверток, который оказался пожелтевшим от времени платком. На уголке его было вышито: «На счастье» и поставлена дата: «1941».

Из платка выпали три предмета: обкуренный мундштук из янтаря, половинка немецкого четырехцветного карандаша и фанерная дощечка размером чуть больше спичечного коробка. На одной стороне дощечки было написано:

28.9.41
В лесу у дер.
Семеновка
под Киевом

— Это вещи Аркадия Петровича, — сказал я. — Их подарил мне Александр Дмитриевич Орлов.

— Так они у Аркадия Петровича и лежали? — спросила Афанасия Федоровна. — Завернутые в платок?

— Нет, вещи накопились у Орлова постепенно.

— Не пойму, для чего эта дощечка, — произнесла Афанасия Федоровна, крутя в руках фанерку.

— От бутылки с зажигательной смесью, — ответил Скрыпник. — Дощечка была облита серой, как спичечный коробок. Бутылочная головка тоже. Дощечкой чиркали по головке. Сера воспламенялась, бутылку бросали в танк.

— А что означают слова «В лесу у деревни Семеновка»? — спросил Швайко.

— Это был лес, где пряталось много народу, — сказал Абрамов. — Гитлеровцы лес оцепили. Подогнали даже танки. Из этой «мышеловки» с группой Орлова мы и прорвались сюда, под Лепляву. А надпись?.. — пожал он плечами.

— А посмотрите, как любопытно, — возразил я ему, — фанерка полированная, а буквы деформированы. Почему?

— Гайдар их сперва вырезал, — заметил Швайко, — затем обвел чернильным карандашом.

— А почему Аркадий Петрович не сделал надпись одним только ножом? — спросил я опять. — Или не набросал эти несколько слов только карандашом? Ему нужна была легко читаемая, долговечная надпись. Значит, строчки выведены не случайно.

— Может, надо поискать бутылку из-под зажигательной смеси, — улыбнулся Абрамов. — И в ней — продолжение?

— Я не прочь поискать бутылку, Сергей Федорович. Только текст зашифрован. И у этого шифра есть ключ.

Я взял томик Гайдара и прочитал вслух:

«Дорогая Дорочка! Пользуюсь случаем, отправляю письмо самолетом. Вчера вернулся и завтра выезжаю опять на передовую, и связь со мною будет прервана. **Положение у нас сложное. Посмотри на Киев, на карту, поймешь сама».**

Письмо было отправлено 17 или 18 сентября.

Что объяснил бы взгляд на карту?.. Что Киев окружен. А 19 сентября Совинформбюро сообщило: город оставлен.

Где Гайдар, ушел ли он из Киева, — этого уже никто не мог сказать.

Теперь давайте представим.

Дора Матвеевна рано утром обнаружила в своем почтовом ящике эту дощечку. Узнала бы она, кем начертаны эти несколько слов?.. Почерк изменился, но, несомненно, это рука Гайдара, и ключом к тексту становились слова из письма: «Посмотри на Киев, на карту».

О чем извещали строки на фанерке?..

Гайдар написал их через десять дней после падения города. Значит, в Киеве он не остался.

Та же карта подсказала бы: Семеновка находится в глубоком вражеском тылу. А лес?.. Значило ли, что лес партизанский?.. Нет. Гайдар умел хранить военную тайну. Будь лес партизанским, Аркадий Петрович не упомянул бы Семеновки. Следовательно, он был просто в окружении.

Большего Гайдар о себе 29 сентября и сам не знал...

— Обождите, — остановил меня Скрыпник. — Вы полагаете, что Аркадий Петрович каким-то образом собирался эту дощечку послать?..

— Не собирался, а послал. Аркадий Петрович отдал ее Орлову перед прорывом из Семеновского леса. Если бы во время боя они потеряли друг друга и полковник перешел бы фронт, он должен был тут же переправить дощечку в Москву. Помня историю с тремя пистолетами, я полагаю, что и дощечек Аркадий Петрович заготовил и раздал несколько.

— Отчего же Орлов не сделал, как его просили? — повернулась ко мне Афанасия Федоровна.

— Полковник перешел линию фронта в декабре. Сведения на дощечке устарели.

Семье писателя полковник сообщил, что находился с Гайдаром в окружении. А дощечку оставил себе на память. Но все же это самое короткое послание Гайдара достигло Москвы. Оно прочитано и расшифровано.

Раскопки

Проводив Скрыпника и Абрамова, мы со Швайко позвонили в райком партии.

С нашим приходом секретарь райкома прервал совещание, усадил нас. В этот мой приезд мы виделись впервые. И я сказал:

— Сердечное спасибо, Петр Филатович, за камень.

— Не стоит. Общее дело, — ответил он. И пояснил присутствующим: — В Лепляве, на месте первой могилы Гайдара, все годы стояла фанерная колонка. С помощью строителей Каневской ГЭС удалось водрузить монолит весом в две тонны. Что еще мы можем сделать? — обернулся он к нам.

Я коротко рассказал о подвиге лесника Швайко, сумке Гайдара и футбольном мяче Володи.

— Есть предложение, — сказал Петр Филатович. — Райком комсомола подымает на поиски сумки молодежь. А колхозы дают технику и берут на себя часть расходов. Что скажете, товарищи председатели?

— Дадим, — раздались голоса. — Человек погиб за нашу землю.

Я взглянул на Швайко. Он сидел, вобрав голову в плечи: к такому размаху поиска мы еще не были готовы.

— Сперва попробуем сами, — робко произнес Василий Михайлович.

— Смотрите, — слегка обиделся Петр Филатович. — Сейчас есть возможность.

— Если не справимся, придем опять, — пообещал я.

Рано утром под окошком квакнул клаксон — за нами приехал Юра. В Лепляве возле сельсовета поворотили налево. И вскоре нас затрясло и закачало на ухабах — начался партизанский лес. Для Швайко тут начинались родные места, и он попросил Юру ехать помедленней, всматриваясь в очертания кустарника и деревьев.

Швайко выпрыгнул из кабины и растворился в зарослях. «Жми прямо по дороге!» — услышали мы его голос. Машина неуверенно двинулась дальше. И мы увидели улыбающегося Василия Михайловича. Он стоял на краю песчаного крутого склона.

— Подгребай ко мне! — крикнул он Юре.

— Опрокину машину, — меланхолично заметил наш водитель.

— Да я тут двести раз подымался с возами, — успокоил Юру Василий Михайлович. — Писателя только однажды потерял. Так у меня же не было кабины.

Я впервые видел Швайко в веселом, даже озорном настроении.

Юра включил передний дифер. Направил «газик» на откос. Машина завыла, поползла вверх и выбралась на давно заброшенную дорогу.

Впереди темнел несуразно длинный дом.

— Здесь мы жили, — негромко произнес Василий Михайлович, вводя нас в барак. — А это наша комната, — сказал он.

Мы вошли. Окна с запыленными, но не разбитыми стеклами. Длинный стол на крестообразных ножках. Русская печь. Со стен свисают лохмотья обоев. В углу — самодельный посудный шкаф.

В этой разоренной комнате некогда были накормлены и отогреты сотни командиров, бойцов, ответственных работников, которые по разным причинам оказались в фашистском тылу.

Отсюда лесник Швайко выводил группы окруженцев на проверенные, безопасные тропы.

В этой комнате были накормлены и отогреты сотни бойцов и командиров, в их числе и Аркадий Гайдар.

Я приблизился к столу. Здесь много раз ужинал Гайдар. Скорей всего он сидел на лавке у стены. На этот же стол он положил в последнее свое посещение тетрадки. И лесник унес рукописи через ту же дверь, в которую мы только что вошли. Но куда?..

Если Василий Михайлович прав и тайник лесника неподалеку от дома, то от бумаг Гайдара меня сейчас отделяли метры. Сколько: тридцать, сорок, семьдесят?.. После стольких мытарств я, наконец-то, находился у цели, которая... пока что была от меня далека.

Подстелив газету, Василий Михайлович сидел на лавке, а Юра уверенно, почти профессионально обследовал комнату: выдвигал ящики шкафа, обстукивал стены и половицы, залезал под печь. Он извлек немало хозяйственных предметов. К бумагам Гайдара они отношения не имели.

На стене висела на одном гвозде легкая тростниковая этажерка. Она была пуста и только на верхней полке застряла растрепанная книга без обложки. Это оказался учебник ботаники. Я пролистнул его. Из страниц выпали два засохших садовых эдельвейса и лоскуток бумаги.

Говорят, во сне за секунду можно прожить целую жизнь. За ту секунду, которая мне понадобилась, чтобы поднять с пола листок, я вспомнил рассказ Эдгара По «Украденное письмо». Был похищен исключительной важности документ.

Его искали во всех недоступных местах. А документ лежал в охотничьей сумке, которая висела на стене, у всех на виду.

И еще я думал: «Связана ли записка с той, что вложена в комсомольский билет Володи?.. Что если это две половинки одного текста?.. Но кому и для чего эти половинки Володя мог оставить?..»

...«Для Володи война долгое время оставалась игрой», — вспомнил я слова Василия Михайловича.

В записке было: «Вовка, дай списать!»

Я вложил листок в книгу и оставил ее на столе.

«Пошли?» — спросил Василий Михайлович.

Швайко повел нас в лес, тут же позабыл о нашем присутствии — и стал разглядывать деревья.

Внезапно Швайко сделал несколько решительных шагов и остановился перед раздвоенной сосной.

— Первый привет от Володи, — хрипло произнес он.

— Под ней и рыть? — спросил Юра.

— Малость обожди. Теперь уж немного осталось, — ответил Швайко.

Взял из Юриных рук лопату. Провел по земле от корня сосны идеально ровную черту. Построил к ней перпендикуляр. Разделил верхний левый угол пополам и, смешно ставя ноги по одной линии, стал отмерять шаги.

Я отчетливо представил, как все это проделывал Володя. И сейчас Василий Михайлович, чтобы не допустить какой-нибудь ошибки, старательно повторял его движения.

Швайко остановился возле строенной березы. Приметнее дерева не придумаешь. Василий Михайлович обнял один из стволов. Похлопал его, как друга после разлуки. И сказал, ни к кому не обращаясь: «Чайку бы сейчас».

Чайку не было. Юра протянул белую пластмассовую канистру.

— Начнем? — спросил Юра, хватая с земли лопату.

Швайко кивнул.

— Юра, у твоей лопаты сломан черенок, — сказал я ему и отвел его в сторону: — Дай Василию Михайловичу самому найти футбольный мяч. Мы придем на помощь, если он устанет.

Швайко вонзил лопату в землю и отбросил первый плотный ком. Вскоре под стволом зажелтела немалых размеров яма, но в том, что отбрасывал своим заступом Василий Михайлович, были только чистый песок и белые, обрубленные корешки.

— Позвольте я копну с другой стороны, — не выдержал Юра.

Швайко кивнул. Юра заработал с такой быстротой, что через пять-шесть минут под деревом лязгнул металл.

— Пистолеты? — спросил я.

— Встреча на Рейне, — ответил Юра. — Стукнулись лопатами.

Я сменил Швайко. Юра от отдыха отказался. И часа через полтора под березой зияла большая воронка. Шатром над ней возвышались корни.

Мы уже не сомневались: корни, способные разрушить бетон, скорей всего разорвали камеру и покрышку. Надежд, что мы извлечем в относительной сохранности спрятанное, почти не оставалось. Мы только могли откопать, если повезет, остовы пистолетов.

— Давайте рубить корни, — предложил Юра.

— Загубим дерево, — ответил Швайко.

— Мы только те, что мешают. И потом, лес все равно будут сносить: он попадает в зону затопления.

Топор был один. Мы рубили по очереди. Но не трогали мощных боковых корней. Яма под березой сделалась еще больше. Юра спрыгнул в нее. Он нагребал песок в ведерко, подавал нам, мы высыпали и возвращали обратно.

Василий Михайлович работал, не поднимая глаз. Он стеснялся, что мы ничего не нашли. Наконец сказал:

— Где-то я дал промашку.

Ужинали мы с Василием Михайловичем в номере гостиницы. Нужно было понять, что произошло.

— Вы уверены, — спросил я, — что береза та самая, под которой прятал свой клад Володя?.. Давайте на всякий случай поищем под другой трехстволкой.

Ночью лил дождь. Под утро к нам постучали. Вошел Юра и поставил возле наших постелей по паре новых резиновых сапог.

Трехствольных берез оказалось много. Мы отобрали шесть, которые больше других подходили по своим приметам. Каждый облюбовал себе дерево, и мы разошлись. Однако раскопки в одиночку подвигались медленно. Швайко сказал: «Давайте сперва закончим в одном месте».

До обеда мы обследовали все у подножия Юриной березы и наполовину под моей. Согрели чай, поели и принялись снова. Под четвертой березой мы работали, разведя костры. Но и здесь ничего не обнаружили. Юра отвез нас в гостиницу.

— На что вам дались эти пистолеты? — спросил меня в номере Василий Михайлович. — Я понимаю, они б отыскались сразу.

— Попытаем счастья еще завтра, — ответил я.

Всю ночь я дрожал под летним тонким одеялом. Уснуть было трудно. И я думал:

«Конечно, в каждом из нас живет вера в счастливый случай: еще один удар заступом, еще одно ведро песку из ямы, еще один взгляд под куст барбариса — и земля сжалится, отдаст тебе то, за чем ты пришел».

Веру в непременную и быструю удачу в нас воспитали фильмы и книги.

...К утру ударил мороз. Увядшая трава и опавшие листья побелели от инея. Лужи затянуло стеклом, а деревья стали, словно лакированные. Как и четверть века назад, холода наступили непривычно рано.

В последний день, намеченный для поиска пистолетов, мы работали как одержимые. Когда стемнело, опять развели костры. Выгребли новые тонны песку. Снова ничего не нашли. И кинули в изнеможении лопаты лишь в десять вечера.

За четырнадцать часов, проведенных в лесу, мы сделали только один перерыв, чтобы напиться чаю. И лишь теперь смогли оглянуться на ту картину, которая разворачивалась вокруг.

Стволы, ветви и даже листья деревьев покрыл лед. Было такое впечатление, что каждый дуб и каждую березу одели в толстое стекло.

Деревья увеличились в размере. Ветви, нависая со всех сторон, походили на застывшие, хищные щупальца, свет костров отражался в ледяной чешуе. В глаза, куда ни повернись, ударяли синие, желтые, зеленые блики. Казалось, лес ожил и деревья перемигиваются между собой. Зрелище было фантастически красивым. Но нам от него сделалось не по себе.

Мы торопливо собрали инструмент, погрузились в машину, но и по дороге в Канев деревья тянули к нам свои остекленевшие ветви, царапались в окна, сердито ударяли по крыше.

Высадив нас возле гостиницы, Юра спросил:

— Что делаем завтра?

— Идем в райком партии просить помощи, — ответил я ему. — Будем искать тайник Михаила Ивановича.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОД ОХРАНОЙ КРАСНОЙ КНИГИ

ВЛАДЫКА ДЖУНГЛЕЙ

Н. НАДЕЖДИНА

Художница-природа великолепно раскрасила тигра: провела бархатно-черные полосы по охристо-желтой с красноватым оттенком спине, нанизала на хвост десять черных колец, поставила на черном снаружи ухе большое бе-

лое пятно — сигнал идущей впереди матери тигрятам: «Следуйте за мной!».

Природа наградила тигра непревзойденной кошачьей грацией. Принадлежность тигра к семейству кошачьих сказывается во всем: как он умывается шершавым языком, как, готовясь к прыжку, припав брюхом к земле, сучит задними лапами, как точит о дерево свои перламутровые когти.

Только длина коготка большого пальца этой полосатой кошки — десять сантиметров, обхват передней ноги — около шестидесяти сантиметров.

Прыгает кошка, весом более трехсот килограммов, на два метра в высоту, на шесть в длину. По земле ее мощные лапы ступают совершенно бесшумно. В старину, когда в Таджикистане еще водились тигры, охотники говорили: «Фазан пробежит, хвостом по камышу прошуршит — слышно. Змея проползет, травой шелестит — слышно. Тигр пройдет — не услышишь. Волк охотится — всех кабанов разгонит, тигр охотится — все кабаны пасутся, как паслись, никто не заметил, что из табуна пропала свинья...»

Зверь, которого можно назвать «полосатой молнией». Мгновенно появляется и исчезает, и убивает мгновенно. Ухватив оленя зубами, тигр способен с такой тяжелой ношей взбираться по крутым склонам оврагов, переплывать реки. Так он силен, так могуч.

Среди зверей ни в джунглях, ни в тайге нет у него врагов, потому что нет ему равных. Может, в этом секрет его граничащей с дерзостью смелости.

Никто из зверей не отважится идти по человечьему следу — только один тигр.

Он боится только огня. Потому-то в глухих азиатских деревнях по ночам жгли костры. При свете этих костров, видимо, и складывались первые сказки и легенды о том, чье настоящее имя произносить опасно, лучше называть его «господином», «хозяином», «властелином леса», «князем гор», «владыкой джунглей», «амбой», «начальником зверей».

Многие племена и народы Азии обожествляли тигра. Охотники оставляли ему в лесу часть своей добычи.

Удэгейцы, эвенки, орочи, нанайцы считали, что тигр в родстве с человеком, тот, кто прольет его кровь, будет обязательно наказан: нельзя убивать своего.

А другие убивали. Убивали из корысти. Ценилась не только тигровая шкура, сулившая успокоение тому, кто будет отдыхать на ней. Из печени, сердца, костей и крови изготовляли лекарства, лечили ревматизм, параличи, ушибы. Амулет из кусочка кости придавал храбрость, коготь отгонял злых духов.

Убивали тигров и по другим причинам: охраняя людей и домашний скот, для испытания мужества, из тщеславия. Английский генерал Джерард гордился тем, что застрелил двести шестнадцать тигров. Но его рекорд побил магараджа Сургуя, уничтоживший со своими егерями тысячу двести «властелинов лесов». Убивали в Средней Азии, в Турции, в Непале, на Яве — всюду. Посылали на облавы воинские части, травили ядом, вырубая леса, выжигая и распахивая тростниковые займища, — отнимали у зверя его охотничьи угодья.

Сейчас на земном шаре осталось всего пятнадцать тысяч тигров. Из них сто двадцать самых крупных, уссурийских, у нас в СССР. В Средней Азии, Казахстане, Забайкалье, Закавказье, где раньше водились тигры, их больше нет.

Что ж, может, так и надо? Истребителю домашнего скота, а порой и людоеду, нет места на земле. Но если бы устроили суд над тигром, то зоологи, охотники, те, кто хорошо знает его повадки, наверняка выступили бы свидетелями защиты.

Они привели бы в пример чампаватскую тигрицу из Непала, ставшую людоедкой после пулевого ранения в пасть. Лишившись правых клыков, своего самого грозного оружия, она уже не могла охотиться на диких копытных. Людоедом становится зверь-калека, в чьем калечестве чаще всего виновен человек. Нормальный тигр нападает лишь защищаясь, когда его преследуют, ранят, травят собаками. В нашем веке на Дальнем Востоке не было случая нападения тигра на человека.

Тигр не тронет домашний скот, если в лесу хватает добычи. А нужно ему не так уж много: тридцать крупных животных в год. Поголовье кабанов при нем не убывает.

Сейчас тигр занесен в международную Красную книгу: нельзя допустить, чтобы исчез такой великолепный зверь.

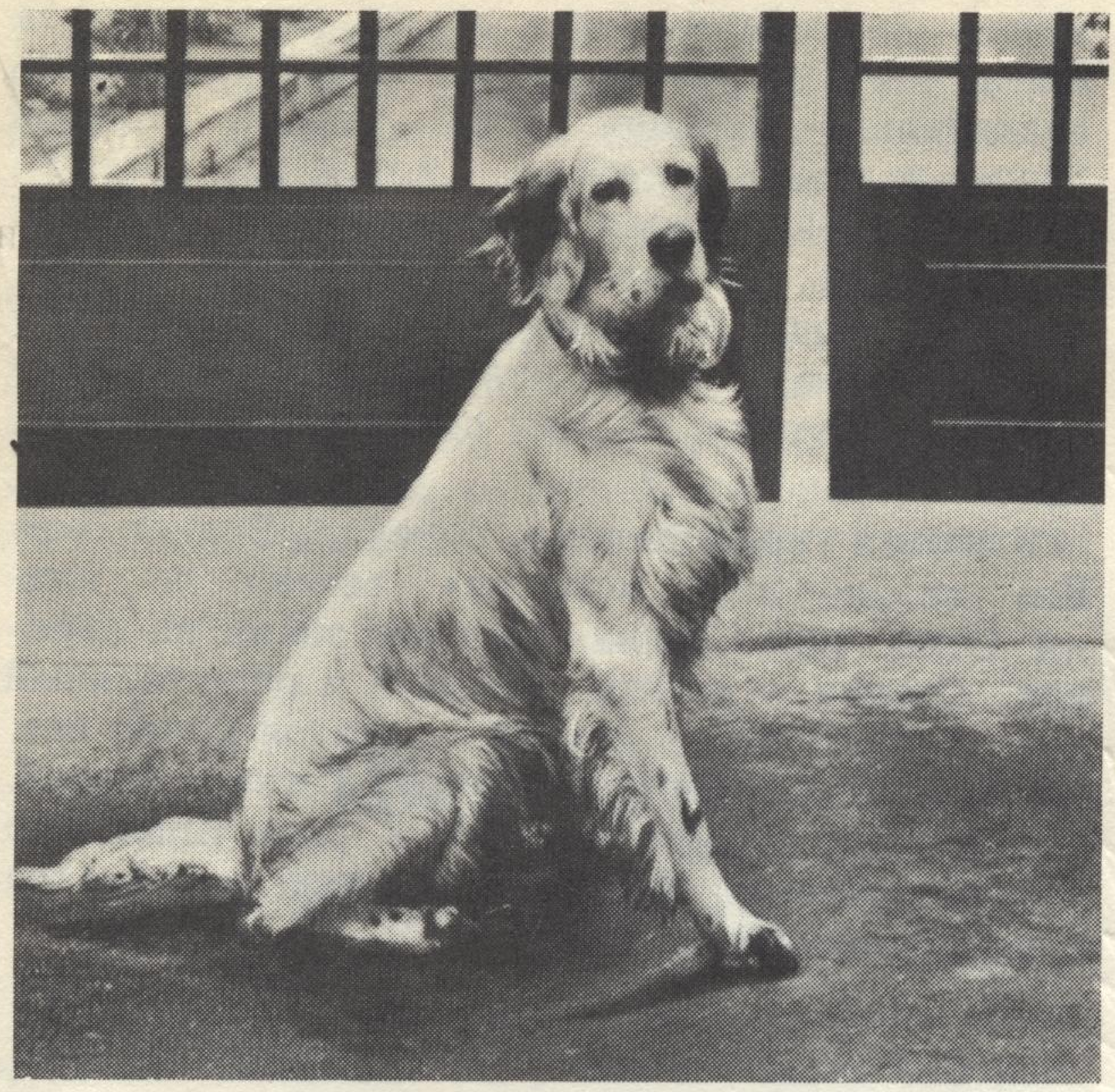
В Индии, Китае, Индонезии, Корее, Бирме его охраняет закон.

В СССР запрещена охота на тигров. Он главная ценность дальневосточных заповедников. Лишь зимой разрешается отлов для зоопарков одного выводка тигрят. Советские ученые взяли на себя трудную задачу: изучить жизнь скрытного зверя, чтобы создать ему необходимые условия.

Что же нужно тигру? Охотничий простор. Недаром его прозвали «жол-барс», то есть дорожный, путешествующий барс. За день он в поисках добычи проходит двадцать — пятьдесят километров.

И чтобы лес был для тигра добычливым, надо беречь дуб и кедр — эти деревья кормят оленей и кабанов.

Кто тигру враг? Снег. Острая ледяная кромка продавленного лапами наста режет их в кровь, а на таких лапах тигру приходится идти часами. В многоснежную зиму копытные гибнут от бескормицы, голодно и полосатому. А тигрице надо еще прокормить семью. Ведь только на четвертый год тигрята становятся самостоятельными. До этого они послушны белому пятну на ухе матери, беззвучному сигналу: «Следуйте за мной!».



Я УВИДЕЛ ТЕБЯ В КИНО...

И. НИКИТИНА

«Буду реветь во второй раз»

Лично мне довелось посмотреть этот фильм дважды. Случилось так, что в один из субботних дней ко мне зашла соседка Наташа и позвала в кино. Наташа учится в седьмом классе, но дружим мы с тех пор, когда она еще в школу не ходила.

— Я взяла билеты на «Белого Бима»,— сказала Наташа с порога.— У нас в классе все уже посмотрели, а я не решалась. Книжку прочитала, ну и знала, что буду реветь.

Честно говоря, я тоже знала, что буду реветь и во второй раз. Но все же не смогла устоять перед искушением снова увидеть глаза Бима, встретиться с Иваном Ивановичем, Толиком, Дашей, еще раз пережить, перечувствовать все с такой остротой, будто все это произошло со мною.

Те, кто читал книгу Гавриила Николаевича Троепольского, помнят историю щенка, уродившегося не в свою масть. Белый сеттер—признак вырождения. И если бы щенок не вылез из сумки, куда его упрятали, чтобы отнести и умертвить, история белой собаки с черным ухом на этом бы кончилась. Но ему повезло: он встретил друга, своего будущего хозяина. Иван Иванович и Бим делили радость побед и горечь поражений, вместе готовились к собачьей выставке, вместе бродили по лесу, и оба были счастливы. Но вот Иван Иванович заболел. Осколок, с войны засевший в его сердце, стал угрожать жизни. Хозяина отправляют в городскую больницу, а затем в Москву. Бим остается один, и начинается его собачье «хождение по мукам». Правда, за ним согласилась приглядеть соседка, а ее внучка Люся взяла Бима под свою опеку. Но они не смогли уберечь собаку от встречи со злыми, жестокими или просто бездушными людьми. И Бим погиб.

Книга и фильм

Читая книгу, вы с помощью автора создаете в своем воображении образы действующих лиц. Герои живут в нашем воображении, мы словно видим их, можем точно сказать, какие у них глаза, волосы, походка. Мы сживаемся с ними, мы уверены, что они были такими и только такими.

И вдруг—фильм. Фильм, созданный по книге. Герои оживают на экране и оказываются такими, какими их увидел режиссер. Он как бы навязывает нам свое видение. Сначала это мешает, потом мы смиряемся, и, наконец, герои, живущие в нашем воображении, и герои на экране сливаются воедино, мы их безоговорочно принимаем, верим им. В таком случае мы говорим: талантливый фильм, талантливые актеры, талантливый режиссер.

Фильм «Белый Бим Черное Ухо» идет на экранах давно и вряд ли скоро сойдет с них. Он создан на киностудии имени М. Горького режиссером Станиславом Ростоцким, оператором Вячеславом Шумским и большим творческим коллективом. Трудно сказать, какие роли здесь главные. Действующих лиц, пожалуй, можно разделить на врагов и друзей Бима. Друзья: Иван Иванович (актер В. Тихонов), Даша (актриса И. Шевчук), ребята, машинисты электровоза, стрелочница, шофер «Скорой по-

мощи», врач-ветеринар и все те, кто защищал Бима, пытался ему помочь. Врагов оказалось значительно меньше. Тетка, Серый, пьяница Клим, водитель автобуса — вот и все. Остальных, хоть они принесли немало горя, врагами не назовешь. Это просто равнодушные и себялюбивые люди. Зла в кинофильме меньше, чем добра, почему же оно оказалось сильнее? Может быть, потому, что ему помогло еще и равнодушие?

Главный герой фильма, конечно, Белый Бим. Его великолепно «сыграл» сеттер по имени Стив, или Степка — так его звали на съемках. Степка — умный, веселый и общительный пес. У него много друзей, а врагов почти нет. Во всяком случае, таких, как Тетка и Серый. Степка так хорошо вжился в роль Бима, что многие зрители выходили из зала кинотеатра с заплаканными глазами.

«Больше никогда не пойду в кино!»

В тот день, когда мы с Наташей пошли в кино, народу в зале было полно, особенно много ребят. Рядом с нами сидели мальчики лет тринадцати-четырнадцати. Они внимательно следили за всеми событиями на экране, но еще не кончился фильм, еще звучали музыка и слова о жизни, о красоте, еще носился по отчаянно зеленой лужайке молодой черноухий Бим, а ребята уже проталкивались к выходу. Когда зажегся свет, их уж и след простыл.

А в опустевшем зале, закрыв лицо руками, плакала маленькая девочка. «Он умер! Умер!» — повторяла она, всхлипывая. Ее успокаивала мама.

На улице возле кинотеатра я снова увидела знакомых мальчиков. Они ели мороженое (вот оказывается, куда так торопились!) и весело о чем-то беседовали. Лица их были беззаботны, они явно забыли и о Биме, и о его хозяине, и обо всем, что каких-нибудь пять минут назад происходило на экране.

Наташа шла рядом, молчала, отворачивая от меня заплаканное лицо. Вдруг она остановилась и выпалила:

— Больше никогда не пойду в кино!

— Что ж так? Не понравился фильм?

— Понравился! — с вызовом сказала Наташа. — Только все равно больше не пойду!

Дальше мы шли молча по осенним, холодеющим улицам мимо прохожих, машин, домов. И вдруг среди мелькавших ног я увидела собачью морду. Глаза ее беспокойно бегали, нос тревожно обнюхивал все вокруг. Наташа подалась вперед и тоже следила за псом: «Может быть, это Бим? Такой же, как Бим, пес, попавший в беду?»

— Рядом, Лада, рядом! — Собака подняла

морду, и мы вместе с ней подняли глаза на того, кто произнес эти слова. На этот раз все в порядке. Лада, виновато виляя хвостом, шла со своим хозяином. Мы с Наташей переглянулись, смущенно улыбаясь друг другу. И тут до меня дошло: Наташка решила никогда не ходить в кино, потому что просто испугалась своих чувств! Она пыталась спрятать свои переживания, во что бы то ни стало не показывать, что искусство овладело ее душой, потрясло, что чужая боль заставила по-настоящему страдать.

«Все это выдумки...»

Почему же Наташа пыталась скрыть свои чувства? Оказывается, у нее в классе был разговор о фильме, и над одной девочкой, Наташиной подругой, которая искренне поделилась своими чувствами, посмеялись.

— Да брось ты, — сказал одноклассник, — это же в кино. Нашла из-за чего слезы лить! Жива твоя собачка и здорова. Все это выдумки, фантазия автора.

Возможно, писатель Г. Н. Троепольский придумал и Бима и остальных героев книги. Но разве это важно? Да, мы знаем, что в кинофильме играют актеры, что белый сеттер Степка, игравший Бима, жив и здоров. Не об этом мы думаем, сидя в кинотеатре. Мы плачем, смеемся, сострадаем, переживаем вместе с актерами. А если этого не случается, то либо фильм не удался, либо... мы оказались плохими зрителями. Бывает так, что одним искусство обновляет душу, очищает мысли и чувства, а у других остается только воспоминание о съеденном мороженом.

«Потрясать человека...»

Если искусство будит в нас прекраснейшие качества души — сострадание, желание помочь, жалость и любовь ко всему живому, — надо ли их скрывать, бояться их проявления?

«Потрясать человека — это и есть одна из задач искусства, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» режиссер Станислав Ростоцкий. — Фильм наш о любви к ближнему, к соседу и всему живому, ранимому. Невидимые осколки, которые появляются в наших сердцах, куда сложнее извлечь, чем порой хирургу — подлинный осколок, застрявший в сердце. Искусство, на мой взгляд, и есть тот единственный лекарь, который способен исцелять душевные раны».

«Фильм заставляет глубоко задуматься о нас, людях»

Давно прошла премьера фильма «Белый Бим Черное Ухо», но до сих пор не стихают разговоры о нем. И наша редакционная почта постоянно пополняется взволнованными письмами: «Правда ли с этой живой собакой это все происходило?» — спрашивает Таня Воронцова.

Славка Модзолевская под впечатлением фильма написала повесть о собаке, а эпиграфом к ней поставила такие стихи собственного сочинения:

«Ждешь его одного,
Тяжела с ним разлука,
Я увидел тебя в кино,
Белый Бим Черное Ухо».

Но письма о Биме стали приходить в редакцию нашего журнала задолго до его появления на экранах кинотеатров: это были отклики на книгу Г. Н. Троепольского.

«В этой книге все, как я думала о собаке, о весне, — пишет наша постоянная читательница Оля Миронова. — Очень сильная книга... Если бы каждый человек прочитал ее, мне кажется, было бы гораздо меньше плохих, жестоких людей».

«Прочитайте эту книгу, и если в вашем сердце еще есть что-то нехорошее, холодное, оно обязательно растает». (Из письма Оксаны Борисович.)

В одной из московских школ после коллективного просмотра фильма восьмые классы писали сочинение. Многие писали не только о фильме, но и о повести.

«В повести Троепольского противопоставляется добро и зло, гуманизм и мещанство, доброта и жестокость, — пишет Юра Суслов. — Борьба между добротой и жестокостью развернулась вокруг собаки. И по тому, как человек относится к собаке, можно увидеть, какой это человек».

«И фильм и книга, — пишет Сережа Комаров, — как бы говорят нам: внимательно приглядитесь к себе, всегда ли вы заботливы, доброжелательны к своим родным, друзьям. Не будьте равнодушными, злыми людьми».

Витя Войтенко основную идею определяет так:

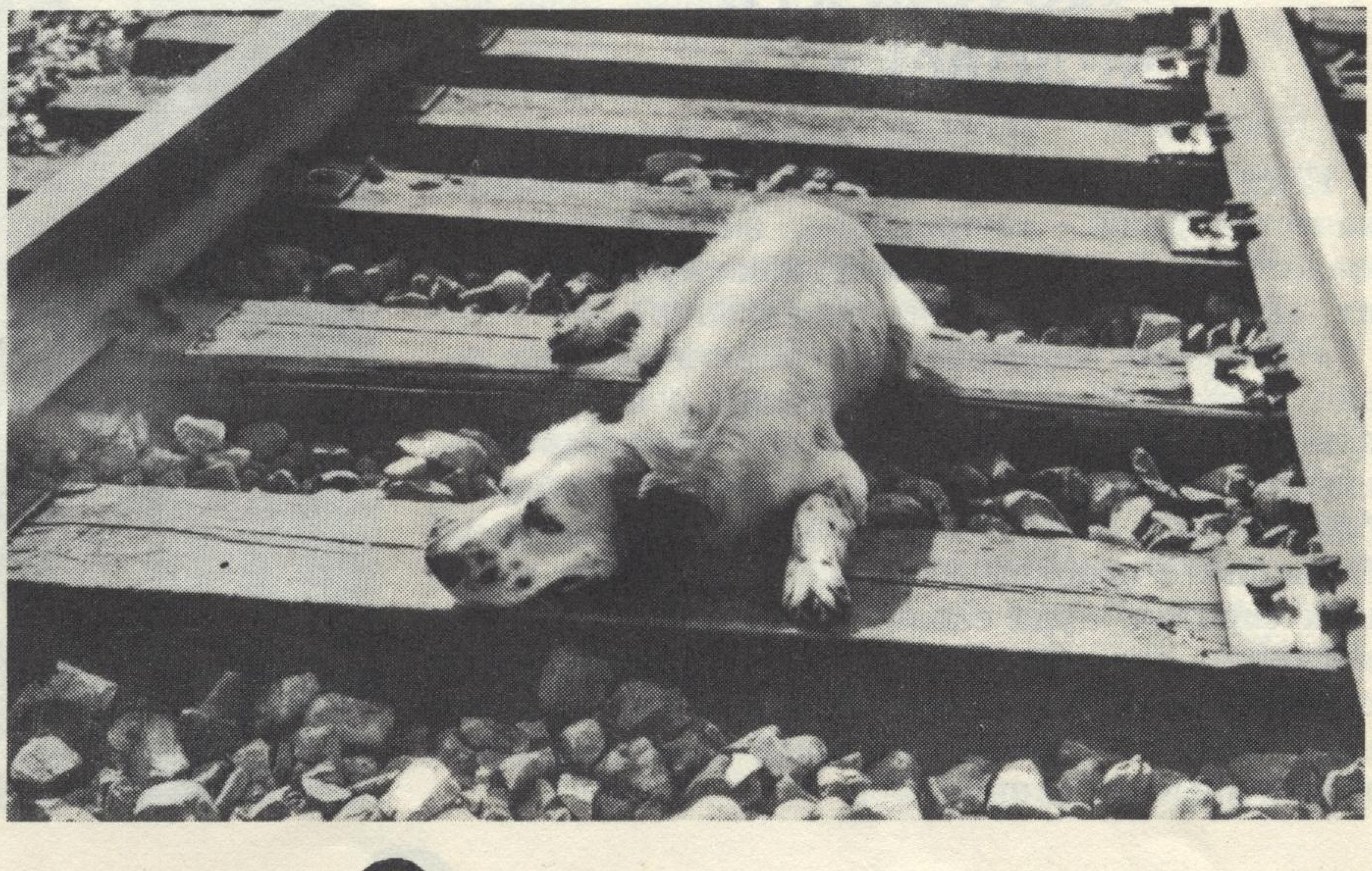
«Этот фильм о верности. И если хозяин Бима, Иван Иванович, верен своему меньшому брату, то и меньшой брат остается верен своему хозяину до последнего часа. Этой взаимной верности можно только позавидовать».

И, наконец, отрывок из сочинения Юры Монахова:

«Этот фильм заставляет глубоко задуматься о нас, людях. Как мы порой жестоки к себе, к окружающим нас людям».

Мне кажется, что в словах Юры и есть оценка самого главного события фильма. Случилось то, что заставило нас оглянуться вокруг, присмотреться к себе. И если вас взволновала до слез история Бима в кино, я уверена, вы не пройдете мимо зла, жестокости и несправедливости в жизни. А следовательно, надежды создателей фильма сбудутся, потому что создавался он, как писал Станислав Ростоцкий, во имя того и в надежде на то, «чтобы другим Бимам было лучше и уютнее на этой земле, что эта простая история о собаке сделает людей чуть-чуть чище, добрее, благороднее; что они будут больше ценить все, что их окружает, что они почувствуют красоту и поверят в целесообразность существования всего живого; что они еще больше полюбят свою Родину, будут ценить каждое мгновение жизни!»

*Смешной щенок,
набедокуривший в квартире.
Молодой пес
со своим хозяином,
с ребятами в парке.
Белый сеттер
на шпалах железной дороги...
Каждый,
кто видел фильм о Биме,
узнает эти кадры.
А тот, кто не видел,
наверное, захочет посмотреть.*



Сергей **ИВАНОВ**

В СТРАНЕ ПЧЕЛИНОГО ПЕНИЯ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 6.

Рисунки **Н. ДОБРОХОТОВОЙ**

Это были очень хорошие июльские деньки. Благодать погода. И жара вроде немного спала. Мы жили с Саней на пасеке вдвоем: Лена, Володя и Татьяна на неделю уехали в город да вот что-то задерживались.

Работы у нас хватало и даже с избытком, но мы не жаловались!

Рой

— Что же там Володя? Едет ли, не едет? — говорил Саня озабоченно.

— А что тебе, собственно? Хозяйствуем вроде нормально.

— Семья у меня думает роиться, вот что. А я не знаю, чего с ней делать.

Пасека здесь экспериментальная, каждый улей на учете. Вот Саня и беспокоился: надо пчелам роиться позволять или не надо?.. А Володя никаких распоряжений на этот счет не оставил.

Но вроде все было, тихо-мирно, роиться никто не думал. Я и сказал Сане, что, мол, зря волнуешься. Он подвел меня к одному домику:

— Замечаешь?

Я только пожал плечами.

— Гла́за у тебя еще нет, — сказал Саня голосом опытного пчеловода. — Здесь живет какая семья? Не помнишь? Сильная живет семья, пчел пропасть. А лёта почти нет.

В самом деле, на прилетной доске копошилось лишь пять-шесть пчел.

— Теперь слушай! — Саня приник к стенке улья, а за ним и я. — Слышишь?

— Ну... гудят...

— Они всегда гудят. Вопрос, как... А они высоко, тоненько гудят, неспокойно... — Он озабоченно покачал головой. — Это у нас вообще такой улей роистый! Уже третьяком пойдет.

— Что?

— Ну, значит, третий раз роится. За один этот сезон... Когда первый рой — это называется первак, второй — вторак, ну, а третий — это уже третьяк...

День, однако, прошел спокойно. Но вот на следующий...

Я колол гнилушки для дымаря, и тут Саня крикнул:

— Сыплет рой-то!

Я побежал к улью, на ходу надевая шляпу с сеткой.

— Не бойсь. Они теперь мирные.

Он был в одних трусах и стоял перед ульем на коленях — смотрел.

«Сыплет рой» — так говорят пчеловоды. Но мне показалось, что рой как бы выливается из улья. Или, лучше сказать, выплескивается, словно вода через край ведра, густыми брызгами, темными гудящими волнами. Сплошное пятно пчел расползалось по улью, все более облепляя его.

— Раньше о таком говаривали: рой сел медведем, — с удовольствием сказал Саня.

Он любил щегольнуть старопчеляцким словечком.

Между тем рою вдруг «надоело» сидеть медведем, и он начал разлетаться. Черная живая кора на стенках улья стала дырявой, рыхлой. Пчелы все взлетали, жужжа носились невообразимой, сверкающей на солнце кутерьмой.

— Улетят, Сань!

Он, улыбаясь, покачал головой.

— В рой совьются, тогда могут улететь. А по одной никуда они не денутся.

Но вот мы заметили, что рой стал садиться, «прививаться», как говорят пасечники. Сейчас он выбрал ветку яблони толщиною с палец. Черный копошащийся и довольно плотный клуб его все рос. Яблоневая ветка ниже и ниже склонялась под тяжестью этого странного плода.

— Роевню давай! — закричал Саня.

— А где она? — тоже крикнул я. Хотя мы стояли в двух шагах друг от друга.

— Ну где... — нетерпеливо крикнул Саня. — Дома где-нибудь. Погляди!

И я побежал... Саня прелестно мог бы принести роевню и сам. Но сейчас на пасеке главным был он. А я лишь его подмастерье.

Надо сказать, это хвальбушество дорого ему обошлось. Я кинулся в дом — туда, сюда. Нет роевни!

Пока я бегаю и ищу ее, у нас будет достаточно времени хотя бы кратко поговорить о том, что это такое — рой, откуда и зачем он берется.

Помните, я рассказывал, как матка в окружении свиты кормилиц своих ходит по выскобленным, до блеска начищенным сотам и червит — откладывает яички.

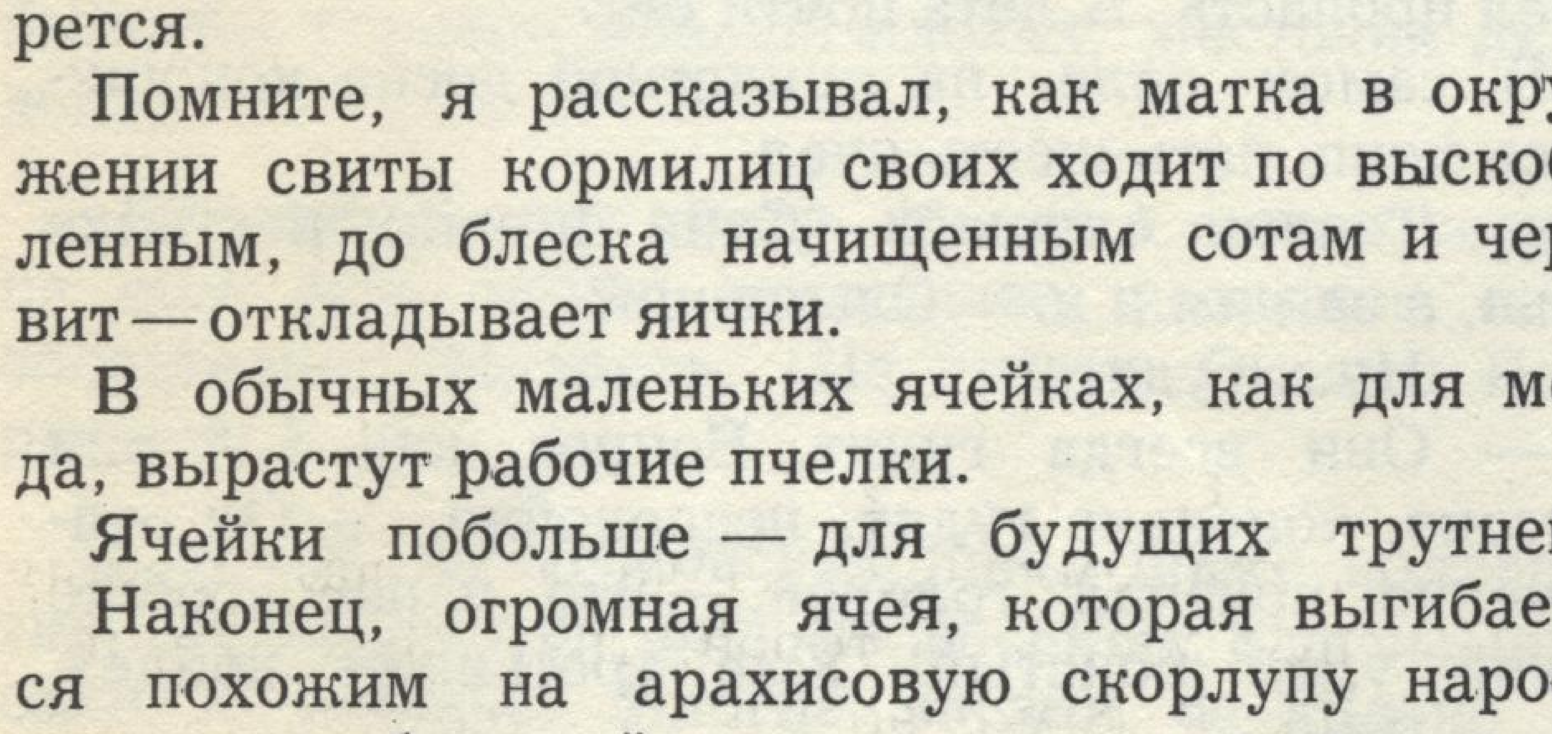
В обычных маленьких ячейках, как для меда, вырастут рабочие пчелки.

Ячейки побольше — для будущих трутней.

Наконец, огромная ячея, которая выгибается похожим на арахисовую скорлупу наростом, — для будущей матки.

Обычно семья выращивает новую матку, когда старая заболела, ранена или умерла (помните: «Пчела тужит»).

Но бывает, что новая матка появляется будто бы и без всяких причин. Это когда семья «решает» роиться. А для чего ей роиться? Сильной рабочей семье вдруг отдать половину пчел неизвестно куда. Можно сказать, на ветер! Раньше думали, что это происходит, когда в улье становится тесно. Да нет. Часто роятся и совсем небольшие семьи.



В чем же дело?

Наверное, вот в чем: роение — такой же рефлекс, как охрана улья или умение лепить на редкость ровненькие шестигранные ячейки. Появляется новая семья. А чем больше семей, тем больше пчел, тем крепче держится за жизнь весь пчелиный род.

Ну вот. А теперь можно вернуться ко мне и посмотреть, как я мечусь из комнаты в комнату. Где же эта роевня?!

Наконец я увидел ее, она стояла на печке. Роевня — это такая как бы корзина с крышкой... Схватив ее, я выбежал на улицу и увидел картину довольно странную: задрав голову к небу и шатаясь, Саня медленно бежал по направлению к дому. Потом побежал вправо. А голова его все была запрокинута.

Тогда и я наконец догадался поднять голову. Не очень высоко, на высоте так примерно с полдерева, тяжело летел неровный пчелиный шар. Мне показалось, я слышу его тяжелый гуд.

Рой долетел до березняка и стал подыматься, медленно набирать высоту, чтобы преодолеть это препятствие — зеленые и белые деревья.

Но, видно, ему не хватило сил. Или уж я не знаю что, но только шар этот замер на секунду, сломался, просыпался мгновенным дождем. И вот он уже висел неровной грушей на довольно тонкой березовой ветке.

Тотчас Саня превратился в охотника, реши-

тельного, отчаянного. Он окинул пасеку быстрым и жестким взглядом. Подбежал к бельевой веревке, на которой висели разные наши с ним причиндалы. В два рывка оборвал ее — белье полетело на траву... Схватил из рук у меня роевню... И вот он уже лез по березе — быстро, ловко и осторожно. Недаром он делал каждое утро зарядочку, недаром умел ходить на руках! А был Саня по-прежнему в одних трусах, на плече кольцами висела бельевая веревка, в зубах на кожаном ремешке — роевня.

Вот тебе и спокойная работа, вот тебе и до ста лет доживают!.. Теперь он пробирался по тонкой ветке, как воздушный акробат. И высота была подходящая. Только шел Саня не под куполом цирка, а под огромным и синим куполом неба.

Остановился и, балансируя, держась, как говорится, за воздух, подвел роевню под висящую черную грушу, начал голою рукой потихоньку стряхивать, сталкивать пчел. Я, не дыша, следил за ним.

Пчелы мягкими комками падали в роевню. Но некоторые взлетали, жужжа, мелькали в воздухе черным сверкающим облаком над Саниной головою, руками и лицом. А он все продолжал работать, будто ничего не замечая.

Наконец, все так же балансируя на гибкой ветке, он закрыл роевню, живо привязал к ней веревку и стал опускать. Над роевней кружились пчелы — из тех, что прежде не хотели идти внутрь, а теперь стремились туда всеми силами, да поздно.

Саня опустил роевню на землю, крикнул мне:

— Неси ее в зимовник.

Я прошел лишь несколько шагов и вскрикнул от боли: пяток бездомных пчел разом безжалостно вцепились в мою босую ногу!..

Когда я вернулся на террасу, нога успела уже опухнуть, словно я ее вывихнул. Саня, усмехнувшись невесело, показал мне свою правую руку. То была не рука, а лапа: красная, толстая.

Под вечер я вынес роевню на пасеку и вытряхнул пчел в пустой улей. Теперь я был в перчатках, в шляпе и сетке, в ботинках. Саня мог лишь давать мне указания: нажаленная рука его работала плохо.

Пчелы повоевали немножко, но солнышко уже село, лететь им было некуда. И они все остались в новом своем доме. Здесь ждали их пустые соты — работай вволю — и рамка с медом — пропитание на первое время...

Легли мы в тот день рано, а когда поднялись, опухолей наших как не бывало.

Позвольте вас пригласить на танец

О танцах пчел придумано много легенд. В той старой Володиной книжке, которую я читал однажды во время дождя, рассказывалось о балах, что дает «Пчелиная Царица» якобы в честь знатных залетных гостей...

Был жаркий день самой макушки лета — июль, семнадцатое число. Я помогал Лене осматривать ульи. Она была в легоньком платье без рукавов. Правда, в шляпе, но сетка поднята. И так она работала почти всегда. Странно, пчелы ее почти не жалили, словно жалели... Я же не мог пренебрегать техникой безопасности, был в «непрокусываемой» рубахе с длинными рукавами, в тяжелых джинсах. Да еще эта шляпа и сетка. В общем, работать мне ужас как не хотелось. Но коли уж обещался помогать...

Мы подошли к новому улью, и я приготовился было снимать с него крышку.

— Смотри-ка! — сказала Лена удивленно.

В эту жару приемщицы корма ждали летних пчел не внутри улья, как обычно, а снаружи, прямо на «аэродроме».

И вот приземлилась пчела. Она дала корму одной приемщице, второй, третьей, четвертой. Конечно, невозможно было рассмотреть крохотную каплю, которую каждый раз выпускала из себя прилетевшая пчелка. Лишь видно было, как приемщица всякий раз словно бы обнюхивает ее. На самом деле она слизывала нектар.

Однако, опустошив зобик, пчела на том не успокоилась. Жужжа, она закружилась по прилетной доске, потом пробежалась немного и опять закружилась.

— Лен, неужели танцует?! — удивился я.

Пчелы, что были на прилетной доске, тоже, видать, удивились. Они окружили танцовщицу. Потом некоторые стали повторять танец вслед за ней, как это бывает в деревне на кругу, когда одна плясунья раззадоривает и вызывает других.

У следующего улья мы опять увидели танцующую пчелу. Опять она рассовывала корм как можно большему числу своих подружек и кружилась и бегала...

— Володя! Что, гречиха разве уже зацвела? — крикнула Лена.

— А что такое? — откликнулся Володя.

— Танцуют.

Володя подумал и сказал:

— Ну, стало быть, зацвела...

Не поленившись, я сел на Санин велосипед и напрямую, через березняк, отправился к полю... Они, между прочим, любят немножечко темнить, эти научные работники. Гречиха зацвела, пчелы танцуют. Какая тут связь? На радостях, что ль, заплясали. Но пчелы не умеют радоваться. Они только умеют работать без устали. И потом умереть.

Еще не выехав на опушку, я увидел сквозь последние березы прекрасный бело-розовый цвет, разлитый по всему полю. Это было удивительно красивое и спокойное зрелище: розовое поле, темно-зеленая кайма леса, а вдали и выше — синее, июльское небо. Ветер качнул в мою сторону густой медвяный аромат. И я невольно вспомнил гречишный мед, который не раз покупал на рынке. Он был тяжелый, темный.

Гречиховый ветер подул снова. И теперь я услышал неторопливый рабочий гуд. Я прислонил велосипед к березке и вышел на берег бело-розового озера. Оно полно было пчел. Гречиха цвела. В глубине цветков своих копила крохотные капли будущего меда, а на тычинках вкусный пчелиный хлеб.

Над цветущим полем летали пчелы. Собирали нектар и пыльцу. Это была их работа. И чем лучше пчелы ее выполнят, тем больше будет гречихи.

А все же почему они танцуют?

Лена посмотрела на танцующих пчел и узнала, что расцвела гречиха. А как?

— Она по танцам пчел, — сказал Володя, — крупнейший специалист. Балетмейстер!

— Ну, а гречиха здесь при чем?

— Ты вот наблюдал за ними, когда они танцевали? — сказала Лена. — Что ты заметил?

— Ну... — Я пожал плечами. — Кружились, жужжали...

Уследить за танцами пчел совсем не просто. Если б Лена прошлый раз не показала мне их, я совсем ничего не заметил бы. А между тем тут каждое движение важно — как слово в разговоре. Или, лучше сказать, в рассказе... О чем же этот «рассказ»? Да, конечно, о самом главном. О медоносных цветах.

Пчеловодам потребовались многие годы наблюдений, да еще каких кропотливых, чтобы разгадать эти танцы.

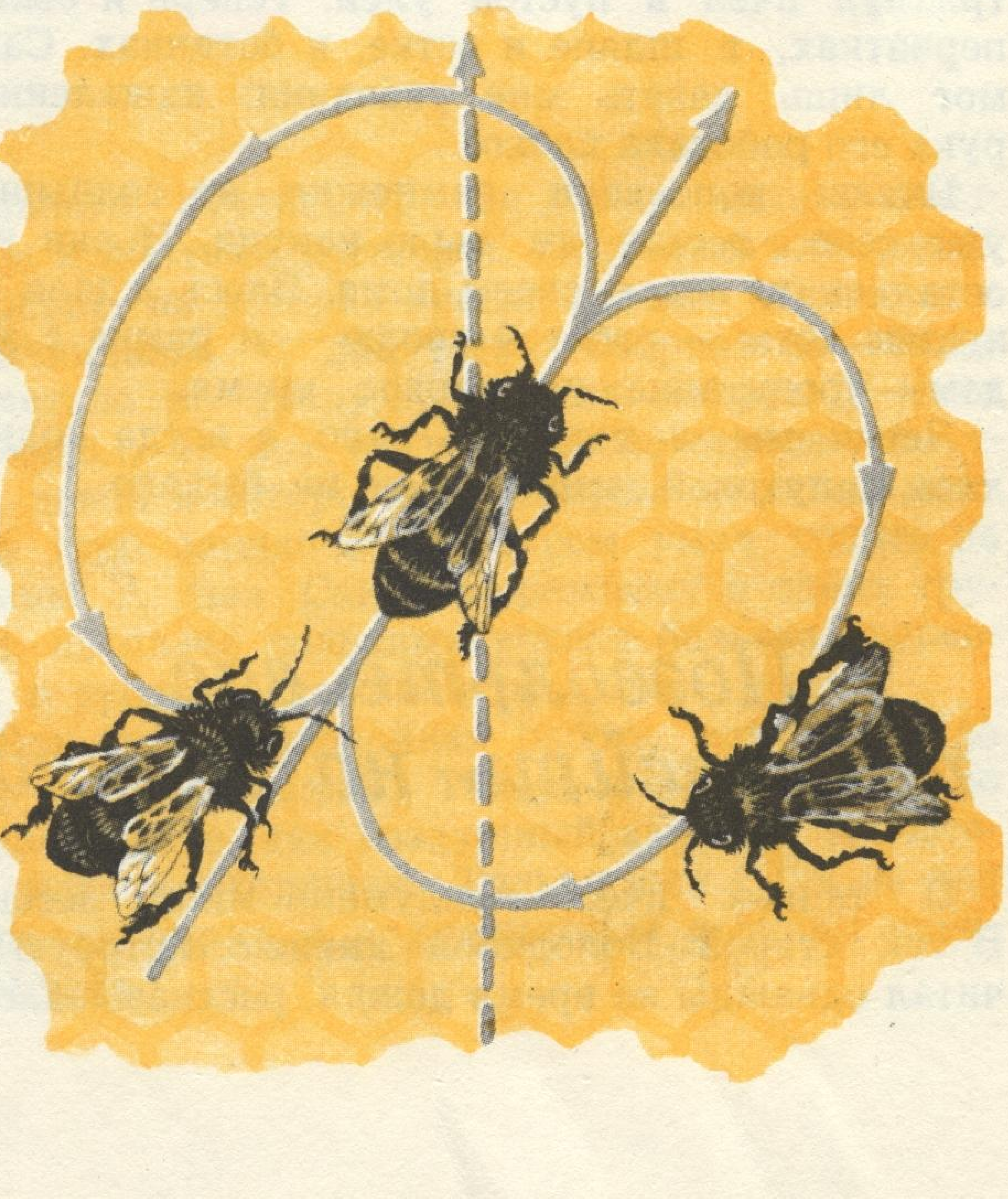
Чтоб расшифровать пчелиные танцы, пришлось поставить сотни хитроумных опытов.

Посмотрим? Нет, лучше понюхаем

Наконец люди поняли пчел! А как понимают друг друга сами пчелы? Странный вопрос, верно? Но, оказывается, не такой и странный: чтобы понять танцы, надо их увидеть. Однако пчелы чаще всего танцуют в улье, а там темно! Танец на прилетной доске, который показала мне Лена, — это, можно сказать, чистое везение, редкость.

Может, пчелы умеют видеть в темноте? Нет. Но зато при помощи своих усиков они очень внимательно обнюхивают и ощупывают танцовщицу.

В темноте, всего лишь обнюхивая пчелу-разведчицу, пчелы могут определить, откуда она прилетела, где находится поле. Однажды на до-



Пчела-разведчица танцует — показывает летным пчелам, куда лететь за нектаром. Они готовятся повторить ее движения — изучают новый маршрут.

О чем же рассказывает танец разведчицы?

Посмотри, здесь она как бы описывает восьмерку. Значит, путь предстоит неблизкий.

Танцем она показывает и направление, говорит, куда лететь. На рисунке это показано стрелкой. Сейчас стрелка направлена на верхний край рамки — следовательно, лететь надо прямо в сторону солнца.

Повторив танец разведчицы, летная пчела вылетает из улья и, держа курс на солнце, находит цветок.

вольно большом расстоянии от улья ученые поставили вазу с лилиями... Всего три-четыре цветка, но и их обнаружили разведчицы. И привели с собой подружек.

Самые способные, самые чуткие, самые «глазастые» летные пчелы становятся разведчицами.

Про что танец

Ну, во-первых, в какую сторону, а лучше сказать, в каком направлении надо лететь. Во-вторых, какое расстояние до новых цветов. В-третьих, какие это цветы. В-четвертых, много их там или мало.

И вот пчела-разведчица вбегает в улей, на рамку с сотами. Здесь оказываются и другие летные пчелы: одни отдают взяток, другие снова отправляются в полет.

Разведчица жужжит — собирает вокруг себя народ, потом выпускает капельку нектара. Запах нектара рассказывает, что за цветы нашла пчела. Потом начинается танец. Если танцует возбужденно и долго, значит, открыто местечко что надо! Если же вяло, то цветов не очень много... Но разведчицы зовут и на бедное месторождение: нектар нужно собрать повсюду. Если танец вялый, разведчицу «послушается» мало пчел. Вот почему на цветах никогда не бывает толкучки.

Итак, знаем: зацвела гречиха (капелька нектара), цветов много (танцует, как угорелая)... А сколько лететь до места — далеко или близко? Надо же силы рассчитать.

Внимание! Разведчица, танцуя, делает круги — значит нектар близко, не дальше ста шагов.

А вот другой танец. Расстояние то же, а направление полета иное. Ось наклонена немного вправо. Значит, пчела, вылетев из улья, «прицеливается» на солнце и потом возьмет вправо под таким же углом. Этот путь пчелы показан и на втором рисунке.

А если б далеко? Тогда танцовщица выписывает как бы восьмерки и еще впридачу виляет брюшком.

О расстоянии пчелы «рассказывают» и жужжанием. Я однажды слушал магнитофонную пленку, на которой записаны были разные пчелиные сигналы. Если, например, до цели метров тридцать, то слышны такие звуки, словно заводят мотоцикл. А если далеко, с полкилометра, то кажется, что кто-то пилит дрова на визгливой циркулярной пиле...

Теперь известно: гречиха, много, далеко.

Но в какую сторону лететь? Как узнать направление? Это, пожалуй, самое интересное. Оказывается, пчелы умеют ориентироваться по солнцу. Но погодите, ведь разведчица танцует на сотах, которые висят в улье, в темноте!

Тут надо запомнить одно: направление на верхний край рамки — у пчел всегда направление на солнце. Когда ученые поняли это, прочитать движения танцовщицы стало уже легко. Вот она «выписывает» круги или восьмерки (рассказывает о расстоянии), а потом делает прямую короткую пробежку — указывает направление, куда лететь. Например, она бежит по сотам вверх, но отклоняется влево. Что должна будет делать летная пчела, когда выберется из улья? Она должна найти солнце, прицелиться в него и потом взять влево.

И вот все стало нам вроде бы понятно. И мы говорим: никаких чудес... Верно! Но до чего ж все сложно и удивительно устроено у этих пчел!

Летит по воздушному океану крохотная точка. Пролетела километр, а то и больше... Зачем? Чтоб упасть на гречишный цветок, выпить невидимую каплю и спешить назад, в улей.

Я привычно зачерпнул ложку меда и остановился — сколько же труда и сколько все-таки чудес она стоит.

Последняя пчела

Когда пишешь о ребятах, то хорошо кончить тем, как они выпутались из опасного приключения и стали умнее, смелее, честнее.

А когда пишешь повесть о пчелах, то ничем таким кончить невозможно. Вышла из ячеи, весь век свой недолгий трудилась, потом тихо умерла, убравшись из родного улья. А то и погибла в клюве птицы, а то и пропала под июльским ливнем...

На пасеку я снова выбрался только в октябре. Осень выдалась ровная, золотая. По утрам трава лежала седая от мороза. И когда выходило низкое солнце, над полями полз, извиваясь и серебрясь, редкий пар. Я ехал на велосипеде и радовался погоде и свежему раннему утру.

Кругом стало теперь еще просторней. Там, где высились овсы и поля хлеба, теперь осталось одно только желтое жнивье. И гречиха давно уж была скошена, обмолочена. Не осталось и цветов — откуда взяться им осенью. Только деревья щедро желтели мне навстречу.

И пчел я тоже, конечно, не видал ни одной. В пустых осенних полях им не найти корма. Они сейчас в своих ульях, будто ничего не случилось, готовятся к зиме, шпаклюют стены дома своего клеем-прополисом.

А все же грустно природе без пчел. Слишком тихо и молчаливо... Я приехал на пасеку — ульи были убраны, дом заперт. На клоке бумаги, приколотом к двери, Саниной веселой рукой было написано: «Нахожусь в техникуме, буду вечером или завтра». Ну, вот и все. Я постоял минуту и поехал в город...

День был воскресный. Оставив велосипед свой у Лены с Володей и прихватив Татьяну, я отправился на базар. Он оказался в этой местности хоть и невелик, а боек.

Да и было чем торговать! Яблоки чуть не ста сортов, огурчики малосольные, кабачки, помидоры, сливы, сахарные груши. Ну и отдельно, конечно, медовый ряд.

Татьяну ничем этим было не удивить. Она приходила сюда сто раз. А я все не мог налюбоваться, нанюхаться.

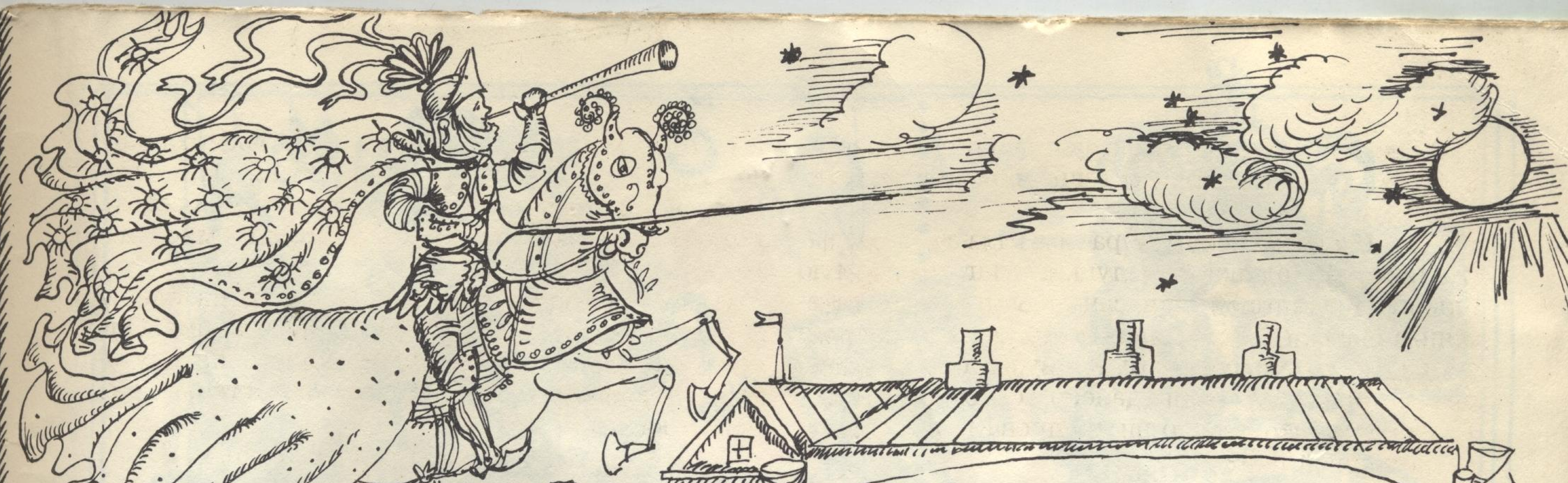
Горело спокойно осеннее солнце.

И здесь, может, единственную на всем базаре, я увидел пчелу. Она присела на край кадушки с медом. Попробовала, что за мед, слетела, стала подниматься вверх над базаром, словно хотела узнать, все ли здесь как следует, хорошо ли они поработали этим летом.

И, наверное, увидела, что хорошо. И улетела.

Прощай же! Доживи до будущей весны.

КОНЕЦ



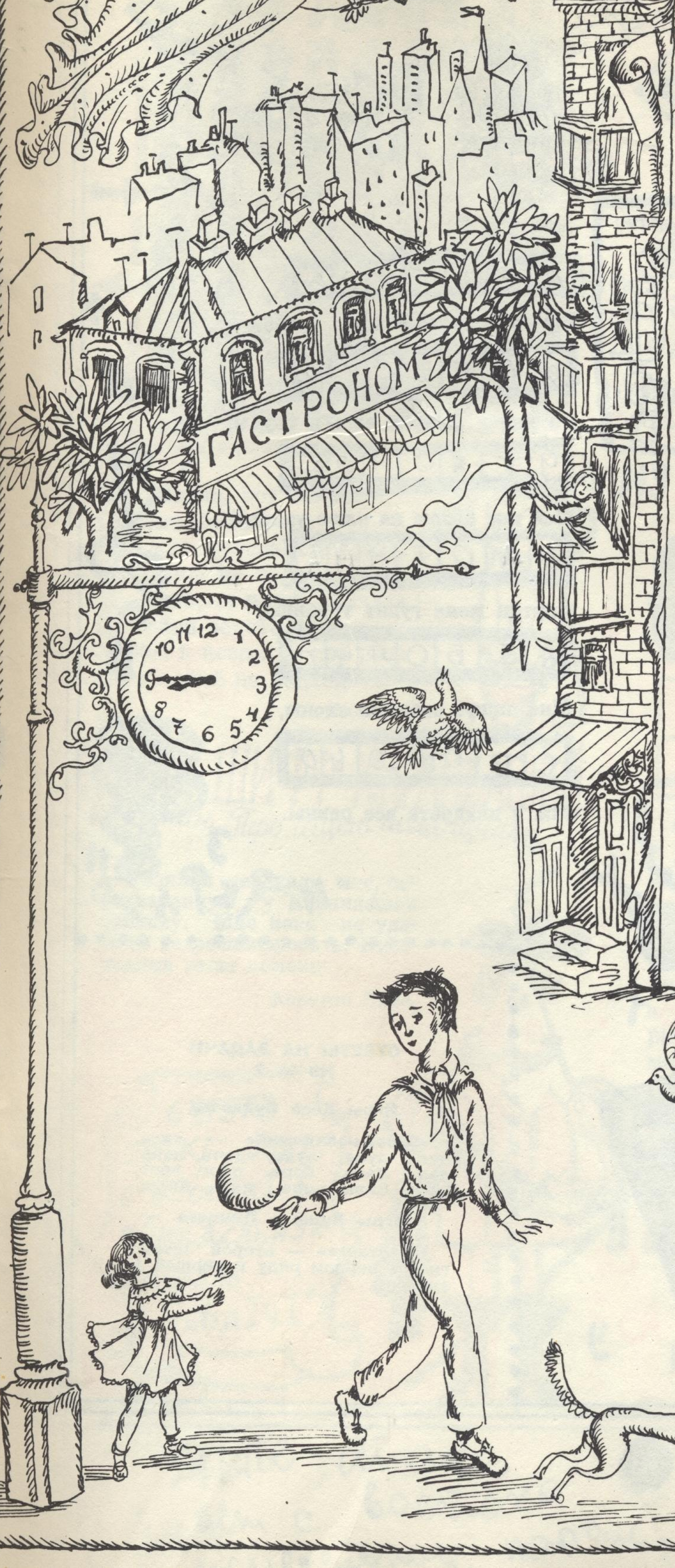
Зоя ТУМАНОВА

Рыцарь нашего двора

Из дома, что напротив «Гастронома»,
В три четверти девятого утра,
Ни сказкам, ни легендам незнакомый,
Выходит рыцарь нашего двора —
Без шлема и без черного пера.
Ничем еще он не прославлен в мире,
Он нас с тобой в плечах ничуть не шире.
Нам непонятно, в чем его секрет.
А может быть, секрета вовсе нет?

Так почему о нем повсюду слухи?
Ничейный пес, хромой и корноухий,
Хвостом ему дорожку разметет...
А он и пса в обиду не дает!
От скуки он забор не расшатает,
В окно не кинет камнем на ходу.
Он на катке — и места всем хватает,
Никто не гонит в шею «мелкоту» —
Ведь он стоит у правды на посту.

Он не владеет ни мечом, ни шпагой,
За что его так уважает двор?
Он не самбист и вовсе не боксер.
Чем он силен?
Одной своей отвагой!
Как хорошо, что с самого утра
Выходит рыцарь нашего двора.



Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

И без хвостов и без голов
Перед тобой десяток слов,
На помощь им приди скорей,
Хвосты и головы приклей.

Головы и хвосты

ИТ, ПЛ, УТ, ТР,
ОР, АЙ, НА, СТ,
БУ, ЛЬ, ПЕ, ИЩ,
ТО, РЬ, ПЕ, ВА,
КР, КО, БУ, РЬ.

БУКВАРЬ

Меня принес ты в первый класс,

ТОВАРИЩ

Мной должен быть любой из вас,

КОРАБЛЬ

Из Тикси в Мурманск я спешу,

КРАПИВА

Я без зубов, но укушу,

ПЕСКАРЬ

Боюсь попасть я щуке в зубы,

ОРКЕСТР

Во мне и флейты есть и трубы,

УТКОНОС

Мой нос похож на клюв утиный,

ПЛОТИНА

Внутри меня гудят турбины,

АЙБОЛИТ

Мне пишут зайцы и слоны,

СТОРОНА

Мы у квадрата все равны.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

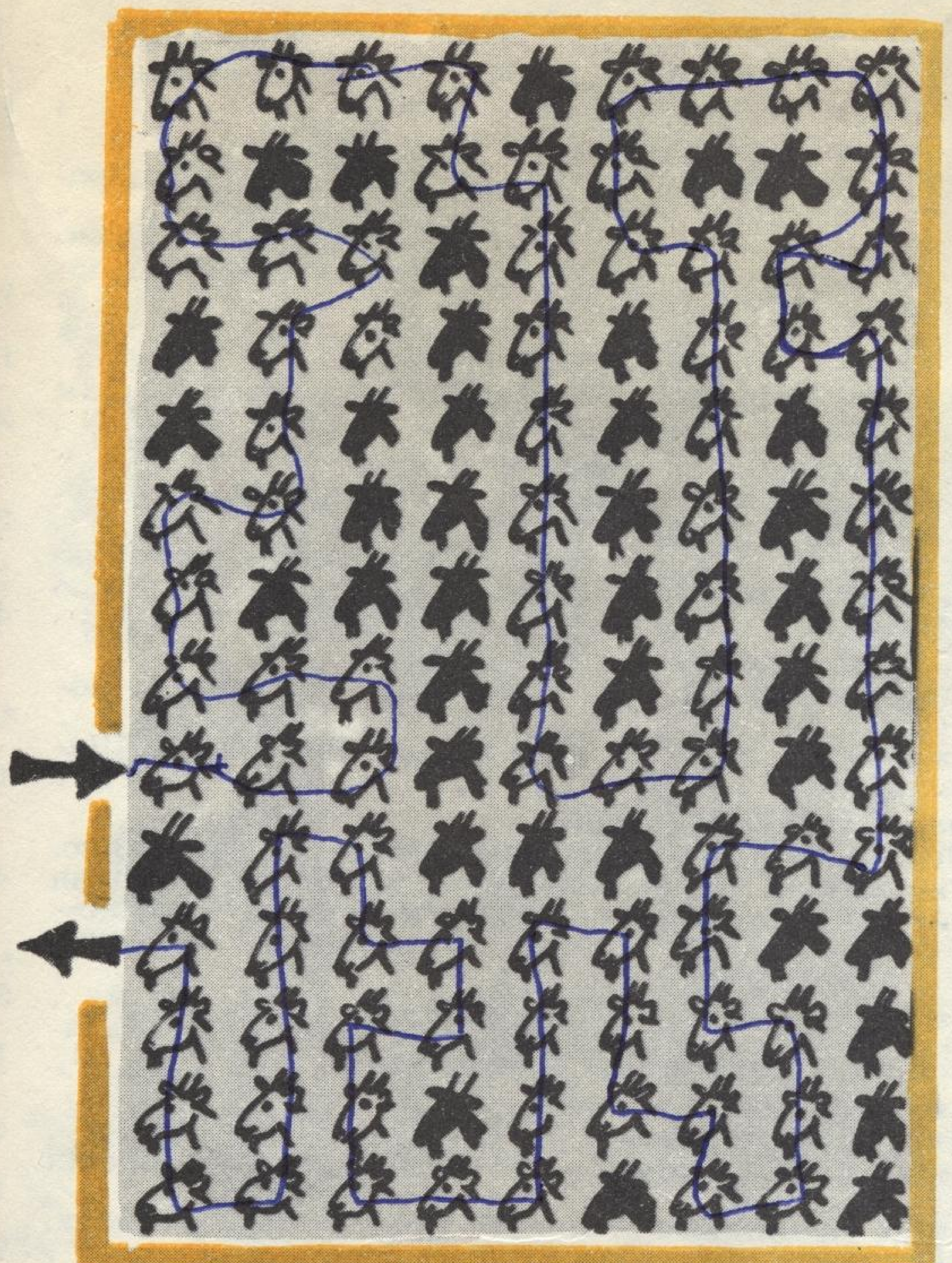
Игры Деда Буквоеда

«Слова-невидимки» — лиса, липа, лупа, луна, день, пень, пена, Лена, борт, порт, пост, мост, Вика, пика, пила, пища.

Игры Лупы и Пинцета

«К штанге» — второй штангист в первом ряду и первый в третьем.

КОЗИРИНТ



Вот задача, вот вопрос:
Подоите белых коз,
Но, пожалуйста, смотрите,
Ни одной не пропустите!
И — вторая часть приказа —
За собой ведите нить,
Чтобы к козам по два раза
Ни к одной не подходить!

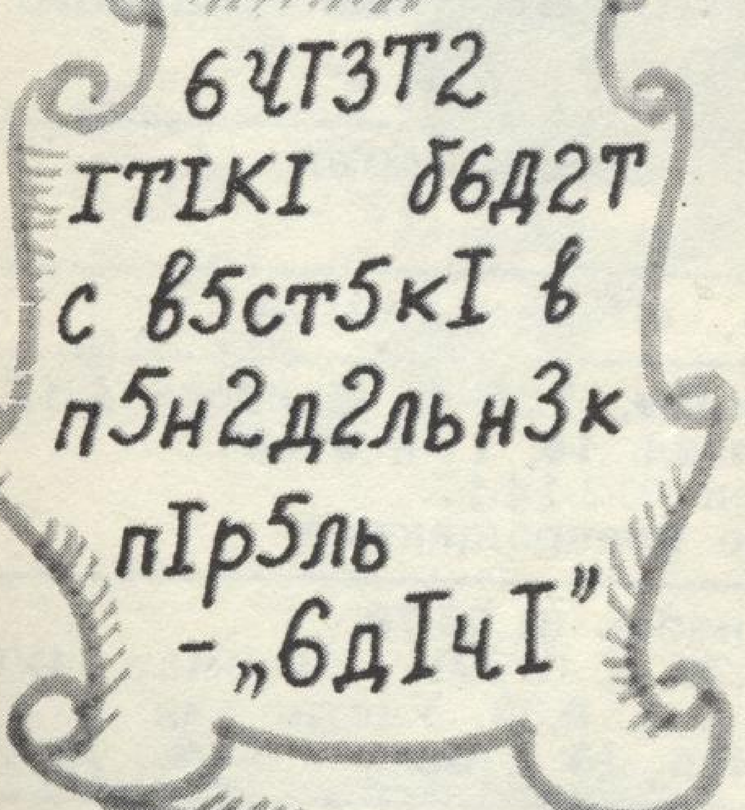
Живживка.

НОВЫЙ ШИФР КАРАНДАШЕЙ

Капитан Перо ищет помощника

Резинки передали мне перехваченную у Карандашей записку. Мне пока не удалось ее расшифровать. Необходима ваша помощь.

Капитан Перо.



УЧТИТЕ, атака
будет с востока
в понедельник пароль: удача

Игры Лупы и Пинцета

Подарок из Африки. * Каверзный квадрат.

К	А	Ч	Г
Г	Л	К	А
А	Ч	Г	Л
Л	К	А	Ч

Друзья прислали нам конверт с африканскими марками. Среди них четыре марки Алжира, три — Камеруна, три — Республики Чад, три марки Ганы и последние три — Либерии. Не могли бы вы помочь нам так расклеить эти марки на кляссерном листе, чтобы ни на одной горизонтали, ни на одной вертикали и ни на одной из диагоналей не было двух марок одной и той же страны?

Уверен, каверзный
квадрат
Уступит натиску
ребят!

Пинцет.

А вы ходили на байдарках по Десне?

Я хочу рассказать вам про свое любимое — про греблю. Многие думают: «Раз гребля, значит, широкие плечи!» Я занимаюсь второй год, но никаких широких плеч у меня нет. Плечи как плечи. Но вот красивая осанка появилась. Раньше я сутулилась, как многие высокие люди, а теперь совсем не горблюсь. Я видела олимпийскую чемпионку Е. Курышко. Какая у нее осанка, фигура! Любая девочка позавидует.

Почему-то о гребле мало пишут. Вы бы видели, сколько ребят занимаются этим спортом. У нашей базы «Локомотив» есть летний и зимний лагерь в Фастове и Пуще-Водице. Наш лагерь в дубовой роще, кругом лес. Хотя у нас летом по три тренировки в день, но отдыхать мы тоже успеваем.

И зимой прекрасно проводим время. Эта зима была снежная, хорошая для лыж. У нас были соревнования. Девочки бегали три и пять километров. Я бегала три километра и была первой. А знаете, сколько у нас девочки подтягиваются? Двадцать девять раз! В нашем классе не все мальчики дотянут до двадцати. Вы скажете про нас: «Они же тренируются». Да, мы тренируемся. В зале — штанги, гири, брусья. Мы отжимаемся, подтягиваемся, играем в баскетбол, регби.

Правда, не все новички, пришедшие в греблю, остаются. Выдерживают только выносливые.

А какие у нас походы по Десне! Знаете, как тяжело идти против течения двадцать восемь километров! Остановишься, а тебя течением сносит назад, кругом водовороты. Зато по течению идти — одно удовольствие. В день мы делали по пятьдесят километров. Так проверяется выносливость.

После переходов сидишь у костра, ешь то, что сварили дежурные, и не верится, что наконец-то ты добралась до стоянки.

А как здорово просто прийти на тренировку, вынести лодку, выйти в Матвеевский залив и откатать свои шестнадцать километров!

Лариса Колчина,
г. Киев.

СОДЕРЖАНИЕ

Красный галстук носите с гордостью! — Т. Лобанова. Фотографии В. Гусева и С. Петрухина . . 1
Я — артековская вожатая. — Стихи О. Беликова . 2
Международный пионерский клуб «Товарищ». — Фотографии А. Мартиросьяна 3

С комсомольским билетом
Огни «Эдельвейса». — В. Близненкова. Фотографии В. Кириенко 7
Колосок. На покосе. Корова. Журавли. Пельмени. Сиреневый, розовый, синий... — Стихи Т. Белозерова. Рисунок А. Борисова 10
Новоселье. — Повесть А. Ампелонова. Продолжение. Рисунки Е. Медведева 12
Малая пионерская энциклопедия. — Фотографии В. Гусева и А. Мартиросьяна 23

Штаб пионерских активистов «Горн»
Бей, барабан! — С. Варакин. Рисунки А. Борисова. Фотография П. Асаульченко 26
Синяя молния. — Повесть С. Романовского. Окончание. Рисунки В. Дудкина 28
«Кораблик» 43

Звуки, буквы, слова
Странная фраза. — Л. Успенский. Рисунки А. Вовиковой 44
«Переменка». — Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Е. Шабельника 46

С комсомольским билетом
Москва олимпийская, год 1978. — И. Павленко. Рисунки В. Стрижкова. Фотография О. Рябцева 48
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки Е. Гладиковой 51
Биография детства. — В. Торопыгин 52
Сумка Гайдара. — Повесть-поиск Б. Камова. Продолжение. Рисунки С. Трофимова 54

Под охраной Красной книги
Владыка джунглей. — Н. Надеждина 65
Я увидел тебя в кино... — И. Никитина. Фотографии А. Кокоревой 67
В стране пчелиного пения. — Повесть С. Иванова. Окончание. Рисунки Н. Доброхотовой 71
Рыцарь нашего двора. — Стихи З. Тумановой. Рисунки А. Бединой 77
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Сами о себе 80

На обложке:
Здравствуй, солнце, здравствуй, лес! Мы попали в край чудес! — Рисунок Б. Гуревича.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1978.

Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 31.05.78.
Подписано к печати 03.07.78. А 01191. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1760. Заказ № 2344.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СИГНАЛЫ ГОРНА И БАРАБАНА

Рассказ о школе барабанщиков читай на странице 26.

№1 «Внимание!»

№2 «Побудка»

№3 «На обед» (завтрак, ужин)

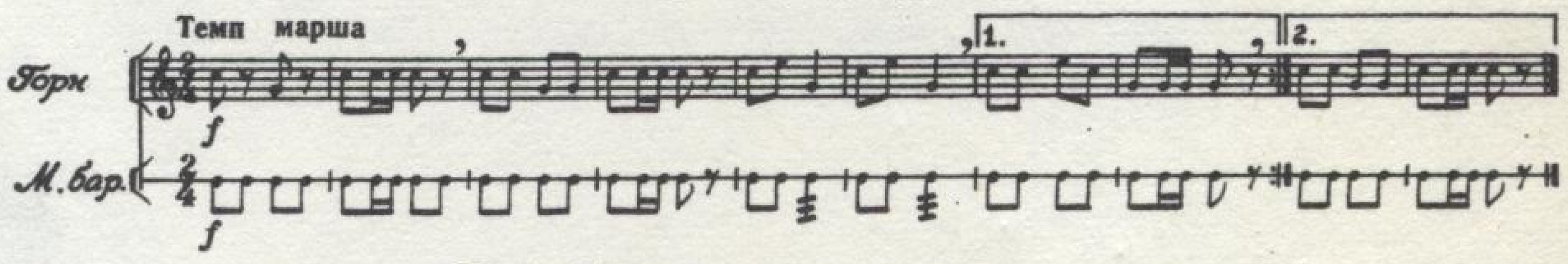
№4 «Сбор»

№5 «Тревога» А и «Отбой тревоги» Б

№6 «Ко сну»

№7 «Подъем и спуск флага»

№8 «Марш на линейку»



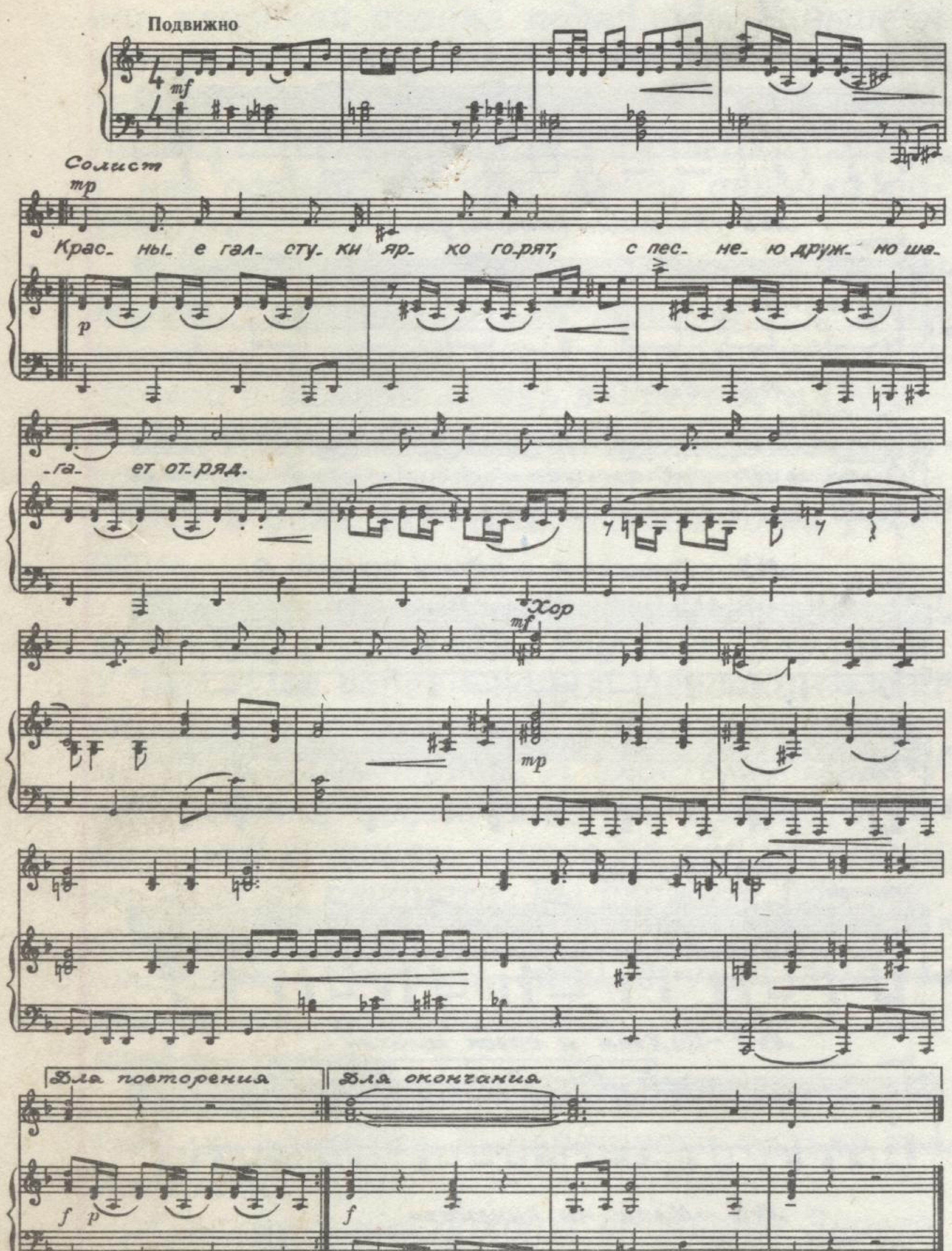
№9 «Вынос знамени»

№10 «Походный марш»

*) Все сигналы могут быть исполнены на трубе.

Рисунки А. БОРИСОВА

37-50



Красные галстуки

Слова А. ЖАРКО и А. ЧУДИНОВСКОГО.

Музыка И. КОСМАЧЕВА.

Красные галстуки ярко горят,
С песнею дружно шагает отряд.
Помни, что галстук не зря ты надел —
Стань продолжателем доблестных дел! } *2 раза*

Вспомни про знамя, что дедов вело,
Знамя, что сердце их юное жгло,
Что и теперь, как в бою, впереди,
С отблеском красным на нашей груди. } *2 раза*

Красные галстуки в бой нас ведут.
Завтра нас ждут и ученье и труд.
Будем, куда б ни вели нас года,
Красные галстуки помнить всегда. } *2 раза*

Цена 25 коп. Индекс 70694.